

ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ #5 '03

ПРОДУКТ ЭВОЛЮЦИИ

ГАЛИНА

БАРКЕР

МЗАРЕУЛОВ

МАКДЕВИТ

ГОЛОВИН

ПАНЧЕНКО

АСМОЛОВ

ПРАШКЕВИЧ

ЭРОС С БЛАСТЕРОМ В РУКЕ

ФАНТАСТИКА ДАРИТ СВЕТ.

НЕ БОЙСЯ ЕГО.

ИДИ НА СВЕТ!

ПОДПИШИСЬ НА «ЗВЕЗДНУЮ ДОРОГУ»!

Подписные индексы журнала — 81935 (каталог «Роспечать») или 38429 (Объединенный каталог). Сравните подписные цены в вашем регионе и выберите лучший вариант.

ЗВЕЗДНАЯ ДОРОГА

журнал фантастики # 5 '03

Содержание

Отныне жители России при помощи нашего журнала смогут заказать новинки фантастической литературы. Ознакомьтесь с майским каталогом!

Главный редактор *Александр Ройфе*
Редактор *Василий Мельник*
Издатель *Игорь Огай*

Над номером работали: Сергей Кабанов, Алевтина Горева, Александр Набоков. **Использованы фотографии** Д.Новикова (Митрича). **На обложке** – работа У.Барлоу «Суррогат».

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство ПИ № 77-3212 от 20.04.2000. Лицензия ИД № 02440 от 24.07.2000. Юридический адрес: 143400, Московская область, г. Красногорск, ул. Ленина, 53.

Почтовый адрес редакции: 143400, Московская область, Красногорск-8, а/я 105. **Тел./факс** 563-55-54. **Электронный адрес:** starroad@rusf.ru. **Интернет:** www.rusf.ru/starroad.

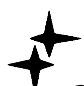
Подписано в печать 30.04.2003. Формат 60x88 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 10,0. Тираж 1500 экз. Зак. № 1788.

Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНИТИ»: 140010, г. Люберцы, Октябрьский просп., 403. Тел. 554-21-86.

Содержание © «Звездная дорога», 2003
Дизайн-макет © А.Ройфе, 2002
Заставки к разделам © В.Мартыненко, 2002

БОРТОВОЙ ЖУРНАЛ

3–6/IV Состоялся «Киевкон»

Киев. В столице Украины состоялась первая после многолетнего перерыва фантастическая конференция, которая получила название «Киевкон-2003». Почетным президентом конференции был легендарный украинский фантаст и диссидент советских времен Олесь Бердник, однако незадолго до ее открытия его не стало... И получилось так, что «Киевкон», организацией которого занималась дочь писателя Громовица ***(на снимке)***, оказался данью памяти ее отцу...

В конференции участвовало немало российских и украинских фантастов (в их числе – Г.Прашкевич, В.Головачев, С.Лукьяненко, В.Васильев, Е.Дворецкая, Ю.Буркин, Г.Л.Олди, В.Савченко, М. и С.Дяченко, Ф.Березин). Кроме того, гостями «Киевкона» стали ученые – например, генетик В.Кордюм и историк Ю.Шилов. Соответственно, некоторые мероприятия имели научно-просветительский характер (семинары «Фантастическая литература и развитие индивидуальности в III тысячелетии», «Влияние фантастики на исторический процесс», «круглый стол» «Куда движется человечество?»). Однако были и традиционные встречи с читателями в магазинах и библиотеках, презентации новых книг и CD (известная поклонникам серия «Театр Г.Л.Олди» пополнилась двойным альбомом «Баллада двойников»). Не обошлось без присуждения литературных призов: в номинации «Лучшая НФ» наградили Бориса Штерна (посмертно) за роман «Вперед, конюшня!», в номинации «Лучшая фэнтези» – Андрея Валентинова за роман «Спартак», в номинации «Лучшая украиноязычная фантастика» – Васыля Шкляра за книгу «Ключ».

Наряду с этими наградами были вручены: премия «Спираль веков» (так формулировалась тема конференции) и титул «Профессиональный почетный гость» – Геннадию Прашкевичу; специальный приз в виде камня из Стоунхенджа – Василию Головачеву (единственному фантасту, рискнувшему выдвинуть собственную концепцию времени); премия «Большая Урания» – Сергею Лукьяненко (за роман «Спектр»; в нынешнем году томский фестиваль «Урания» не состоится, а лауреат был определен по результатам продаж в сибирской книготорговой фирме «Топ-книга»).

Премию «Чаша Вечности» за выдающиеся заслуги перед фантастикой присудили Олесю Павловичу Берднику ***(«3Д-информ»)***.

4/IV Умер Николай Орехов

Минск. От сердечного приступа скоропостижно скончался Николай Орехов – ученый, писатель и издатель, внесший заметный вклад в развитие отечественной фантастики. Ему едва исполнилось 50... В некрологе, подписанном ведущими белорусскими фантастами (В.Аникеевым, Ю.Брайдером, С.Булыгой, Е.Дроздом, Б.Зеленским, И.Найденковым, Н.Новаш, А.Потупой, А.Силецким, С.Трусовым, Н.Чадовичем, А.Эйпуром), в частности, говорится:

«Впервые мы приметили этого невысокого, излучающего энергию человека с живым лицом и карими глазами на заседаниях минского КЛФ "Циолковский". Клуб был официально зарегистрирован, но просуществовал недолго: в памятном всем фэнам 1984 году власти его прикрыли. И тогда Орехов предложил активу клуба собираться в его лаборатории в стенах Белорусского госуниверситета... Все минские фантасты бывали на этих заседаниях...

Именно от Николая мы узнали о создании ВТО МПФ – организации, которая действительно печатала молодых авторов; именно он привлек нас к сотрудничеству с ней... А в начале 90-х Николай Орехов стал одним из создателей издательства "Эридан" – пионера частного издательского дела в Белоруссии, да и во всем Союзе... В этот период выходят его книги (в соавторстве с Георгием Шишко) "Белое пятно на карте" (1989), "О вечности, о доблести, о славе" (1989), "Заповедник для человечества" (1990), "Сумасшедшая книга" (1993). После трагической гибели соавтора Орехов отошел от писательской деятельности, занимаясь делами издательства. К сожалению, ухудшившаяся политическая и экономическая ситуация в Белоруссии привела к ликвидации "Эридана", и последние годы жизни были для Николая Орехова очень непростыми...» ***(«ЗД-информ»)***.

7/IV Названы претенденты на АБС-премию

Санкт-Петербург. По сообщению оргкомитета Международной премии имени А. и Б.Стругацких (АБС-премии), Борис Стругацкий назвал финалистов 2003 года. Теперь жюри придется выбирать из следующих кандидатур:

в номинации «Художественное произведение» – Сергей Лукьяненко (роман «Спектр»), Игорь Пронин (повесть «Мао»), Михаил Успенский (роман «Белый хрен в конопляном поле»);

в номинации «Критика и публицистика» – Андрей Валентинов (статья

«Кто в гетто живет?»), Геннадий Прашкевич (мемуарная книга «Малый Бедекер по НФ»), Андрей Шмалько (статья «А за что нас любить?»).

Таким образом, статьи Андрея Валентиновича Шмалько (Валентинов – его литературный псевдоним) будут конкурировать сами с собой. Интересно, какая ипостась этого писателя получит (если получит) награду на торжественной церемонии, которая состоится 21 июня – в день, «равноудаленный» от дней рождения Аркадия и Бориса Стругацких? ***(«ЗД-информ»)***.

15/IV Борису Стругацкому исполнилось 70 лет

Санкт-Петербург. Литературная общественность города на Неве отметила юбилей одного из самых знаменитых и уважаемых жителей Питера – писателя-фантаста Бориса Натановича Стругацкого. В тот же день бокалы за здоровье юбиляра подняли многие поклонники фантастики в России и в мире.

Уроженец Ленинграда, блокадник, астроном по образованию, много лет проработавший в Пулковской обсерватории, Борис Стругацкий начал писать фантастику в соавторстве с братом Аркадием в конце 50-х. В цикле рассказов «Полдень, XXII век» (1962) им удалось создать одну из самых симпатичных литературных утопий, нарисовав справедливое общество будущего, состоящее из хороших людей. Путь к светлому завтра тоже казался ясным, и лежал он через самоотверженную борьбу с теми, кто стоит на пути прогресса («Попытка к бегству», 1962). Но очень скоро перед соавторами встал вопрос о цене этого прогресса, за который практически всегда надо платить человеческими жизнями («Трудно быть богом», 1964). А затем братья Стругацкие превратили своих героев из прогрессоров в объект прогрессорской деятельности («Волны гасят ветер», 1985). И увидели читатели, что это совсем неуютно... Но как же идти к светлому будущему? Надежда на грядущие поколения высказывается в «Отягощенных злом» (1988), размышления о предопределенности всего сущего присутствуют в романе «Поиск предназначения» (1995, написан уже после смерти Аркадия Стругацкого). Та же проблематика – и в новом романе «Бессильные мира сего» (2003)...

Поздравить писателя с 70-летием решил и президент России Владимир Путин. В его телеграмме юбиляру отмечалось: «Имя братьев Стругацких хорошо известно многомиллионной армии поклонников научной фантастики. Удивительный мир, созданный на страницах ваших книг, неизменно привлекает и завораживает читателей. Эти яркие, талантливые произведения стали настоящей классикой жанра». «Звездная дорога» с удовольствием присоединяется к словам президента и желает писателю крепкого здоровья и новых литературных свершений ***(«ЗД-информ»)***.

17/IV Объявлено о создании музея фантастики

Сиэтл. Писатель-фантаст Грег Бир и миллиардер, один из основателей фирмы «Майкрософт» Пол Аллен объявили о своем намерении открыть в этом американском городе музей фантастики, который будет называться «Опыт НФ» («The Science Fiction Experience»). Преданный поклонник жанра с юношеских лет, Аллен готов инвестировать в этот проект до 20 млн. долл. К созданию музея привлечено множество специалистов, в том числе Рэй Брэдбери, Дэвид Брин, Артур Кларк, Ким Стэнли Робинсон, Нил Стивенсон и Майкл Уэлан. Как пишет «Нью-Йорк таймс», посетителей будут ждать не только стенды и экспонаты, но и элементы парка развлечений.

Любопытно, что музей фантастики откроется в том же здании, где уже работает Рок-музей. Это даже символично: все-таки фантастика и рок-н-ролл долгие годы шли рука об руку, олицетворяя собой контркультуру и имея общих поклонников ***(«ЗД-информ»)***.

18–20/IV На «Форконе» показали рок-оперу

Москва. В подмосковном пансионате «Елочка» состоялся второй общероссийский конвент, посвященный творчеству американской писательницы Лоис Макмастер Буджолд – автора саги о Майлзе Форкосигане с планеты Барраяр. Как хорошо знают читатели саги, в течение каких-то двух-трех поколений из заштатного угла обитаемого космоса Барраяр внезапно превратился в могущественную космическую империю – с дворянской элитой, культом воинской доблести и идеалом служения императору, отождествляемому со всем государством. И потому неудивительно, что единственный прочитан-

ный на конвенте доклад был посвящен именно империи, точнее, отражению этого понятия в мировой историографии и в современной фантастике.

Центральным же мероприятием «Форкона», как и в прошлом году, стала ролевая игра «Год взятия Комарры», в которой приняло участие около 80 человек – практически все участники конвента. Основой игрового сюжета послужили переговоры о признании другими членами галактического сообщества захвата Барраяром богатой планеты Комарры. А кульминационным моментом игры (как и всего конвента) стало представление рок-оперы «Легенда о принце», посвященной трагической судьбе принца Зерга Форбарры.

Помимо москвичей на конвент собрались представители Санкт-Петербурга, Новосибирска, Перми, Самары и Киева. Пожалуй, единственным недостатком «Форкона» можно считать чересчур малую его продолжительность ***(Владислав Гончаров)***.

19/IV Вручены премии «Небьюла»

Филадельфия (шт. Пенсильвания). В ходе традиционного Небьюла-банкета были вручены знаменитые премии Ассоциации американских фантастов. По результатам голосования членов Ассоциации победителями объявлены:

в номинации «Роман» – Нил Гайман («American Gods» – «Американские боги»; осенью прошлого года этот же роман завоевал премию «Хьюго»);

в номинации «Большая повесть» – Ричард Чведик («Bronte's Egg» – «Яйцо бронтозавра»);

в номинации «Короткая повесть» – Тед Чанг («Hell Is the Absence of God» – «Ад – это отсутствие Бога»);

в номинации «Рассказ» – Кэрол Эмшуиллер («Creature» – «Создание»);

в номинации «Сценарий» – Фрэн Уолш, Филиппа Бойенс и Питер Джексон («Властелин Колец: Братство Кольца»).

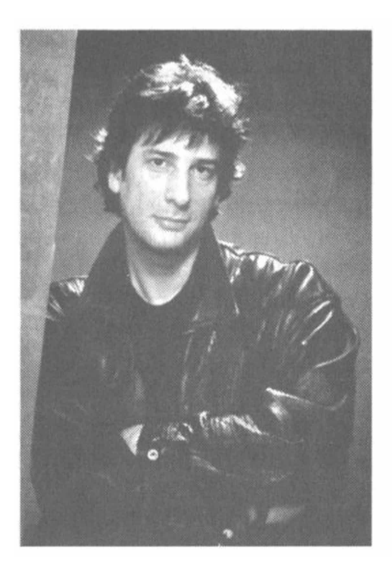
Кроме того, Урсула Ле Гуин была удостоена звания Грандмастера, а Кэтрин Маклин получила титул Author Emeritus (он присуждается «кумирам прошлого» – талантливым фантастам, которые уже отошли от творчества) ***(«ЗД-информ»)***.

20/IV В Америке, Англии и Австралии наградили достойных

В тот же уик-энд, когда вручалась премия «Небьюла», в трех англоязычных странах стали известны имена обладателей других авторитетных наград. В

американском городе **Си-Тек (шт. Вашингтон)** на фестивале «Норвескон» состоялась церемония вручения Премии Филипа Дика, присуждаемой за лучшую книгу, изданную в США сразу в мягкой обложке. Ее лауреатом оказалась Кэрол Эмшуиллер, автор романа «Холм» («The Mount»). А специальный диплом дали Чайне Мивилю за роман «Шрам» («The Scar»).

Тем временем в английском **Хинкли** на фестивале «Истеркон» присуждали Премии Британской ассоциации НФ. Их получили: в номинации «Роман» – Кристофер Прист («The Separation» – «Разделение»), в номинации «Короткая форма» – Нил Гайман («Coraline») ***(на снимке)***, в номинации «Работа художника» – Доминик Харман (обложка 179-го номера журнала «Interzone»), в номинации «Non-fiction» – Дэвид Лэнгфорд (предисловие к сборнику рассказов Джона Слейдека «Maps»).

А на фестивале «Сванкон», который состоялся в **Перте**, нашли своих хозяев главные фантастические премии Австралии «Дитма́р». И вот кто стал их обладателем: в номинации «Роман» – Шон Уильямс и Шэйн Дикс («Echoes of Earth» – «Земное эхо»), в номинации «Короткая форма» – Дебора Бьянкотти («King of All and the Metal Sentinel» – «Король всего и металлический стражник»), в номинации «Работа художника» – Кэт Спаркс, в номинации «Новый талант» – Ли Бэттерсби, в номинации «Профессиональные достижения» – Джонатан Стрэхен ***(«ЗД-информ»)***.

21–24/IV Прошел V Московский форум фантастики

Москва. На Форуме фантастики, который по традиции был организован журналом «Если», внимание участников было приковано к фантастическому кино. В кинозале НИИ киноискусства (еще одного организатора форума) состоялись показы советских фильмов 1930–1960-х годов: «Космический рейс», «Глубокий рейд», «Небо зовет», «Планета бурь» и др. Киноведы и критики, занимающиеся фантастикой (С.Кудрявцев, Д.Караваев, Е.Харитонов, А.Щербак-Жуков), выступили с любопытными докладами. А завершила эту

часть программы презентация книги Харитонова и Щербака-Жукова «На экране – чудо», в которую, в частности, вошла полная аннотированная фильмография отечественного сказочного и фантастического кино с 1909-го по 2002 год.

Ну, а в последний день работы форума, как обычно, состоялось вручение дипломов журнала «Если» и призов «Сигма-Ф». Дипломантами нынешнего года оказались Геннадий Прашкевич (за литературные мемуары «Малый Бедекер по НФ»), Владислав Гончаров и Наталья Мазова (за статью «Толпа у открытых ворот»), Марина и Сергей Дяченко (за эссе «Встречные волны») и Вл. Гаков (за ряд статей). Призы «Сигма-Ф» достались Сергею Лукьяненко (за роман «Спектр»), Олегу Овчинникову (за повесть «Семь грехов радуги»), Олегу Дивову (за рассказ «Параноик Никанор»), снова Марине и Сергею Дяченко (за рассказы «Судья» и «Подземный ветер»), Владимиру Гришечкину (за перевод повести И.Макдональда «История Тенделео») и компании «Каро-Премьер» (за прокат в России фильма «Властелин Колец: Братство Кольца») ***(«ЗД-информ»)***.

25/IV КЛФ «Три парсека» отпраздновал юбилей

Москва. В торжественной обстановке отметил 20-летие со дня основания клуб любителей фантастики «Три парсека». Этот КЛФ, существовавший некогда при МВТУ им. Баумана, не самый старый в Москве, но вряд ли какое-либо любительское объединение сможет сравниться с ним по количеству выходцев, для которых литература вообще и фантастика в частности из хобби превратились в профессию. Многие из тех, кто ходил в этот клуб, теперь журналисты и писатели, издатели и книготорговцы. Они работают в номинационных комиссиях престижных литературных премий, участвуют в организации фестиваля фантастики «Роскон», всемерно способствуют пропаганде любимого жанра.

Вот лишь несколько наиболее известных имен: Дмитрий Байкалов, Дмитрий Власов, Александр «Тигр» Кузнецов, Петр Курков, Владимир Секачев, Юрий Семецкий, Андрей Синицын... В «Три парсека» заглядывал и замечательный писатель и бард Алексей Свиридов, к сожалению, слишком рано ушедший от нас.

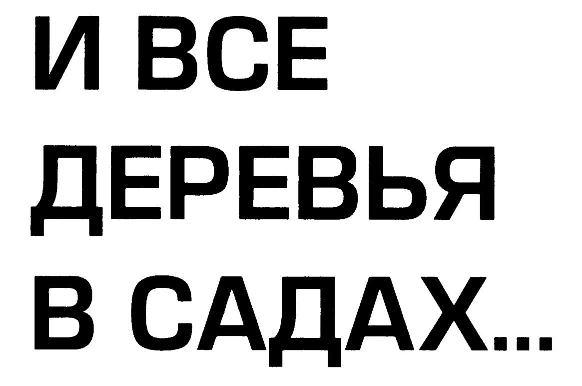
На вечеринку, состоявшуюся по случаю юбилея, собрались друзья и близкие членов клуба. Поздравить юбиляров пришли писатели Сергей Лукьяненко, Александр Громов, Владимир Васильев, Дмитрий Янковский... Поздравляем «парсеков» и мы! ***(Андрей Щербак-Жуков)***.

ОЖЕРЕЛЬЕ МИРОВ

Мария Галина

И ВСЕ ДЕРЕВЬЯ В САДАХ...

Мария Галина родом из Одессы, по образованию — биолог, по зову сердца — поэт, прозаик и литературный критик. Как поэт она выступает достаточно давно, хорошо известна любителям поэзии, публиковалась в журналах «Постскриптум» и «Арион». Ее критические работы печатались в «Литературной газете» и «Известиях». Веселая фантасмагория «Покрывало для Аваддона» претендовала на Премию Аполлона Григорьева... Но это только одна сторона медали. А с другой стороны — давняя и крепкая любовь к фантастике, переводы западных авторов, собственные книжки, выходившие под псевдонимом... Лишь в прошлом году М.Галина «официально» заявила о себе как о фантасте: под ее собственным именем увидели свет сборник повестей «Прощай, мой ангел!» и роман «Волчья звезда». И эти книги, и новый рассказ «И все деревья в садах...», с точки зрения «ЗД», доказывают, что столь талантливому автору стоило ступить на фантастическую стезю много раньше.

– Что, – спросила она, – никого не осталось?

Он покачал головой.

– Ну, ты же знаешь, как оно бывает...

Над поселком стояло сизое марево: процессы распада и синтеза шли стремительно, нагревая и мертвую органику, и вьюнок. Вьюнок уже перевесился через глинобитные стены, один усик, трепеща, обвил Яну щиколотку и тот брезгливо отдернул ногу.

– Понятия не имею, как оно бывает, – пробормотала Фей.

Она обхватила ладонями плечи и вздрагивала будто от озноба – на таком-то солнце.

– Ну, как же, – пробормотал он, – просто приходят, и все...

Водонапорная башня уже обрушилась под весом оплетшего ее вьюнка. Усики жадно пили воду.

– Они же недавно отделились, – не сдавалась Фей.

– Значит, поздно отделились. Или скудно. Мало кому хочется – на новом месте.

– Раньше так не было, – упорствовала Фей.

– Ну да, ну да, – устало согласился он. Спорить не было сил.

С другой стороны, Фей-то права. Сначала – города. Потом крупные поселки. Чем больше людей, тем больше шансов, думал он, это как бабочки летят на свет... Чем ярче свет...

Огораживающая поселок стена была цела, понятное дело. Он сплюнул в пыль.

– Пойдем отсюда, – Фей расплакалась, – скорее пойдем!

– Погоди, только воды наберу.

Он выстрелил в зеленую массу, оплетавшую бак, – усики отдернулись. В железных обломках еще сохранилось немного воды – она отдавала ржавчиной, но он погрузил в нее флягу и держал, пока последние пузырьки воздуха не лопнули на поверхности, подернутой радужной пленкой. Фей продолжала плакать у него за спиной. Это раздражало, но он на нее даже не прикрикнул: хотя бы ясно, где она и что делает.

Наконец он обернулся, держа флягу в руке. Она продолжала плакать. Слезы прочертили светлые дорожки по щекам, по пыльной шее, теперь стало видно, что кожа у нее светлее, чем покрывавший ее слой грязи.

Он подошел, отстегнул от пояса ее флягу. Она даже не заметила. Продолжала плакать.

– Ну, перестань, – неловко сказал он, цепляя флягу обратно ей на пояс, – ну, что поделаешь...

Вода им досталась на обратный путь, вот и все. Остальное – швейные иглы, сменные пластины для солнечных батарей – все, за чем они шли, было погребено под этой зеленой опарой.

– Ладно, – сказал он, – пошли. Цикл у них короткий.

Она опустила голову, рассматривая сбитые башмаки.

– Они же одиночек не трогают.

– Ну, просто противно...

Башмаки ей так и не справили, подумал он огорченно.

– Может, это... Дойдем до Овражков?

Она отчаянно затрясла головой.

– Домой! Домой хочу!

Почему они открыли? – думал он. – Почему впустили? Впрочем, в общих чертах, понятно – почему. В общих чертах все знали, как это происходит. Точно не знал никто.

Наверное, все дело в запахе.

Оглядываться он не стал. Отлично знал, что там, под этой зеленой, вздымающейся и опадающей опарой.

– Ладно.

Они отошли еще на несколько шагов, когда Фей снова вцепилась ему в руку.

– Ну что там еще? – устало спросил он.

– Давай... Ян, пожалуйста... свяжись с ними... как они там...

– Да никак. Хочешь их совсем напугать?

– Мы не скажем. Просто спросим, как они там, – и все... Скажем, что идем домой.

– Может, все-таки... до Овражков? Они вроде поменьше.

– Еще меньше? – Она с горечью оглядела глинобитный забор. Отсюда уже было видно, как тот загибается, огораживая поселение. – Но, Ян... еще меньше, это ж почти как наш хутор!

Он непроизвольно стиснул зубы, потом бросил на землю вещмешок, вытащил рацию.

Какое-то время в наушнике раздавался лишь треск атмосферных разрядов. Потом, долгое время спустя, ломающийся голос неуверенно спросил:

– Папа?

– Да, командир. У вас там все в порядке?

– Да, папа. Закончили полив.

– Сейчас?

– Да что ты, папа. Еще утром.

– Ладно, – пробурчал он. – Как плакса?

– Плачет, – хихикнул сын.

– Ладно. Скажи ей... мы скоро будем. Воды подкачай еще. Только это... Вручную, ладно?

– Ну, – недовольно пробурчал мальчик.

– Сказано же!

– Да ладно, сделаю. Вы там как? Все успели?

– Ну...

Он помолчал.

– Не открывай ворота, слышишь. Сидите за оградой – и ни шагу.

– Да я знаю. А что...

Треск.

Он выключил рацию. Пожалуй, он был рад, что связь прервалась.

– Ну как? – Фей вцепилась загрубелой рукой ему в плечо. Ногти обломаны, с черной каймой.

– Да в порядке все. Я ж говорил.

И чего зря беспокоиться? Хутора они не трогают.

– Ты велел ему накачать воды вручную? – Она успокоилась и теперь завела привычную песню.

– Да что с ним станется? Здоровый же малый. Отделяться ему пора, вот что!

– Да ты что, Ян! Он же еще маленький! Совсем ребенок!

– Ему пятнадцать, Фей. Я в четырнадцать отделился.

А то, можно подумать, она не помнит, когда он отделился. Она ж на десять лет старше его. В округе не было девушек на выданье его возраста, а у родителей Фей хутор совсем крохотный. То-се, так получилось, что засиделась она в девках. А другой не нашлось. Сначала ему как-то не по себе было. Потом притерпелся.

– Эта, с хутора у Косой скалы. Младшенькая. Марика, вроде. Так надо с ее отцом поговорить...

Фей всхлипнула, утерла нос рукавом, но ничего не сказала.

– Овражки надо бы предупредить, – пробормотал он, крутя колесико.

Разряды.

– Ну? – выдохнула Фей.

– Ионизация. Опять разыгралось, похоже.

– Вспышка?

Он надвинул щиток на глаза, искоса взглянул вверх. Солнце корчилось в раскаленном мареве, выбрасывая в стороны мутноватые щупальца. Одно щупальце было совсем уж поганым.

– Не то слово...

Он покачал головой.

– Может, и уцелеют...

Спрятал рацию, закинул вещмешок на плечо. В последний раз обернулся. Скрипнув горячей пылью на зубах.

– Совсем же маленькая деревушка была, – пробормотал он.

Поправил лямку мешка. Перекинул на грудь карабин.

– Пошли...

– Назад? – Она взглянула на него с робкой надеждой.

– А то...

Это все излучение, думал он. Раньше они были спокойней. И нападали на города, только на города. Даже крупные поселки обходили стороной...

Впрочем, сам он городов не помнил. А вот поселки числом до полутыщи душ еще застал. В детстве. У него осталось смутное впечатление чего-то огромного...

А все потому, что этой твари просто-напросто жрать хочется, уныло думал он, ощущая, как песок обжигает ноги даже через подошвы и несколько слоев намотанной на ступни ткани. Пить хочется. Воду-то хрен добудешь. Органика, опять же. Минеральные соли. Кальций.

Он вновь пошевелил карабином, ощутив под ладонью раскаленный металл ствола.

– Придем, батарею попробую починить.

– Чем, Ян?

Он погремел рифлеными пластинами в кармане.

– Отколупал от их СБ. Им-то оно без надобности. Погоди.

Она покорно остановилась. Он отстегнул флягу, стащил с головы повязку и аккуратно промочил ее из узкого горлышка. Потом снова надел на голову. Сразу стало легче.

Солнце корчилось в небе, как раздавленная медуза.

– На твоем месте, – сказал он, – я сделал бы так же.

– Воду жалко.

– Придем, я починю насос. Элементы вот в СБ заменю – и починю.

По такыру пробежала многоножка. Небольшая, в две ладони. Он было пошевелил карабином, но передумал.

Далеко в пронзительной синеве неба парили черные точки, но ему ни на миг не пришло в голову, что это птицы. Он и слова-то такого не знал. Просто мелкие кровоизлияния на сетчатке. Жара...

Проклятое солнце! Будь все как всегда, они бы переждали самую жару под саманными крышами поселка, а к закату вышли бы в путь. Не получилось.

Он вдруг понял, что почти и не думает о тех, погребенных под вьющимся зеленым покровом. А ведь он же их знал. Смеялся с ними, окликал по имени, пиво пил. Я вроде должен горевать, удивлялся он сам себе. Точно – должен. Но – не горюю. Почему? Мы все разучились... чувствовать... Так, что ли?

Он остановился.

Фей, семенящая сзади, ткнулась ему в спину.

– Ты что? – спросила она горячим шепотом.

– Да все путем. Повязку еще намочу.

Не будет больше поселков. Одни хутора.

Я ничего не чувствую, потому что они чувствуют чувства. Ищут их. Чем больше народу, тем больше совокупного чувства. Надо научиться

ничего не чувствовать. Тогда они нас не поймают. Они приспосабливаются. Мы приспосабливаемся. Так оно и идет.

Она вновь схватила его за плечо – все время за одно и то же место, где сустав упирается в ключицу. Там уже скоро синяк будет.

– Гляди!

На грани марева и плотной кромки такыра плелась какая-то фигура.

– Еще кто-то.

– Хуторянин?

Свет резал глаза, отчего контуры выглядели размытыми.

Он, не отводя взгляда от темного силуэта, похлопал по груди, нащупал бинокль на потертом ремешке, поднес к глазам.

– Не пойму.

Линзы исцарапаны песком, все в мельчайших мутных искрах.

– Уцелевший? – спросила она неуверенно. – Тоже ходил куда-то? На хутор? Теперь возвращается?

Он снял с головы повязку, которая уже успела просохнуть, помахал ей в воздухе.

– Эй!

Человек вдалеке тоже помахал рукой.

– Эй! – вновь крикнул он, приложив свободную руку рупором ко рту.

Человек вдалеке повторил его движение.

Бинокль оттягивал шею. Он вновь поднес его к глазам. Что-то не то.

– Ян!

– Вижу, – сказал он сквозь зубы.

Сам он махал правой рукой. Человек – левой. Как в зеркале. Правая поднесена к губам. Рупором.

– Стреляй! – взвизгнула Фей. Плечо его она не выпустила.

Он процедил:

– Уйди, дура.

Поднял карабин. Оптический прицел давно сбит. Сделал поправку. Выстрелил.

Человек подпрыгнул, словно вдруг оказался босыми пятками на пламени. Даже, кажется, на миг завис в воздухе. Потом Ян понял: его поддерживает нечто, ударившее в землю из разверстой груди. Упругий зеленый стебель. Стрелка.

– Мандрагор! – пробормотал он, скрипя песком на зубах. – Вот сволочь! Когда только он успел?

– Может, он откуда-то еще? Куда ты, Ян? Пускай осядут.

Стрелка рассыпалась прахом – на такыр медленно опадало зеленоватое облачко спор.

Он еще подождал, потом осторожно приблизился. То, что лежало на растрескавшейся бурой земле, уже ничем не напоминало человека. Огромный корень, весь в волосках. И отростки – руки, ноги... Голова... Что-то в этом роде.

Как это у них получается? Он же видел одежду, головную косынку видел.

Запах? Запах...

– Пойдем, Ян. – Фей отбросила с лица пыльную прядку, робко посмотрела на него.

– Первое время, говорят, они были еще уродливей. – Он пнул ногой пустую, сразу как-то высохшую оболочку. – Совсем были на людей не похожи. Три ноги бывало, все такое...

Наверняка запах. Люди подпускали их к себе как раз, чтобы дать возможность спорам... укорениться.

– Но они обычно... никогда не подманивали путников. Только тех, кто на месте.

– Это да. Нас для них слишком мало. Они нас не чувствуют.

– Как же этот нас нашел, Ян?

Он молчал, чувствуя, как его заливает волна озноба. Похолодало, что ли?

– Пойдем, Ян. Пойдем скорее... Я хочу домой.

– Да, да, – поспешно согласился он.

Он еще раз пнул ногой лежащего мандрагора. Тот не пошевелился. Будто так и надо.

Отстегнул от пояса флягу, протянул ей.

– На. Глотни.

Песок из бурого сделался багряным. А с неба действительно потянуло холодом.

Она задыхалась, хватая остывающий воздух ртом.

Он ей хотел сказать, чтоб она прекратила паниковать: приманит ведь мандрагора. Но не сказал – хуже будет.

Еще когда они подходили к глинобитной ограде своего хутора, он знал... Уж очень было тихо. И калитка открыта.

Он отодвинул Фей плечом, но она все равно билась у него за спиной, о его спину, слепо и больно хватаясь руками.

Калитка открыта...

Он обернулся к ней.

– Это потому, что ты не давала ему отделиться, старая дура! – горько выкрикнул он. – Если бы он отделился!

Она прижалась к нему, дрожа всем телом.

– Но, Ян... – пробормотала она, – мы же... нас же... все равно... не было... Их же осталось так мало... так мало...

Она сползла на песок и застыла, изредка вздрагивая. Он осторожно глянул за калитку. Под отсветом багровой, распухшей, огромной луны было видно, как шевелится за оградой плотная зеленая масса.

Скоро она пустит побеги, подумал он. И отрастит мандрагоров...

Он провел рукой по лицу.

– Командир, – пробормотал он.

Острая боль резанула грудь и так же быстро ушла. Я опять ничего не чувствую, подумал он, так же нельзя. Наверное, позже. Потом...

У него за спиной тоненько скулила Фей.

Темная, почти черная в свете луны, опара зашевелилась.

– Смотри, смотри!

– Там кто-то есть!

– Мандрагор!

– Нет! – вытолкнула она вместе с горячим воздухом. – Это он! Наш мальчик!

Мандрагор, думал он, надо же, как они теперь быстро...

Он подхватил карабин. Человеческая фигура поднималась из зеленого савана.

– Наш мальчик!

– Не думай! – крикнул он, не оборачиваясь. – Не смотри!

– Но это же наш мальчик! Наш сыночек!

– Мандрагор!

Темная фигура пошевелилась. Зеленые плети, обвивавшие ее руки, задрожав, опали.

– Мама!

Боже мой, он говорит! Мандрагоры не говорят! Вроде...

Фей приникла к нему, слепо шарила по его плечам, груди.

– Он зовет меня! Зовет меня!

Потом она оттолкнула его и бросилась вперед, к калитке. Он успел ухватить ее подмышки.

– Мама!

Она обернулась, потянулась к его лицу скрюченными пальцами, пыталась достать глаза.

– Мама!

Там никого не может быть. Он это точно знал. Никого. Они стали пищей для вьюнка, перегноем, порождающим мандрагоры.

Но ведь мандрагоры никогда не разговаривали!

Имитировали жесты, походку, вернее, нет, не имитировали – заставляли самих людей приписывать родные черты грубому человеческому

подобию. Впрочем... если так... почему бы им не заставлять людей не только видеть, но и слышать?

В самом деле, почему?

Он ударил ее коленом в живот, она скрючилась, и тогда он ударил ее еще раз, так, что она перестала наконец хватать его за руки, отлетела на несколько шагов, упала на песок, замерла. Не дожидаясь, пока она вновь попытается выцарапать ему глаза, он схватил карабин и ударил разрывной пулей в темную фигуру, которая уже освободилась от зеленых побегов и теперь шагала, шагала, шагала к нему.

В небо выбросился трепещущий зеленый столб спор.

Выбросился и повис, вращаясь в лунном свете.

Он отпрыгнул, успев в падении отшвырнуть Фей еще дальше, навалившись на нее. Она дрожала так, что его руки, удерживающие ее, ходили ходуном.

Споры на миг зависли в воздухе и опали. Сколько там они живут? Краткий миг? Им нужно внедряться сразу...

Он переждал еще немного, потом встал на колени. Подал ей руку.

Она все еще всхлипывала.

– Мальчик мой...

Горло у него болело. Саднили царапины, оставленные ее ногтями.

– Мандрагор, – хрипло сказал он.

– Но он же... разговаривал!

– Просто запах, – вздохнул он, – просто запах. Пойдем.

Они поднялись, поддерживая друг друга, и побрели прочь, оставляя позади одну на двоих цепочку темных следов. Нельзя думать, думал он. Они уже нападают на хутора... мой мальчик... Нет, не надо думать. Они это чувствуют. Не надо горевать. Но если я думаю, что не надо думать, значит, я думаю... так и так погибель. Мой мальчик... девочка моя... Надо было пойти туда к ним... У нас нет воды. Мы все равно погибнем... мы не доживем до заката... Правда, если выйдем к берегу, можно поставить ловушки. Можно попробовать дойти к тому хутору – у Косой скалы. Там как раз эта Марика. Зачем она теперь? Да и есть ли он – тот хутор? Раньше они охотились за городами. Теперь – за одиночками...

Над такыром вновь поднималось марево, призраки вставали в зыбком свете раскаленного утра. Или это у него мутилось в глазах?

Фей семенила за ним, механически переставляя ноги. За ночь она совсем поседела.

– Куда мы идем? – пробормотала она.

– Никуда.

Они охотятся на нас, думал он. Раньше каждый отдельный человек

для них ничего не значил. Только сообщество. Только биомасса. Теперь они ползут на любой запах жизни. Органика. Влага. Кальций. Значит, больших городов больше не осталось, думал он. Нигде.

Море вставало у горизонта, точно синяя стена. В левом углу глаза он увидел вздымающиеся бурые скалы. Кивнул.

– Там...

Сморщив губы, Фей всматривалась в глинобитные стены прилепившегося к скалам крохотного поселения. Фотоэлементы развернули над ним огромные черные лепестки.

– Там кто-то есть?

Он остановил ее рукой.

– Погоди...

В бинокль было видно, что стебель гигантского цветка и впрямь зеленый. Вьюнок оплел его.

– Уже никого.

Она жалобно, порывисто вздохнула, обхватив руками плечи. Все еще не осознала до конца, подумал он. Не то чтобы совсем не понимает, а так... Мандрагоры чуют запах мысли, эмоциональный всплеск, гормональную бурю... Что ж, мы научились меньше чувствовать. Поколение за поколением...

Не плачь, дитятко,
Не плачь, милое,
Мандрагор придет,
За собой уведет...

Все дело в этих солнечных вспышках, они порождают новые формы. Мандрагоры меняются. И изменяют нас.

Он вытащил из вещмешка легкие складные опоры и установил их, расправив сверху защитное полотнище. Теперь больше некому такие делать, подумал он.

– Посиди здесь.

– А... ты?

Он покосился на солнце. Оно уже начинало клониться к закату – скоро потянет с такыра холодным ветром, воздух над кромкой воды загустеет полосой тумана...

– Поставлю росяные ловушки, – пояснил он.

– Я с тобой! – тут же сказала она.

Он поглядел на ее глаза, обведенные темными кругами, на спекшиеся губы. Она уже не молода, Фей.

– Не нужно. Посиди тут. Ты же знаешь, одному безопасней.

– Ты так думаешь? – горько спросила она.

Он пожал плечами и, загребая ногами, спустился с каменной осыпи. У побережья кипел прибой.

Шел отлив.

Нужно будет успеть убрать ловушки до того, как их захлестнет приливом, подумал он, следуя вдоль береговой линии и закапывая в песок пластиковые конусы, затянутые сверху полупроницаемой мембраной. Повернулся, оглядывая свою работу, – раструбы ловушек торчали из мокрого песка, как диковинные прозрачные цветы, – и вновь побрел к скалам, теперь, ближе к закату, окрашенным в цвета крови и ржавчины.

Ночью надо будет вернуться, собрать их, подумал он, а на рассвете поставить опять.

Полотнище тента переливалось волнами на ветру, но Фей под ним не было.

Он машинально схватил висящий на груди карабин и вновь выпустил, так что тот ударил его по ребрам.

– Фей!

В скалах следов не найдешь.

Красный свет лился с неба, в глазах плескались черные точки.

– Фей!

Откуда-то сверху в лощину между камнями посыпалась струйка песка.

Он вновь подхватил карабин и, держа его наперевес, осторожно ступил на камень, потом на следующий, предварительно покачав его ногой. Камень держался прочно.

Оказавшись на гребне, он увидел облитый зноем женский силуэт – воздух колебался вокруг него, и оттого казалось, что фигура обведена дрожащим контуром.

– Фей! – Он так и не выпустил из рук карабин.

Она обернулась. Увидев его, поднесла палец к растрескавшимся губам.

– Ты что? – вытолкнул он пересохшим горлом.

– Тс-с!

– Ты что? – повторил он шепотом.

Сошла с ума? Или...

Она была все в том же выгоревшем платье, а мандрагор в одежде не нуждается. Понятное дело. Но показать одежду он может... И черты лица...

Это все запах...

— Фей?

— Потише, Ян.

Может ли мандрагор говорить? Раньше он думал — нет. Но все меняется.

Ее тень висела на камнях — синяя, изломанная.

— Фей...

— Да помолчи же, — выдохнула она, — слушай!

Не сводя с нее глаз и не убирая ладони с раскаленного приклада, он прислушался.

Свистел, пересыпаясь, песок.

Потом...

Он услышал детский плач. Тонкий, заливистый.

— Вот... Опять.

Плач. Тихий, захлебывающийся. Словно плачущий устал.

— Кто-то выжил!

Он покачал головой, но понял, что Фей никого не видела: она напряженно вглядывалась в дрожащее марево.

Тогда он разлепил пересохшие губы.

— Мандрагор!

— Но... Ян, они же не умеют плакать!

— Им и не нужно. Это мы. Слышим то, чего нет. Запах...

— Не может быть! Слишком далеко!

— Ветер в нашу сторону.

— Я посмотрю!

— Не смей!

— Посмотрю. Ты же сам говорил, мандрагоры не охотятся за одиночками.

— Значит, уже охотятся.

Плач раздался снова. Он плыл над горячим маревом, над желтыми скалами, над пенными бурунами, набегающими на берег, над сетями, сохнущими на распялках...

— Кто-то выжил! — повторила Фей. Позабыв про свои страхи, он попробовал задержать ее, но она с неожиданной силой оттолкнула его и бросилась в скалы. Он побежал за ней, придерживая ладонью хлопающий по груди карабин. Солнце било наотмашь, и пот просыхал на рубахе, оставляя соленые разводы.

— Фе-ей! Погоди!

Но она, резко вильнув вбок, скрылась за изъеденным ветрами скальным столбом.

Оттуда доносился плач, трепеща на ветру.

И все стихло. Плач смолк.

Свистел песок, пересыпаясь через скальные гребни.

Он заглянул за уступ скалы.

Фей присела на корточки перед кем-то совсем маленьким. Девочка? – гадал он, разглядывая хрупкое тельце в ободранной рубахе. Мальчик? Скорее, девочка. Черт, да что он гадает? Это вообще не ребенок. Не человек.

– Фей! Отойди!

Он прицелился в смутное пятно белой рубахи, маячившее за плечами Фей.

Сейчас призрачная ткань взорвется зеленой стрелой спор, ударит в Фей, обовьет ее, внедрится под кожу, прорастет зелеными побегами...

Та только покачала головой.

Девочку она прижимала к себе, вжимая, втискивая в тело так, что он не мог разглядеть ее лица.

– Отойди!

– Нет!

– Фей, – сказал он, – это мандрагор.

– Нет!

– Это мандрагор...

Почему он не взрывается? Не созрел еще? Тогда надо торопиться...

– Это девочка, Ян, она заблудилась в скалах, наверное, собирала ракушки при отливе, ты же знаешь, одной всегда было безопасно, вот ее и отправили, она и пошла себе, а потом вернулась, а их нет, она так плакала... – на одном дыхании выпалила Фей.

Над ее головой кривились и содрогались щупальца солнца.

– Это она тебе сказала?

– Нет, но... как иначе?

– Она молчит, Фей. Это мандрагор.

– Но ведь мандрагоры теперь разговаривают, Ян, – тихо вздохнула она.

– Верно. Теперь уже ничего не поймешь. И все-таки, Фей, отойди.

Теперь он отчетливо различал крохотную белую ручку, цеплявшуюся за огрубевшие, распухшие пальцы Фей.

– Нет! Ян, послушай, если бы это был мандрагор, он бы давно меня убил, верно?

– Ну... может, он просто очень маленький...

– Маленьких мандрагоров не бывает, Ян.

Да, подумал он, они отрываются от материнского стебля уже зрелыми. И сразу отправляются на поиски.

– Если ты ее убьешь, – сдавленным голосом произнесла Фей, – я убью себя.

Он молчал. Надо как-то отманить Фей подальше. Ну, поплачет, увидев, как бессильно хлещет в небо зеленая стрела спор. Руки на себя не наложит. Если впрямь...

А если от разрывной пули на рубашку толчком выплеснется красная кровь? Что тогда?

– Раковины собирала, говоришь? – Он окинул недоверчивым взглядом босые исцарапанные ноги. – А корзинка где?

– Но Ян, она же... вернулась в поселок, увидела... что увидела, убежала, потеряла корзину...

– Почему ты говоришь за нее? – недовольно спросил он.

– Но она же молчит...

Солнце, разбухшее, красное, уже висело над горизонтом, щупальца тянулись вниз, вверх, во все стороны.

Может, и впрямь, думал он. Может, уцелела. А если нет?

– Ладно, – сказал он, – идем.

И добавил сквозь зубы:

– Только держись от меня подальше.

Если девка и впрямь поддельная, то с Фей можно попрощаться, размышлял он, по-прежнему сжимая карабин и глядя на темную от пота спину Фей. И что тогда? Зачем жить? А может... «Она уже постарела, – подумал он, – а я еще молод. У меня могут быть еще дети. Если бы найти хоть какое поселение...» Он сам устыдился этих мыслей, но они засели в голове, точно ржавый гвоздь.

В скалах уже затаилась тень. Тент все так же ходил волнами на ветру.

Он огляделся. Подходящая расселина нашлась быстро – достаточно большая, чтобы укрыться там даже втроем, и с достаточно узким входом – привалить камень, и всё. Но...

Нужно окончательно сойти с ума, чтобы запереться в такой пещере с мандрагором.

Ночевать все равно придется здесь, думал он, а завтра надо идти на поиски, сразу перед рассветом, хорошо бы собрать воду и пойти, пока солнце не добралось до зенита, поселений на берегу не так уж мало, хоть кто-то да уцелел. Вот только...

Кто осмелится теперь впустить чужаков?

Девочка отчаянно цеплялась за руку Фей – он видел крохотные ногти, белые от напряжения на загорелых пальцах.

Он вздохнул.

– Она хочет пить, Ян, – тут же сказала Фей.

«Откуда ты знаешь?» – хотел спросить он, но, в общем, что тут спрашивать: все хотят пить. И люди, и мандрагоры.

– Ну, так напои ее. У тебя вроде оставалась вода.

Она отчаянно затрясла головой.

– Там был всего глоток, Ян. Всего глоток.

– Ты, – он изумленно поглядел на нее, – отдала ей всю свою воду? Всю?

Фей молчала, уставив взгляд в песок. Он попытался сплюнуть, но рот пересох.

– Тогда с нее хватит.

– Но...

Фей наверняка сама хочет пить, подумал он, но отдала всю свою воду.

– Ладно, – сказал он, – но сначала – ты.

Он отстегнул флягу и бросил ей. К девочке он по-прежнему старался не подходить. Фей поймала флягу на лету. Вода звонко булькнула, потому что ее было мало.

– Сначала ты, – повторил он. Девочка было протянула полупрозрачную ручку к фляге, но он повел в ее сторону стволом карабина, и она испуганно отпрянула. Фей поднесла флягу к губам и осторожно глотнула, стараясь, чтобы глоток был маленьким. – Еще, – сказал он. Она покорно глотнула еще и передала флягу девочке. Та вцепилась в нее обеими руками и вопросительно взглянула на Фей, которая улыбалась и кивала.

Привалившись к скальному уступу, он наблюдал за ними.

По мере того, как рушилось за горизонт багровое, разбухшее солнце, полоса тумана, клубившаяся вдалеке, подошла ближе. Она шла, как сплошная стена; вода под ней вскипала невидимыми бурунами.

Он пошевелился. Камни вдавились в спину; теперь, когда они остывали, даже сквозь рубашку чувствовалась оседающая на них влага.

Нужно собрать воду.

Фей спала, уткнувшись лицом в колени, обнимая рукой прикорнувшую к ней девочку.

Он подобрал мелкий камешек и бросил. Камешек попал Фей в плечо. Она вздрогнула и проснулась.

– Что?

– Нужно собрать ловушки, – сказал он, – иначе их затопит.

– Она заснула, Ян, – укоризненно проговорила Фей.

– Ну, так разбуди. Пойдете со мной. Впереди. И держись от меня подальше, слышишь?

– Как ты можешь, Ян? Как ты можешь?

– Хочешь остаться без воды?

Она вздохнула и тяжело поднялась. Девочка тоже вскочила, стоило лишь Фей пошевелиться, и теперь стояла, выглядывая из-за ее спины.

Полоса тумана подползла ближе и теперь кипела над кромкой воды. Скорее по звуку, чем по слабому свечению пенных гребешков, пробивающемуся сквозь туман, он понял, что идет прилив.

Он сделал неопределенное движение стволом карабина, и Фей, взяв девочку за руку, послушно прошла вперед.

Хотя и с трудом, но он различал вкопанные в песок конусы росяных ловушек; насыщенный электричеством воздух испускал бледный колеблющийся свет – светилось небо, светился туман над водой, фосфоресцировали клочья пены, и сквозь это мерцание двигались две смутные тени – Фей и девочки.

Он остановился у первой ловушки и осторожно извлек ее из влажного песка. На дне плескалась вода – немного, на несколько глотков... Осторожно, стараясь не потерять ни капли, он перелил ее во флягу, осторожно завинтил крышку, очистил стенки ловушки от налипшего песка и убрал ее в вещмешок. И только потом, подняв глаза, увидел, что девочка присела на корточки у следующей росяной ловушки, торопливо разрыхляя песок ладонями.

– Убери ее, – сказал он сквозь зубы.

– Но, Ян...

Фей нерешительно топталась на месте, да и сам он замер, поскольку предпринимать что-либо было бесполезно. Если попытаться отобрать у нее воду, она ее просто прольет, подумал он, а если все-таки выстрелить...

Я все равно потеряю воду.

А заодно и Фей.

«Может, – вновь шевельнулась застарелая мысль, – оно и к лучшему... В росяных ловушках воды как раз на одного».

Он потряс головой, отгоняя эту мысль. Девочка тем временем изумленно разглядывала конус, в котором плескалась вода. Вот она осторожно посмотрела внутрь, окунула в воду палец, вытащила, облизала...

– Она что, никогда не видела росяных ловушек? – спросил он.

– Забыла, наверное, – неуверенно ответила Фей.

– Этого не может быть.

Он на миг потерял бдительность, и когда спохватился, отскочил, но девочка уже вприпрыжку подбежала к нему, держа в ладонях ловушку с плещущейся внутри водой.

– Отойди, – хрипло сказал он, а она протягивала ему воду, искательно и осторожно заглядывая в глаза.

– Ян!!! – умоляюще крикнула Фей, но девочка даже не обернулась, а продолжала глядеть на него с робкой, чуть виноватой улыбкой, почему-то так напомнившей ему улыбку юной еще Фей.

Пересилив себя, стиснув зубы, он осторожно вытянул руку и взял у нее из некрепко сомкнутых ладоней водяной конус. Он видел нанесенные на его внутреннюю поверхность риски – воды там оставалось ровно столько, сколько и было. Она не отпила ни капли.

– Хорошо, – сказал он, с трудом выталкивая слова, – хорошо. Иди.

И, отступив на шаг, начал сосредоточенно переливать воду из конуса во флягу, тогда как девочка все той же радостной пробежкой бросилась к следующей ловушке, видимой издалека потому, что песок, окружавший ее, был чуть светлее остального.

Он вновь аккуратно отряхнул пластиковый конус, вложил его в тот, первый, и убрал в вещмешок.

– Ладно, – вздохнул он, обращаясь к Фей, которая, сложив руки под грудью, беспокойно переводила взгляд с него на смутно мелькающий в тумане детский силуэт. – Последи за ней. Еще оступится ненароком...

Нужно будет перед рассветом вновь поставить ловушки, думал он, возвращаясь к скалам и видя перед собой две удаляющиеся спины – одну большую, другую маленькую. На трех человек этого не хватит, а завтра надо решать, что делать дальше, с Фей что возьмешь, она стала совсем слаба на голову, значит, придется ему... Можно, конечно, остаться тут, на побережье, хотя эта пакость уже и сюда добралась, но если все время оставаться втроем, друг у друга на виду, ни на миг не выпускать из поля зрения, тогда, может, и удастся уберечься. Опять же, во время отлива можно собирать раковины, а значит, с голоду они не помрут. Хотя нет, оставаться нельзя, там, у Кривой скалы, уже наверняка отделились мандрагоры и скоро выйдут на охоту. По крайней мере, это значит, что никого нельзя подпускать ближе, чем на выстрел, потому что, кто бы ни появился, это наверняка будет не человек... А если кто-то еще уцелел и будет думать точно так же? Так мы скоро сами перебьем друг друга, думал он, никому нельзя доверять, они уже слишком многому от нас научились... Как теперь отличишь мандрагора от человека? Только по тому, как он умирает под пулями...

Это было совсем маленькое поселение, думал он, наверняка и мандрагоров вылупились единицы. Если переждать несколько дней... Может, они разбредутся на поиски в разные стороны, а нас оставят в покое?

Он споткнулся о крохотный камень, некстати подвернувшийся под ноги, в глазах была резь, сначала он решил, что это вездесущий песок,

но потом понял, что просто-напросто хочет спать. Всего пару часов, уговаривал он себя, а на рассвете снова придется вставать, чтобы расставить ловушки, тогда у нас будет вода на целый день, немного, правда, но ничего, продержимся, я попрошу Фей подежурить, ради безопасности этой сопливки она глаз не сомкнет, а потом я ее сменю. Только надо заставить их все-таки рассесться подальше друг от друга, ничего с девкой не случится, потерпит, да и Фей тоже, это даже лучше, она с девчонки глаз не сведет... как спать-то хочется, наверное, это реакция... никогда про такое раньше не слышал, но, наверное, это реакция...

Истошный крик выбросил его из забытья. Какой-то миг понадобился ему на то, чтобы осознать: он сидит, привалившись к камню у входа в пещерку, спину ломит от неудобной позы, шея затекла от веса карабина, который он так и не решился отложить в сторону. Как он умудрился заснуть? Он даже не помнил, как они добрались до скал...

Девочка сидела совсем рядом, привалившись к боку Фей, – тьфу ты, пакость! И орала. Так орала, что у него заныли зубы. Фей, тоже было прикорнувшая – оба хороши! – теперь хлопала глазами, пытаясь сообразить, что происходит.

– Уйми ты ее! – сказал он сквозь зубы, вставая и осторожно поворачивая голову из стороны в сторону, чтобы размять затекшую спину.

Фей наклонилась к уху девочки, что-то забормотала, но та продолжала орать, тогда как он, подхватив карабин, отбежал на безопасное расстояние.

Что это на нее нашло? Они что, всегда так?

Девчонка не унималась. Ему казалось, что на бледном личике остался один лишь распяленный рот.

– Да заткни же ей пасть!

Вопль сверлил уши.

– Ян, – понял он по губам Фей.

И в свете мерцающего ночного неба увидел: крохотная ручка вытянута в направлении соседней гряды, растопыренные пальцы дрожат.

Там что, кто-то есть?

Он тер глаза, саднящие песком, который на самом деле не был песком, а всего лишь застарелой усталостью, и пытался разглядеть что-то сквозь алые и черные пятна, плавающие перед глазными яблоками. Казалось ему или нет, что там, около гряды, шевелятся черные смутные силуэты?

Трое... Три мандрагора. По одному на каждого.

Или... быть может, это люди, подумал он, такие же бедолаги, как мы, – натолкнулись вот на нас и теперь гадают, что делать.

Как теперь различить?

– Эй! – нерешительно крикнул он, сжимая карабин.

– Э-эй, – откликнулось эхо.

– Э-эй, – крикнул в ответ чужой голос.

Мандрагоры не разговаривают? Уже разговаривают, печально подумал он, может, раз они научились, нам надо перестать? Как вот эта девчонка. Ну и орет же она!

Он машинально погладил ладонью приклад карабина.

– Стоять на месте! – крикнул он. – Иначе – стреляю.

– Да ты что, мужик, – донеслось из тьмы, – с ума сошел?

Это не люди, думал он, не может быть. Тут, кроме нас, нет людей. Только мандрагоры...

– Не подходи!

– Да мы пришли сети проверить, дурень, – сказал голос из тьмы, – прилив-то сходит.

А вдруг все-таки люди, думал он, вот было бы хорошо... Нет, теперь нельзя вместе, нужно поодиночке, вместе никто не выживет, пятеро, шестеро – уже много.

– Откуда вы? – крикнул он в колеблющийся воздух.

– Да тут неподалеку. А вы?

– Тоже.

Он помолчал, раздумывая, потом сказал:

– Все равно. Не подходи. И не кричи так: приманишь. Пойдешь обратно – иди выше кромки прилива. Мы, если что, выйдем по следам.

– А если ты – мандрагор? Пойдешь за нами, а мы выведем тебя прямо к поселку, так получается?

– Ну, так какого тогда ты вообще со мной разговаривал? Иди себе откуда пришел...

– Да я...

Девочка вновь завизжала, голос из тьмы потонул в этом крике.

Он почувствовал, что теряет остатки рассудка.

И тут увидел темный силуэт совсем близко. За камнями. Он вырос внезапно и теперь покачивался в слабо светящемся воздухе.

Значит, подумал он, пока один меня отвлекал... Что же это делается!

– Ян! – к воплю девочки прибавился пронзительный крик Фей.

Он обернулся и навскидку, не целясь, выстрелил, ощущая, как бьет в плечо приклад. Темная фигура вздрогнула, заколебалась, ее окутало облачко тумана: он угодил в спорангий. Он упал за обломок скалы, не-

достижимый для оседающих спор, потом, уже оттуда, лежа, выстрелил вновь – на голос. И еще раз – на слабый шорох в камнях. Едкий, пронзительный вой оборвался почти сразу, но ему казалось, что он все еще звенит в ушах.

Потому что наступила тишина.

Он поднялся, выплевывая песок, и осторожно выглянул из-за скалы.

Поднимался ветер. Слышно было, как тоненько свистит песок, пересыпаясь в расщелинах.

Он откашлялся.

– Мандрагоры, – хрипло сказал он, – всего-навсего мандрагоры...

– Ян... – всхлипнула Фей.

– Ты как?

Она не ответила, но он видел, как она поднимается на колени, все еще прижимая к себе девочку: падая, Фей закрыла ее своим телом.

Глупость, подумал он, упади на нее споры, это не помогло бы.

Он вздохнул.

– Вот оно, значит, как, – сказал он в темноту. Почувствовал, что у него трясется нижняя губа, прикусил ее, попытался поправить ремень карабина и понял, что руки тоже трясутся.

– Как мы ее назовем, Ян?

– Что?

– Ну, как-то же надо...

– Да как хочешь...

– Если бы не она...

– Да.

Он неопределенно повел плечом, потом сообразил, что Фей его не видит.

– Идите... Идите в пещеру. Если завалить камнем... тогда до нас никто не доберется. Никто.

– А... утром?

– Утром посмотрим.

Он сидел, привалившись к стене расщелины, глядя во мрак. Нужно посмотреть те сети, думал он, наверняка что-то занесло туда при отливе. И наладить коптильню. Вон сколько водорослей вдоль кромки. Если их высушить... Горят они паршиво, но все же горят, а из самых мягких можно сделать что-то вроде матраса. И выпарить соль из морской воды, и поставить росяные ловушки, а дальше... там посмотрим...

Он закрыл глаза и впервые с прошлой ночи почувствовал, как текут по щекам слезы, смывая жжение под веками; как тупая боль, засевшая в груди, становится сначала острой, почти невыносимой, а потом ослабевает, растворяется, уходит...

Теплая ручка скользнула ему в руку. Он сжал ее отчаянным, судорожным движением, порывисто вздохнул и провалился в небытие.

Я еще маленькая. Я нашла своих маму и папу. Они меня любят. И дают мне воды. И я буду жить с ними и не умру от жажды. Воды ведь совсем нету. Я искала... Так одиноко скитаться по берегу одной. А папа умный. Он умеет добывать воду из таких штук, которые он закапывает в песок. Они сначала пустые, а потом там появляется вода. Я не знаю, как это получается. Я буду жить с ними, и они будут давать мне воду, и я буду расти.

А потом, совсем скоро, когда я стану большая, я спою маме песню и она сделает что-то такое, отчего мы останемся совсем одни, но зато у меня появится еда. Потому что я расту. Мне нужно есть. А потом я совсем вырасту и останусь совсем одна, но это уже неважно, потому что я буду меняться, я оплету маму нежно-нежно, и она станет частью меня. Но, я думаю, она не будет против. Потому что я ее люблю.

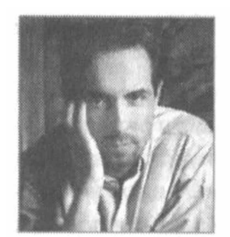
Никто чужой не отберет у меня мою воду.

Интересно, как это так получается, что воды в этих штуках сначала совсем нет, а потом она появляется? Надо об этом хорошенько подумать...

Самое страшное не в том, что они меняются. Самое страшное в том, что не меняемся мы.

Вот в этом-то все и дело.

Клайв Баркер

ПРОПАЩИЕ ДУШИ

Клайв Баркер родился в Ливерпуле, на прославленной «битлами» улочке Пенни-Лейн. После окончания университета играл в любительских театральных труппах, работал художником. Первые рассказы в жанре хоррор увидели свет в начале 80-х — и сразу же завоевали признание как у массового читателя, так и у коллег по перу. Впоследствии они были собраны в нескольких «Книгах крови» (всего вышло шесть томов). Не меньшей популярностью пользовались романы... В конце 80-х творчество Баркера привлекло внимание кинематографистов. После пары неудачных экранизаций на режиссерский стульчик сел сам Клайв — и родились «Восставшие из ада» (на сегодняшний день у этой картины уже пять продолжений разной степени удачности)... Рассказ «Пропащие души» очень характерен для Баркера: это и детектив в стиле «нуар», и ироничный гиньоль, и «метафизическая» проза. Словом, редакция «ЗД» рекомендует...

Все, о чем слепая рассказала Гарри, было несомненной реальностью. У Нормы Пейн имелось внутреннее зрение – необычный талант, позволявший ей следить за Манхеттеном от Бродвейского моста до Бэттери-парка, не делая и шагу из крохотной квартирки на 75-й улице, – и это зрение было таким же острым, как нож циркового жонглера. В подтверждение ее слов на Ридж-стрит действительно стоял заброшенный дом с пятнами копоти на кирпичной кладке. Была здесь и дохлая собака, которую она описала: животное на тротуаре казалось спящим, но на самом деле у него не хватало половины черепа. И где-то рядом, если только верить Норме, обретался демон, которого искал Гарри, – застенчивый и полный неземной злобы Ча-Чат.

«Lost Souls» by Clive Barker

Головорез его уровня, подумал Гарри, мог бы подыскать себе местечко получше. Инфернальная братия не отличалась изысканностью манер, но будем откровенны: то, что они якобы живут среди экскрементов и льда, – всего лишь христианская пропаганда. Беглому демону больше подошло бы вкушать водку с мушиными яйцами в отеле «Уолдорф-Астория», чем прятаться в таком убожестве.

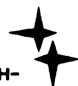
К слепой провидице Гарри привело отчаяние: он не сумел обнаружить Ча-Чата теми способами, которые обычно доступны частному детективу вроде него. Собственно говоря, именно он был виноват в том, что демон остался на свободе. Похоже, несмотря на чрезмерно частые встречи с Бездной и ее порождениями, он так и не понял, что Ад – искусный мастер по части обмана. Иначе отчего он поверил в ребенка, который возник у него перед глазами как раз тогда, когда он направил на Ча-Чата ствол пистолета? И, разумеется, ребенок превратился в облачко вонючего дыма, лишь только демон исчез...

Теперь, после трех недель напрасных поисков, в Нью-Йорке наступил канун Рождества – время благодати и самоубийств. На улицах толпится народ; воздух обжигает, словно соль, попавшая в рану; Маммона торжествует. Трудно вообразить более подходящую площадку для жестоких забав Ча-Чата. Гарри должен был найти демона как можно скорее, пока тот не успел причинить серьезного ущерба, – найти и вернуть его в ту пропасть, откуда он появился. На худой конец Гарри мог использовать Связывающее Заклинание, которое однажды доверил ему покойный отец Гессе. Подарок сопровождался столь недвусмысленными предостережениями, что Гарри даже не стал их записывать. Он будет читать, сколько бы ни потребовалось! До тех пор, пока Ча-Чат не уберется с Нашей Стороны.

Внутри дома на Ридж-стрит было холоднее, чем снаружи. Гарри почувствовал, как стужа проникает через две пары носков и ноги начинают неметь. Он уже поднялся на второй этаж, когда до него донесся вздох. Гарри обернулся в полной уверенности, что сейчас увидит Ча-Чата – грозди его глаз будут смотреть в разные стороны одновременно, подстриженный мех – свисать складками. Но нет. В конце коридора стояла молодая женщина. Ее худосочные черты выдавали пуэрто-риканское происхождение, форма живота говорила о позднем сроке беременности – вот и все, что Гарри успел заметить, прежде чем женщина сбежала по лестнице вниз.

Слушая, как она спускается, он понял, что Норма ошиблась. Окажись здесь Ча-Чат, он не позволил бы столь соблазнительной жертве уйти целой и невредимой. Но демона здесь не было.

Район поисков снова расширился до размеров Манхеттена.

Накануне вечером с Эдди Акселем приключилось нечто очень странное. Все началось, когда Эдди, пошатываясь, вышел из своего любимого бара, который находился в шести кварталах от его бакалейной лавки на 3-й авеню. Эдди был пьян и счастлив – и не без причины. В тот день ему исполнилось 55. За эти годы он успел три раза жениться, обзавестись четырьмя законными детьми и кучей незаконных. К тому же – а может, это и было самым важным – он сделал «Товары Акселя» высокодоходным предприятием. Мир воистину был прекрасен.

Но, Господи, какая же стояла холодрыга! В такую ночь, которая могла бы стать началом второго Ледникового периода, поймать такси не было ни малейшего шанса. Эдди пришлось идти домой пешком.

Он прошагал, наверное, с полквартала, когда – чудо из чудес – с ним поравнялось такси. Эдди остановил машину, опустился на сиденье – и оказался в аду.

Во-первых, водитель знал, как его зовут.

– Домой, мистер Аксель? – спросил он. Эдди не стал у него ничего выпытывать. Просто буркнул «Да», решив, что о нем позаботился какой-то приятель, оставшийся в баре. А потом его глаза начали слипаться, и он, скорее всего, задремал. Так или иначе, через какое-то время он увидел, что за окном мелькают незнакомые улицы. Эдди стряхнул с себя дремоту. Это, без сомнения, был Вилледж – район, от которого он всегда держался подальше. Собственное его жилье находилось рядом с 90-ми улицами, недалеко от лавки. Эдди не нравился упадок Вилледжа, где на вывеске значилось «Пирсинг ушей. С болью или без боли», а в дверях отирались юноши с подозрительно узкими бедрами.

– Мы не туда едем, – сказал Эдди, постучав в перегородку, отделявшую его от водителя. Ни объяснений, ни извинений не последовало. Между тем машина, свернув к реке, оказалась перед вереницей каких-то складов и остановилась.

– Вам выходить, – произнес шофер. Эдди не стал дожидаться более четких указаний на этот счет. Когда он вылез из такси, водитель высунулся из кабины и ткнул пальцем в сторону прохода между двумя складскими зданиями, погруженными во мрак. – Она ждет тебя, – сообщил он и уехал. Эдди остался на тротуаре один.

Здравый смысл подсказывал немедленно убираться отсюда, но зрелище, которое открылось взгляду Эдди, пригвоздило его к месту. В тени стояла женщина – та самая, о ком говорил таксист, – и более тучного существа Эдди видеть не доводилось. Подбородков у нее было больше, чем пальцев на руках, а телеса, выпиравшие из-под легкого летнего платья, блестели не то потом, не то жиром.

– Эдди, – сказала она. В тот вечер, казалось, все знали его имя.

Женщина приблизилась к нему, и одновременно под кожей у нее заходили волны.

«Кто ты?» – собирался спросить Эдди, но слова застыли у него на устах, когда он понял, что ноги толстухи не касаются земли. Она парила в воздухе.

Будь Эдди потрезвее, он бы сообразил, что дело нечисто, и смылся. Но алкоголь в крови разгонял его страх. И Эдди остался.

– Эдди, – повторила она. – Дорогой Эдди. У меня для тебя две новости – плохая и хорошая. С какой начнем?

На минуту Эдди задумался, потом сказал:

– С хорошей.

– Завтра ты умрешь, – прозвучало в ответ. На лице женщины появилась едва заметная улыбка.

– Это хорошо? – спросил он.

– Рай ждет твою бессмертную душу, – пробормотала она. – Это ли не счастье?

– Ну, а плохая новость?

Толстуха засунула свою короткопалую руку в расщелину между грудями. Раздался жалобный визг, и на свет явилось странное существо. Оно напоминало помесь карликового геккона и больной крысы, которой достались худшие качества обеих тварей. Существо отчаянно скребло лапками в воздухе, а державшая его женщина сказала:

– Вот это и есть твоя бессмертная душа.

«Она была права, – подумал Эдди. – Новость не из лучших».

– Да уж, – подтвердила толстуха, – вид у нее жалкий, не так ли? – Душа корчилась и пускала слюни. – Она истощена. Она слаба. И вообще скоро умрет. А все почему? – Женщина не стала ждать ответа. – Слишком мало добрых дел...

Эдди застучал зубами.

– И как мне теперь быть? – спросил он.

– У тебя еще есть время. Ты должен компенсировать годы бесконечных спекуляций...

– Не понимаю.

– Завтра ты превратишь «Товары Акселя» в храм благотворительности. И тогда, возможно, на костях твоей души появится немного мяса.

Эдди заметил, что толстуха начала подниматься. Зазвучала печальная музыка. Минорные аккорды лились с небес до тех пор, пока она не скрылась во тьме.

Когда Гарри вышел на улицу, беременной женщины уже не было. Не было и дохлой собаки. Не располагая особым выбором, он снова по-

плелся к Норме Пейн, рассчитывая скорее на компанию, чем на удовольствие от того, что она признает свою ошибку.

– Я не делаю ошибок, – заявила Норма, перекрывая шум пяти телевизоров и стольких же радиоприемников, работавших в ее квартире сутки напролет. Эта какофония, как уверяла провидица, была единственным надежным средством удержать представителей мира духов от попыток вторгнуться на ее территорию: болтовня раздражала их.

– Я видела силу в том доме на Ридж-стрит, – сказала она Гарри. – Сто процентов, что так и было.

Гарри уже собирался возразить, как вдруг изображение на одном из экранов привлекло его внимание. В выпуске новостей показывали репортера, стоявшего напротив магазина («Товары Акселя» – гласила вывеска), из которого выносили человеческие тела.

– Что там? – поинтересовалась Норма.

– Вроде бы бомбу взорвали, – ответил Гарри, пытаясь расслышать голос репортера сквозь мешанину других телеканалов.

– Сделай погромче, – попросила слепая. – Мне нравятся катастрофы.

Как оказалось, причиной смертей была вовсе не бомба, но массовое побоище. Драка началась в середине утра в переполненной людьми бакалейной лавке; из-за чего это произошло, никто точно не знал. Почти мгновенно она переросла в кровавую баню. По самым скромным подсчетам, погибло около тридцати человек, а раненых было вдвое больше. Репортаж, в котором инцидент был назван спонтанной вспышкой насилия, навел Гарри на ужасное подозрение.

– Ча-Чат, – пробормотал он.

Несмотря на шум, стоявший в маленькой комнате, Норма разобрала его слова.

– Почему ты так решил? – спросила она.

Гарри не ответил. Он вслушивался в заключительную часть репортажа, надеясь узнать местонахождение «Товаров Акселя». Ага, вот оно. 3-я авеню, между 94-й и 95-й улицами.

– Не падай духом, – сказал он Норме и оставил провидицу наедине с ее бренди и голосами мертвецов в ванной.

Линда вернулась в дом на Ридж-стрит в последней надежде отыскать там Боло. Именно он, по ее прикидкам, был наиболее вероятным кандидатом в отцы ребенка, которого она вынашивала. Хотя в ее жизни в то время встречались и другие мужчины – странные мужчины, чьи глаза при подходящем освещении казались золотыми, мужчины с внезап-

ными и невеселыми улыбками. Как бы там ни было, Боло в доме не оказалось, и она почувствовала, что осталась совсем одна. Прямо хоть ложись да помирай.

Но смерть смерти рознь. Есть смерть-исчезновение, о которой она молилась по ночам, – заснуть и позволить холоду постепенно завладеть ее телом. И есть другая смерть – та, что виделась ей во сне, когда бы усталость ни заставляла ее смежить веки. Эта смерть не сулила ни достойного ухода, ни надежды на загробную жизнь. Эта смерть исходила от мужчины в сером костюме, лицо которого временами напоминало полузнакомый лик святого, а временами – стену с гниющей штукатуркой.

Выпрашивая у прохожих подаяние, Линда брела по направлению к Таймс-сквер. Там, среди потока покупателей, она на время почувствовала себя в безопасности. Отыскав небольшую закусочную, заказала омлет и кофе, благо выклянченных денег только на это и хватало. Еда добавила энергии ребенку. Она ощутила, как тот ворочается во сне, уже готовый пробудиться. Может, стоит еще побороться? – подумала она. Не ради себя – ради малыша.

Линда принялась размышлять о том, что она может сделать, и не вставала из-за столика до тех пор, пока ворчание хозяина не выгнало ее на улицу.

День был в разгаре; погода начала портиться. Какая-то женщина пела рядом с закусочной трагическую арию на итальянском языке. Сдерживая слезы, Линда отвернулась от боли, которую несла песня, и пошла куда глаза глядят.

Когда толпа поглотила ее, мужчина в сером костюме отделился от кучки зевак, собравшихся послушать пение уличной дивы, и знаком отправил своих молодых спутников в погоню за намеченной жертвой.

Марчетти сожалел о пропущенном шоу. Он обожал вокальные номера. Пропитой женский голос все повторял и повторял знаменитый скачок на полтона (яркое свидетельство человеческой ограниченности), и это делало высокое искусство Верди забавным – тем более забавным, что ария пелась с самым одухотворенным выражением лица. Он непременно должен вернуться сюда, когда с тварью будет покончено. Созерцая этот фальшивый экстаз, Марчетти впервые за много месяцев готов был разрыдаться. А плакать он любил.

Гарри стоял на 3-й авеню напротив «Товаров Акселя» и наблюдал за зеваками. Несмотря на холод подступающего вечера, их собралось уже несколько сотен. Разочарованных не было. Трупы продолжали выносить до сих пор – в мешках, в пакетах, что-то даже вынесли в ведре.

– Кто-нибудь знает точно, что здесь произошло? – поинтересовался Гарри у тех, кто стоял рядом.

К нему обернулся мужчина с румяным от мороза лицом.

– Парень, который держал эту лавочку, решил раздать свои баксы, – сказал он, усмехаясь столь явной нелепости. – А народу там было до хрена. Кого-то затоптали в давке...

– А я слышал, что заваруха началась с тушенки, – возразил другой. – Кого-то забили до смерти банкой тушенки...

Это предположение оспорило сразу несколько человек – у каждого имелась собственная версия случившегося.

Гарри уже хотел попытаться отделить вымысел от реальности, как вдруг его внимание привлек разговор справа. Мальчишка лет девяти-десяти приставал к своему приятелю.

– Ты ее понюхал? – допытывался он.

Второй энергично кивал.

– Жирная, правда? – отважился первый.

– Пахнет хуже какашек, – последовал ответ, и оба зашлись в конспиративном хохоте.

Гарри взглянул на объект их веселья. Огромная толстуха, одетая явно не по сезону, стояла в стороне и обозревала место трагедии маленькими блестящими глазками.

И тут же забылись вопросы, которые Гарри собирался задать зевакам. Зато чрезвычайно ясно вспомнилось, какое действие на инфернальную братию производил его елей. Нет, Гарри подумал не о проклятьях, которыми его осыпали, и даже не об уродствах, выставляемых напоказ, – он подумал о запахе. Запахе жженого волоса, гнилых зубов и протухшей телятины. Игнорируя завязавшуюся дискуссию, Гарри направился к толстой женщине.

Она заметила его приближение. Повернулась к нему. При этом между жировыми складками на шее пролегли глубокие борозды.

Теперь Гарри не сомневался, что перед ним Ча-Чат. А тот, подтверждая его догадку, бросился бежать, отчаянно тряся конечностями и чудовищной задницей. Когда Гарри пробрался сквозь толпу, демон уже сворачивал за угол 95-й. Однако украденное им тело не годилось для гонки, и расстояние между ними быстро сокращалось. В нескольких местах уличные фонари не горели, и когда Гарри наконец схватил демона и услышал звук рвущейся ткани, мрак на несколько секунд скрыл от него неприятную правду: Ча-Чат каким-то образом освободился от узурпированной плоти и оставил Гарри с грудой эктоплазмы, которая уже оплывала у него в руках, как перезревший сыр. А демон, избавившийся от своей ноши, был далеко – скользкий и эфемерный, как

надежда. Гарри отшвырнул от себя шмат грязи и громко произнес заклинание отца Гессе.

К его удивлению, Ча-Чат остановился и повернулся к преследователю. Его глаза смотрели во все стороны, только не на небо; рот был широко открыт и пытался исторгнуть смех. Звук был такой, как будто кого-то рвало в шахту лифта.

– Слова, д'Амор? – сказал он, иронизируя над произнесенным заклинанием. – Ты думаешь, меня можно остановить словами?

– Нет, – ответил Гарри и прострелил дыру в брюхе Ча-Чата, прежде чем многочисленные глаза демона заметили пистолет.

– Ублюдок! – завопил он, падая на землю. – Жалкий педрила! – Кровь цвета мочи толчками вытекала из раны. Гарри подошел к Ча-Чату. Было практически невозможно убить демона такого ранга при помощи пуль, но даже шрам среди его соплеменников считался большим позором. А два шрама Ча-Чат мог и не пережить.

– Не надо, – взмолился он, когда Гарри направил ствол на голову демона. – Только не в лицо.

– Может, скажешь, с какой стати я должен тебя жалеть?

– Пули тебе еще понадобятся.

Гарри ждал, что Ча-Чат начнет торговаться или угрожать, и от этого ответа немного опешил.

– Что-то вырвется сегодня на свободу, д'Амор, – сказал демон. Кровь, разлившаяся вокруг его тела, загустела и стала похожа на расплавленный воск. – Что-то такое, что окажется круче меня...

– И что это будет? – спросил Гарри.

Ча-Чат ухмыльнулся.

– Кто знает... Странное сейчас время года, не так ли? Длинные ночи. Ясное небо. В такие ночи разное может родиться, согласен?

– Где?! – Гарри приставил ствол к носу демона.

– Да ты просто хулиган, д'Амор, – с укоризной ответил тот. – Тебе об этом говорили?

– Где?!..

Глаза твари потемнели; лицо, казалось, расплылось.

– Кажется, к югу отсюда... Отель... – Тембр его голоса становился все тоньше, а черты лица утрачивали грубость. Палец Гарри на спусковом крючке дрожал от желания проделать в демоне дыру, которая навсегда отбила бы у него охоту смотреться в зеркало, но Ча-Чат продолжал говорить и Гарри не позволил себе прервать его. – Отель на 44-й. Между 6-й авеню и Бродвеем... – Теперь его голос явно стал женским. – Синие шторы... – доносилось бормотание. – Я вижу синие шторы...

Тут дьявольский облик окончательно исчез, и перед Гарри возникла Норма Пейн, истекающая кровью на тротуаре.

– Ты же не выстрелишь в пожилую даму? – пропищала она.

Замешательство Гарри продолжалось лишь несколько секунд, но этого Ча-Чату хватило, чтобы перекинуться из одного состояния в другое и улизнуть. Второй раз за последний месяц детектив упустил демона.

И в довершение всех неприятностей повалил снег.

Маленький отель, о котором говорил Ча-Чат, знавал лучшие времена. Даже светильник в вестибюле горел неровно, словно собирался сломаться. За стойкой портье никого не было. Гарри хотел уже подняться по лестнице, как вдруг из темноты выступил юноша с гладко выскобленной головой, на которой красовался один-единственный завиток, и схватил его за руку.

– Здесь никого нет, – сообщил он Гарри.

В другой день Гарри с удовольствием бы раздавил это бритое яйцо голыми руками. Но сегодня его, кажется, ждало кое-что похуже. И потому он мирно ответил:

– Что ж, придется поискать другой отель, да?

Завиток, судя по всему, успокоился; хватка ослабла. А в следующее мгновенье Гарри нащупал свой пистолет и заехал им по подбородку юноши. Завиток отлетел к стене, плюясь кровью; на его лице мелькнуло выражение безграничного удивления. Поднимаясь по ступенькам, Гарри услышал, как он орет: «Дарий!»

Ни на крик, ни на звуки стычки из комнат никто не вышел. Здание и впрямь пустовало. Гарри начал догадываться, что выбрали его не для приема постояльцев, а для каких-то совсем иных целей.

А затем дверь в конце коридора распахнулась, и подозрение стало реальностью. На пороге стоял мужчина в сером костюме, снимавший окровавленные хирургические перчатки. Гарри он показался смутно знакомым – собственно, ему все казалось смутно знакомым с того момента, как Завиток выкрикнул имя своего хозяина. Это был Дарий Марчетти, также известный как Язва. Один из упоминаемых только шепотом теологов-убийц, которые подчинялись или Риму, или Аду, или им обоим сразу.

– Д'Амор, – сказал он.

Гарри едва не почувствовал себя польщенным оттого, что его узнали.

– Что здесь произошло? – требовательно спросил он, делая шаг к открытой двери.

— Тебя это не касается. Пожалуйста, не подходи ближе!

В маленькой комнате горели свечи, и в их ярком свете Гарри увидел тела, лежащие на голой кровати. Женщина с Ридж-стрит и ее ребенок. Обоих прикончили с поистине римской ловкостью.

— Она не согласилась, — сообщил Марчетти, не слишком тревожась по поводу того, что увидел Гарри, — хотя мне был нужен только ребенок.

— И кем он оказался? — поинтересовался Гарри. — Демоном?

Марчетти пожал плечами.

— Этого мы уже не узнаем... Но в это время года всегда находится кто-то, кто хотел бы проникнуть в наш мир. И лучше нам позаботиться о безопасности, чем сожалеть о случайных жертвах. А кроме того, кое-кто — и я причисляю к этим людям себя — считает, что мессий стало слишком много...

— Мессий? — переспросил Гарри. Он еще раз взглянул на маленькое тельце.

— В нем была Сила, я полагаю, — пояснил Марчетти. — Но теперь она в любом случае ушла. Скажи спасибо, д'Амор. Наш мир не готов к Откровению.

Он взглянул на юношу с завитком, который уже поднялся по лестнице и стоял за спиной Гарри.

— Патриций, будь ангелом, подгони мне машину. Я опаздываю на мессу.

Марчетти швырнул перчатки на кровать.

— Ты должен подчиняться закону, — сказал Гарри.

— О, пожалуйста! — запротестовал Язва. — Обойдемся без этой чепухи! Ночь на дворе.

Гарри ощутил острую боль у основания черепа. По спине побежал теплый ручеек крови.

— Патриций считает, что тебе пора домой, д'Амор. И я с ним согласен.

Нож вдавился в шею немного глубже.

— Правильно? — спросил Марчетти.

— Правильно, — ответил Гарри.

— Он был здесь, — сказала Норма, когда Гарри вернулся в ее квартиру.

— Кто?

— Эдди Аксель из «Товаров Акселя». Проходил мимо, чистый, как солнечный свет.

— Мертвый?

– Разумеется, мертвый. Он покончил с собой в тюремной камере. Спрашивал, не видала ли я его душу.

– И что ты ответила?

– Я всего лишь телефонист, Гарри. Я всего лишь соединяю. Где уж мне с метафизикой разобраться... – Она взяла со столика рядом с креслом бутылку бренди, которую поставил туда Гарри. – Как мило с твоей стороны. Присядь. Выпьем.

– В другой раз, Норма. Сегодня я слишком устал.

Он подошел к двери.

– Кстати, ты оказалась права. На Ридж-стрит действительно кое-что было...

– И где оно сейчас?

– Ушло... Домой.

– А Ча-Чат?

– Все еще в городе. Злится...

– Манхеттен видел и не такое, Гарри.

Утешение было слабым, но Гарри привел этот аргумент, уже закрыв за собой дверь.

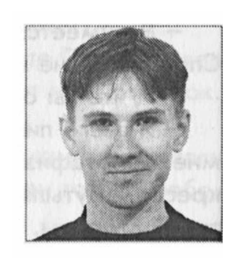
Снег валил, не переставая.

Он стоял у подъезда и глядел на снежные хлопья, кружащиеся в электрическом свете. Двух одинаковых среди них нет, вспомнил он вычитанное где-то. Если такое разнообразие свойственно обычным снежинкам, стоит ли удивляться, что у событий бывают столь непредсказуемые обличья?

Каждое мгновение зависит только от себя самого, размышлял он, сунув голову прямо в пасть вьюге. И он должен был получить максимум удовольствия от понимания того, что между морозными сумерками и рассветом будет бесчисленное множество таких мгновений – возможно, слепых, возможно, диких и голодных, но все они, по меньшей мере, жадно хотят родиться.

Перевод Бориса Аникина

Дебют в «ЗД»

Евгений Головин

ЖАР

Для начала внесем ясность: наш Евгений Головин — это совсем не тот Евгений Головин, который переводчик и практикующий эзотерик. Тот московский, а наш — из Самары. Тот уже не молод, а нашему и 25 не исполнилось. Словом, не путайте!.. А повесть «Жар», которая выходит в журнале, по-настоящему хороша. Неспроста Женя написал нам, что из фантастики предпочитает Сапковского, но самый любимый его писатель — Владимир Набоков. Ой, неспроста!

Оливем-лодейник переступил через высокий порог и сделал знак рукой – сюда. Мелих вошел в сарай и остановился, привыкая к царившему внутри полумраку. Темень пахла зерном и куриным пометом.

Оливем уже ковырялся где-то впереди; Мелих смутно различил, как он расшатывает черенок, вбитый под дверь клети. За скрипом хлипкой дверцы ничего не последовало.

Мелих вопросительно посмотрел на Оливема.

– Ну?

– Да там он, там, – кивнул тот в сторону клети. – Прячется, сукин кот.

Мелих отодвинул Оливема в сторону, присел на корточки.

– Эй, малый!..

Ему показалось, что слева что-то блеснуло. Глаза?

– Подожди снаружи, – велел Мелих лодейнику, не поворачивая головы.

Тот переступил с ноги на ногу и скрылся за дверью; в темноте шевельнулось какое-то серое пятно, двинулось к Мелиху, но в трех шагах остановилось. Мелих протянул руку.

– Что, бил тебя?..

Мальчик приблизился еще на шаг, но дотронуться до себя не дал.

– Выйди на свет, – сказал Мелих.

В бледном свете ему удалось разглядеть тонкое остроскулое лицо, черную шевелюру с вихром возле левого виска и темное пятно под носом. Мелих скривился.

– Вижу, что бил. Он и своих детей лупцует, как животных... Ну-ка, пойдем.

Мелих толкнул дверь наружу, волоча за собой слабо сопротивлявшегося пацана; при виде ожидающего их лодейника пострел застыл на пороге, а потом потянул Мелиха обратно в сумрак сарая. – Не боись, – сказал Мелих и повернулся к лодейнику, – а ты иди. Мы поговорим тут. Молока принеси. – Мелих посмотрел на бледное лицо мальчика. – И хлеба.

– Ему не дам, – угрюмо сказал Оливем.

– Мне. – Мелих не сводил с него взора до тех пор, пока лодейник не развернулся и не зашагал прочь.

Оглядев узкий двор, Мелих потащил мальчика к лежащей у задних ворот горке бревен.

– Садись.

Мальчик сел.

– Убегать не будешь? Тогда руку отпущу.

Мальчик помотал головой – влево, вправо. Глаз не поднимал.

– Немой?

Снова – влево, вправо.

– Звать как?

Он что-то буркнул, шмыгнул носом и тут же скривился от боли. Осторожно пощупал разбитые ноздри.

– Как-как... Дива.

– Откуда сам? От версов сбежал?

Увидев возвращающегося лодейника, мальчик снова насупился и вцепился пальцами в бревно под собой. Оливем положил хлеб с крынкой на траву, выпрямился, зло глядя на Диву.

– Я здесь побуду? Как бы не сбежал.

– Обойдусь, – равнодушно отозвался Мелих. – Ступай.

– Как бы не сбежал, – повторил лодейник и показал Диве кулак. – У, нелюдь!

– Ступай, Оливем!

Тот перевел злой взгляд с мальчика на Мелиха и отступил. Мелих дождался, пока он скроется в избе, и только после этого поднял с травы хлеб. Дал Диве, отщипнул сам. Подмигнул:

– Жуй, не отравим. И не бойся никого. Молока хочешь?

Тот заробел сначала, но голод одолел страх – Мелих незаметно улыбнулся, глядя, как пацан наворачивает пеклеванный хлеб, запивая молоком. Хотя улыбаться было совершенно нечему.

– Ты откуда здесь?

– Заблудился. – И глазами из-под свисающих сосульками вихров – зырк.

– А шел куда?

– Никуда. Куда глаза глядят.

– Лодейник мне про твой взгляд рассказал. Из-за него тебя и кончат. Разумеешь? Не здесь, так за соседним тыном.

Дива пожал костлявыми плечами и смахнул рукой молочные усы.

– Два дня здесь? Или дольше шляешься? Как прошел?

– С обозом.

– Кто вел?

– Большой, толстый. Шрам здесь... – Дива ткнул себя пальцем над правой бровью.

Мелих прищурился на солнце, почесал зудящую от жары кожу под бородой.

– Вишь, как оно получается, Дива. Тебе мужики уже смертный приговор вынесли. Как пусто вокруг, подмечаешь? Это только так кажется, потому как все сейчас по заборам распределились и за нами наблюдают... – Дива перестал жевать и огляделся. Мелих усмехнулся. – А кому места на заборе не хватило, тот вилы готовит. Потому как за колдовство у нас на вилы подымают... Жить хочешь? – повернулся он к пацану.

– Хочу.

– Тогда не ври мне. Как порчу наводишь? Взглядом или заклятьем?

– Я не колдун.

– Брешешь, сопляк! – разозлился Мелих. – Ты мне не бреши! Белик тебя на своем обозе в село привез, на ночь приютил, а ты на него порчу навел. Умер он вечером второго дня. А люди слышали, как ты ему смертью грозил. Грозил?

– Нет.

Мелих разозлился еще больше.

– Заново юлить?! Трое свидетелей твоим словам!

– Я не колдун.

– Может, услышал заклятье какое и применил его, не разумея? Так было?

– Нет, – упрямо ответил пацан. – Не знаю я никаких заклятий.

– Тогда дрянь твое дело. За порчу взглядом тебе сперва глаза выколют. А потом и вовсе кончат. – Сказал и быстро посмотрел – не за-

боится ли. Дива отставил крынку, грустно взглянул на Мелиха, затем отвернулся.

– Я вижу смерть, – сказал он, но не Мелиху, а куда-то в сторону.

– Чью? Мою?

Дива снова посмотрел ему в глаза, и сердце Мелиха – себе-то чего врать? – разок екнуло.

– Нет. Вашей не вижу. Пока.

– Почему «пока»? А когда увидишь?

– За день или два до нее.

– Спасибо, – процедил Мелих, – хоть за пару дней спасибо. Тогда чью смерть ты там углядел?

Дива подумал, слизал крошки с пальцев, аккуратно вытер ладони о штаны. Отвечать не спешил.

– Ну?

– Того, кто умрет.

– Больно умный, сопля?

– Я не колдун, – устало выдавил пацан, словно не было уже его сил повторять эти простые слова в сотый, двухсотый или тысячный раз, – просто вижу смерть. У толстого человека, что привез меня сюда, она горела как огонь – очень ярко.

– Кто, смерть?

– Да.

– Где горела? Дома, в очаге?

– В глазах. Она горела у него в глазах.

Мелих недоуменно умолк.

– И что... что это значит?

– Что она придет очень скоро. Я ему сказал, чтобы он успел попрощаться с родными. Многие не успевают. Но он мне не поверил и разозлился.

– Еще бы он тебе поверил. И что, выгнал?

– Еще и в ухо дал. Сказал, что потом кнутом пройдется, а пока ему некогда, так что я могу проваливать.

– А к лодейнику как попал?

– Какой-то дядька меня вчера нашел. Я его в том доме видел.

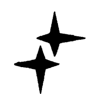
– Сын Белика, – сообразил Мелих. – Нашел, когда Белик помер?

– Не знаю. Наверное.

– Они тебя что, прямо на улице били?

– Сначала на улице. Потом здесь еще. Глаза обещали выколоть...

– Никто тебя не тронет, – прервал Мелих, – не бойся. Прикончить тебя просто так, за здорово живешь, я не дам. Потому как в колдовство это не верю. Или зря? Что там в моих глазах? Присмотрись.

Дива послушно посмотрел.

– Очень добрые глаза.

– Ловкач, – усмехнулся Мелих. – Ловкач... Глаза глазами, но если выяснится, что брешешь, – сам высеку и лодейнику отдам. А пока... – Мелих ненадолго задумался, кусая ус. – Ладно, пока все не разъяснится, к себе возьму. Ко мне пойдешь? Или здесь останешься?

Дива деловито поднялся, отряхнул труху со штанов.

– Показывайте дорогу, что ли...

– То-то. – Мелих тоже поднялся, осмотрел двор, увидел бледный овал лица лодейника, наблюдавшего за ними из полумрака сеней, и подтолкнул мальчика к задам. – Там пойдем. И бежать у меня – смотри! Вмиг ребра переломаю.

Пока шли, Дива заинтересованно оглядывался: засиделся в сарае, света белого не видя.

– Там что? – ткнул он пальцем в сторону резного фасада с железной птицей на коньке, парящей над остальными крышами.

– Княжий дом. А те вон – боярские палаты – Акимовские, Валецковские, Ханиссовские. А те вон – мои.

– А там?

Мелих посмотрел на двух женщин, выходящих за тын по натоптанной тропке к лесу.

– Святое место. Потом покажу, ежели захочешь. Или вам, колдунам, нельзя?..

– Не знамо, как колдунам, а нам можно, – пожал плечами Дива.

Почти у дома им встретились несколько девочек – разного возраста, но в похожих платьях. Шли, похоже, на реку, купаться. Дива заинтересованно приостановился, рассматривая хихикающую стайку, пролетевшую мимо словно щурки – шумно, весело.

– Топай, пацан, – подтолкнул Мелих, – мал еще на девок лупиться.

– С зеленым пояском – красивая.

– Ишь, разбирается...

– Умрет.

Чувствуя, как колючая рука стянула кожу на затылке, Мелих медленно повернул голову, отыскивая девочку с зеленым пояском.

А когда малость пришел в себя, сразу догонять мальца, с такой легкостью раздающего смертные приговоры, заробел.

– И где этот твой малолетний прорицатель? – хмуро спросил князь Малиогг.

– У меня в доме.

– Под замком, надеюсь?

– Нет. Я велел за ним присматривать домашним. Это же ребенок.

– Уж больно прыток пострел, – огладил ухоженную, с любовью – волосок к волоску – расчесанную бороду присутствующий при беседе волхв Икклей. – Мне бы поговорить с ним, князь.

– Успеешь, – отмахнулся тот. – Ты садись, Мелих. Что он еще сказал?

Мелих развел руками.

– Это все.

– А одна ли Анка была в зеленом пояске?

Мелих кивнул.

– А что ты сам об этом думаешь? Может, просто болтовня приблуды неразумного?

– Для своих лет он даже чересчур разумен.

– Веришь ему, Мелих?

Мелих помедлил с ответом, которого, по совести, он и не знал. В конце концов пожал плечами.

– Может, он лекарь? – в пустоту проговорил князь. – Хвори в зачатке чует?

– Я осмотрю Анку, князь, – сказал Икклей. – Малой подозрителен, но о здоровье княжны мы должны думать прежде всего. Она не больна?

– Утром кашляла, – вспомнил Малиогг. – А я даже не спросил... – Он закусил губу.

– Ночь свежая была, сквозняком продуло. Это уж не настолько...

– Все равно, – ткнул в него пальцем князь. – Травы ей заваришь. Той отравы, что зимой меня на ноги подняла, – тоже. Мелих...

– Да?

– Кликни дворовых, чтобы Анку сыскали. А сам домой иди. Глаз с этого прорицателя не спускай. Головой за него... слышишь?

Когда сели ужинать, у крыльца зашумели. Влетел кто-то из дворни:
– Князь пожаловали!

Жена Елена охнула, вскочила, заметалась среди челяди.

– Бокал чистый несите! И мослы эти прочь! А скатерть-то, скатерть...

Мелих отодвинул чашку, развернулся на лавке к двери; мельком бросил взгляд на лицо Дивы, выхваченное из тени какими-то фрагментами – щека, свисающий на лоб вихор и один блестящий, как у кота, глаз.

– Один князь-то? – спросила Елена у дворового, убирая волосы под платок.

– Одни.

Малиогг широким жестом отворил дверь, переступил порог, привычно скользнул пальцами по вискам в знамении.

– Алиока пребудет в доме вашем, хозяева. Гостей пустите?

– Всегда рады, князь. – Мелих встал, освобождая место, и сам налил бокал гостю.

– Садитесь вечерять, князь, – сказала Елена. – Отведайте, уж что есть. Мы гостей не ждали.

– Спасибо. Сыт.

Князь посмотрел сначала на Диву, ковырявшего пальцами в чашке и почти уткнувшегося в нее носом. Затем перевел взгляд на Мелиха. Тот глазами указал жене на дверь.

– Ах, забыла ж совсем! – неестественным голосом проговорила Елена. – Свахе обещалась зайти. Пойду, пока совсем не стемнело, а вы сидите.

Молчали долго. Мелих долил масла во второй светильник, зажег и поставил возле князя (тот сразу же отодвинул его в сторону – ближе к середке стола, – продолжая рассматривать мальчишку).

– Звать как? – спросил он с неожиданной злостью.

– Иа, – прожевал пацан. Проглотил кусок и повторил: – Дива.

– Откуда? Бродяга?

– Хутор разорили, всех убили. Я сбежал.

– Версы?.. Разорили версы?

– Разбойники.

– Версы?

– Нет.

Князь мельком посмотрел на Мелиха, затем снова на Диву.

– Далеко отсюда?

– Не знаю. Я давно иду.

– Где еще был? Названия какие помнишь?

Дива немного пожевал в задумчивости, потом кивнул.

– Видел заброшенную избу у леса. Я там пятого дня ночевал.

– С востока шел, – вспомнил Мелих, – знаю я эту избу. То Воловья мыза.

– В села какие заходил?

– Нет.

– А чего ж ты жрал тогда? Сено?

– Летом, светлый князь, корм под ногами – собирай и ешь.

– Твоя правда, – рассеянно процедил Малиогг сквозь зубы, думая о чем-то совершенно ином. Затем заговорил снова, обращаясь уже к Мелиху, хоть и продолжал смотреть на мальчишку. – Ничего Икклей у

нее не нашел. Нос сопливый, а так здорова, благодаренье Алиоке, как никогда.

– Тогда беспокоиться не о чем, князь, – осторожно проговорил Мелих.

– Разве что о мертвом Белике... – ответил Малиогг. – Икклей желает еще мальчишку посмотреть. Что скажешь?

– Дива будет не против.

Самого Диву он спрашивать, разумеется, не стал.

Малиогг кивнул.

– Завтра. Сегодня пусть отдыхает. И ты отдыхай. – Он потер бровь, чуть прищурил глаза. – Завтра поедешь на выгон. Слышь?

– Да.

– Икклей старый травник и костоправ, я ему верю. Но дочь у меня одна. Поедешь и привезешь верского знахаря. Если он окажется так же хорош, как о нем судачит молва, я в долгу не останусь – будет свои порошки в золотой ступке рубином толочь. Что молчишь?

Мелиху и правда было о чем подумать.

– Думаю вот...

– Ну?

– О пастухах, которых нашли возле Выгона. Мертвыми.

Малиогг сжал зубы, хотел грохнуть кулаком по столу, но сдержался.

– Знаю. Помню, да! Может, их и не версы кончили. Может, разбойники. Ты проскочишь мимо тех и других, я знаю. А не проскочишь, так выкрутишься. Именно поэтому я посылаю тебя, а не кого-то другого. А лекарь... он ведь отшельник, так? Значит, ему все наши разборки до светильника. Не возьмет денег, пообещай чего попросит. Что там ему надо? Шкурки, серебро? Бабу, в конце концов?

– Еду один?

– Нет, конечно. Тро... двоих дам. Больше не могу. Не то время. Ты ведь меня понимаешь, Мелих?

Мелих понимал: войны никто никому не объявлял, но из заставы людей не выпускали. Чего тут непонятного?

Темный ежик деревьев у горизонта. Пустая, почти безлюдная степь. И свежий след стоянки... След был почти незаметным, но Вэф нашел его. Пока он ползал по окаменевшей земле, Лука с Мелихом, не спешиваясь, изучали степь во всех направлениях, главным образом в том, где курчавился ранее казавшийся безопасным лес.

– Ну, чего там? – Мелих коротко посмотрел на Вэфа и похлопал по шее отчего-то заволновавшуюся лошадь.

Вэф поморщился и отмахнулся. Мелих не стал настаивать и торопить, по опыту зная, что это бесполезно – пока не закончит, слова из него не вытянешь.

Через некоторое время Вэф поднялся с колен, отряхнулся и сделал задумчивое лицо, которое любил демонстрировать окружающим, когда все или многое зависело от его умения.

– Трое или четверо. Похоже, столько же лошадей. Два-три дня назад.

– Разъезд? – зашевелил бровями Лука и посмотрел на Мелиха. Вэф уверенно мотнул головой.

– Версы? – спросил Мелих.

– Я, Мелих, не собака. А через три дня их и собака не учует. Может, версы, может, с Хладного Стана разъезд.

– Не далековато ли для становых? – сощурился Лука.

– Версы уже давно ведут себя подозрительно, – ответил Мелих, – так что вполне возможно, что со Стана. Войны нет, а люди со скотиной пропадают. И никто ничего не знает и не видит.

– Версы умеют прятаться в степи.

– Ладно. – Мелих куснул кончик уса. – Едем. Вэф, ты впереди, уши во всю ширь. Мы от заставы еще не так далеко. Если что, вернуться успеем.

– А как же знахарь?

Мелих пожал плечами.

– Никак.

Ехали медленно, чтобы не мылить коней. Чтобы хоть как-то отвлечься от тревожного ожидания, Мелих начал вспоминать, как же вышло с версами все так плохо.

Не так давно они даже торговали. Версы мало что могли предложить – мясо, кожу, металл; много покупали сами за удивительной чистоты серебро. Важна была не ценность товара, а мирные отношения. Люди воевать не могли, потому как при тогдашнем соотношении сил версы раскатали бы их по степи одним ударом. Сейчас? Кто знает.

И кто знает, что там, за этими степями? Города ли версов? Или все та же желтая высохшая степь, по которой версы испокон веков кочуют на своих скрипучих телегах?

Дальше этих мест людям продвинуться пока не удалось: караван переселенцев, на жженом блине степи видный издалека, в полудне пути от форпоста натыкался на верский разъезд, а какой-нибудь седой, как зимний беляк, верский толмач недвусмысленно показывал назад, за спины переселенцев, скучно говорил о преимуществах мирного сосуществования. Убедительны были не столько его слова, сколько суровые

и какие-то одинаково неживые лица бойцов за его спиной. Потом? Попытки отдельных смельчаков продвинуться вперед. Сначала исчезновения. Затем трупы. Может, версы виноваты, может, нет – кто, кроме них самих, ведает?

Теперь вот знахарь (как же все-таки его кличут?). В селе его знают, хотя мало кто видел. Кто-то к нему обращался – когда Икклей оказывался бессилен или запрашивал слишком много.

Князь думает, что он не интересуется отношениями людей и версов. Мол, отшельник. Хотел и Мелих в это верить. Хотел. Но не верил.

Проехали версты три прямо – темная полоска деревьев чуть увеличилась, но ехать к самим зарослям им было без надобности. Спустились по отлогому берегу к почти пересохшему руслу. Берег был изрыт ямами от копыт, окаменевшими от ветра и солнца. Еще с полверсты ехали вдоль узкой, поросшей травой полоски; приближаться к воде было страшно: тут же на лошадей и на всадников накидывались целые рои злых от голода кровососов.

Чем ближе к истоку, тем шире делалась лента реки и гуще зелень по ее берегам. Появились обвислые метелки ивы, становившиеся все более высокими и раскидистыми. Потом пошли берега, уже полностью заросшие кустами; один раз – у самой их границы – Мелих увидел мордочку ондатры, а Лука – с другой стороны кустов – рыбака.

В том, что это верс, Мелих убедился еще издали: седые волосы рыбака, небрежно перевязанные в конский хвост, свисали едва ли не до пояса. И никаких признаков волнения по поводу приближающихся всадников. Словно обычное это дело.

Или не увидел? Нет, увидел: головой, вишь, как ведет. Краем глаза, но наблюдает.

Но своего занятия не бросил ни на мгновение: когда трое людей приблизились на расстояние нескольких шагов, верс хищно поднялся с земли, присел и тут же быстро дернул кривое, сучковатое удилище – оно прогнулось, макнув кончиком в воду; в воздухе засеребрилась складывающаяся пополам рыбеха.

Знахаря Мелих видел дважды и оба раза мельком, поэтому заговорил не сразу. Все прикидывал: он? не он? Все они были на одно лицо – седые волосы, грубые, очень бледные лица. Разве что глаза...

– Здорово живешь, знахарь.

Верс, до этого делавший вид, что полностью сосредоточен на снятии рыбы с крючка, повернул лицо, внимательно оглядел всадников.

– Ты ведь знахарь, мы не ошиблись?

Глаза у него были обычные для верса – темно-карие.

Кивнул.

– Клюет?

Кивок на кожаный кукан у края воды, на котором бились еще с полтора десятка рыбех.

– А не страшно тебе, знахарь, одному посреди степи сидеть? – задал Мелих неожиданный и для самого себя вопрос. – Тут, поди, кого только нет, и не поймешь, у кого что на уме.

– А кому до меня какое дело? – неохотно ответил верс (голос у него был сухой, немолодой). – Я знахарь, меня все знают, и никто не трогает.

Мелих спешился, кинул поводья Луке, потер онемевшую задницу и присел на корточки рядом со знахарем – на него явственно повеяло пыльным чердаком, но Мелих не отодвинулся.

Верс снова мельком посмотрел на него и закинул удочку – ощипанное птичье перо с пушистой верхушкой заплясало на воде в сажени от берега.

– А бывает, поди, и разбойный люд появляется, а?

Верс пожал плечами и красноречиво посмотрел на Мелиха.

– Тут всякий народ проезжает. А разбойники они али разъезд... они не представляются.

– Разъезд от разбойников отличить, я думаю, сможешь. Мы вот, к примеру, с Пустоши. Знаешь?

– Бывал.

– Мы за тобой приехали. – Мелих умолк, соображая, не слишком ли грубо вышло. Версы – народ гордый и независимый, а знахарь – самый независимый из них всех. – Нам помощь твоя нужна. Поедешь?

– Смотря в чем будет заключаться моя помощь.

Про пацана князь говорить не разрешал. Но и не запрещал. Мелих в сомнении почесал бороду, затем решил, что никакой пользы от скрытности не будет.

– Может, видел здесь несколько дней назад мальчишку лет под восемь?

– Уже дней сорок никого не видел. Что за мальчик? Верс?

– Человек. – Мелих сплюнул в воду. – Прорицатель.

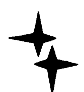
Знахарь хрюкнул.

– Смеешься? – спросил Мелих.

– Нет.

– Вижу, смеешься, хотя сам в некотором роде такой же. Нет?

– Только в некотором. Я не пользуюсь ни чарами, ни магическими предметами. Я лечу травами и знаниями об устроении тела. – Знахарь вытащил удочку, проверил червя и закинул по новой. – Так что напророчил мальчик? Кому-то богатство, а кому-то – смерть?

— Хм...

— Полагаю, вы приехали от того, кому выпала смерть. — Верс фыркнул. — Прости, но я не отвожу чар и не снимаю порчу.

— Все гораздо хуже, знахарь. Он пророчит только смерть и ничего больше.

— Странный прорицатель. — Верс заинтересованно повернул голову. — Я таких еще не встречал. Похоже, он напророчил смерть кому-то важному, если вы добрались в такую даль. Угадаю... князь?

— Дочка его. Шесть лет, совсем малеха.

— Больна?

— В том-то и дело, что нет, — покачал головой Мелих. — Наш лекарь ее осмотрел и ничего не нашел. Но другие предсказания мальчика сбывались... Князь просит помощи. За наградой дело не станет.

Верс поднялся на ноги и начал сматывать снасти.

— Если речь о жизни ребенка, спорить о награде считаю делом постыдным.

Ишь, каков.

— Спорить никто не собирается, — не ударил в грязь лицом Мелих (ему пришлось догонять двинувшегося вдоль берега знахаря). — Ты получишь все, что хочешь, без всяких споров. Мы же не голодранцы какие. Мы от князя Малиогга.

Знахарь искоса посмотрел на Мелиха и коротко кивнул.

— До дома твоего далеко? — спросил тот. — Нам бы сегодня выехать.

— Мы пришли. — Знахарь перехватил удочку и кукан одной рукой, а освободившуюся сунул в гущу невысокого кустарника, который тут же начал подниматься, — оказалось, он венчает дверь из переплетенных веток. — Я возьму все необходимое, и можно будет выезжать. Зайдете? — Он, как показалось Мелиху, усмехнулся. Мелих подозрительно всмотрелся в черную нору, уходящую вертикально вниз, и подумал, что, во-первых, только звери могут жить под землей, а во-вторых, что дураки те, кто равняет версов с людьми. Никакие они не люди.

— Здесь подождем.

По каменной от зноя земле глухо стучат копыта. В такт сердцу. Затем сердце обгоняет, рвется вперед — Мелих чувствует, как ноет в груди, колючим холодом щекочет намертво вцепившиеся в узду пальцы. Он все колотит пятками по лоснящимся бокам кобылы — онемевшие ноги едва ему подчиняются.

Деревянный стержень скользнул справа и остался торчать в земле. Лошадь пронеслась так близко, что Мелих увидел шевелящееся на легком ветру оперение стрелы.

Темные пятна погони выползли на вершину холма, растеклись муравьями. Криков не было. Только стук копыт и долго не оседающая пыль.

Кобыла хрипит. Она хрипит уже давно, часто спотыкается, а единственное, что может сделать Мелих, – до хруста сжимать влажную от пота рукоять меча. И молиться – Алиоке или Скуру, покровителю путников. Вслушиваться в сердцебиение сивки, вдыхать кислый запах ее тела.

– Давай...

Мелих подумал, что сам сказал это, но слова принес ветер от сгорбившегося, уткнувшегося в конскую гриву Луки.

– Давай, давай, давай же...

Мелих отставал. Даже ехавшие вдвоем на одной кобыле Вэф со знахарем опережали его. Их молодая вороная словно радовалась скорости, бешено сверкала глазами, оставляя сивку Мелиха позади.

Мелих чувствовал за спиной смерть. Ему было знакомо это ощущение – нестерпимая чесотка промеж лопаток. Он знал, что это просто соленый пот ест кожу, но как объяснить это телу, жаждущему лишь одного – выжить? Свернуться в комок и стать неуязвимым для верских стрел; бежать на своих двоих, если придется; хрустеть зубами, но бежать, пока не выплюнешь легкие или не отнимутся ноги.

Скур-защитник отвел от Мелиха новую стрелу, но в пустоту она не ушла. Он услышал шипение режущего воздух жала, а потом увидел, как Лука навалился всем телом на конскую шею, широко раскинул руки, выпустив поводья. Уже падая, он пытался зацепиться за гриву, но торчащие мертвыми корнями пальцы не послушались его...

Мелих отсчитал четыре удара сердца и подхватил поводья жеребца, потерявшего седока. Хрип сивки стал захлебывающимся, а жеребец набирал скорость медленно. Слишком медленно. Непозволительно медленно.

– Брось его! – Вэф обернулся лишь на мгновение, но Мелих успел заметить, какие белые у него глаза. – Брось!!

Мелих едва не слетел с сивки, когда жеребец Луки внезапно остановился, не желая двигаться вперед. Он увидел то, о чем пытался предупредить Вэф, – две стрелы, торчащие в шее животного, и грязно-красные струйки, ползущие по светлой шерсти; ноги уже не слушались жеребца, он мучительно храпел, кружась на одном месте.

Мелих потерял скорость – даже ту небольшую, что смогла набрать сивка, – но продолжал лупцевать ее каблуками: давай! давай! давай же!..

И внезапно версы отстали. Мелих понял это еще прежде, чем осмелился обернуться. Пропала чесотка в спине, он уже не слышал стука копыт и ржания верских коней.

– Мелих! – Вэф, кажется, плакал. – Мелих!!

Мелих сощурил глаза. Что-то виднелось впереди... коровы?.. лошади?..

– Мелих, разъезд! Это наши!

Сердце начало быстро отставать от ритма скачки, а лицо Мелиха, только что бывшее белее снега, порозовело. Он немного замедлил бег сивки, а вскоре и вовсе остановился. И вовремя: павшая кобыла едва не отдавила ему ноги.

– Выехали уже к ночи. – Мелих сделал неопределенный жест рукой, что могло означать досаду, раздражение, усталость или все сразу. – Утром – темно еще было – наткнулись... Когда уже отрываться начали, увидели, что никакой это не разъезд и не охотники. В полуверсте их были сотни. Конники. За нами погнались немногие. Они, похоже, тоже всю ночь ехали, иначе бы нам не уйти.

– Жаль Луку... – подал голос Валецко, коснулся висков в знамении. – Такому воину собачья смерть в спину...

Ханисс промолчал, наблюдая за лицом Валецко, и придал своей физиономии точно такое же выражение. Аким остался непроницаем. Князь Малиогг, ни разу не прервавший Мелиха, и сейчас не проронил ни звука. Лицо его было бледно и отрешенно. Мелих сильно подозревал, что из рассказанного князь слышал едва ли четверть, мысленно находясь в смежном помещении: там верский знахарь под наблюдением Икклея осматривал малолетнюю княжну.

Знахарю не дали ни поесть, ни отдохнуть – только попить с дороги. Дива говорил, что чует смерть за день – за два. Скоро конец второго дня, и хоть девочка и выглядит здоровой, князь – небритый и сильно осунувшийся за прошедшие сутки – кажется, уже с ней простился. Верит Диве. Верит!

Теперь уже все смотрели на князя, и он почувствовал это. Выговорил одно-единственное слово, которое у всех вертелось на языке:

– Война.

Ханисс кашлянул, заерзал на лавке, словно спрашивая слова. Все посмотрели на него, но Ханисс не торопился высказываться; князь же, посчитав свою задачу выполненной, снова уставился в пустоту, прислушиваясь к звукам за стенкой.

– Они шли с востока, – нарушил тишину Мелих. – Со стороны Хладного Стана.

– Думаешь, его уже взяли? – быстро спросил Валецко.

– Может, и так, но нужно выяснить точно.

– Выслать соглядатаев, – кивнул Валецко.

– Я найду надежного человека, – предложил Ханисс. – А идти лучше через низину: крюк, зато надежней.

– Если версы уже захватили Стан, то шансов в любом случае немного, – спокойно сказал Валецко. – Там везде их разъезды.

Ханисс послушно кивнул.

– Они, должно быть, уже очень близко, до заката могли бы добраться. – Мелих немного подумал. – Но теперь вряд ли станут торопиться.

– Они кочуют, или там только войско?

– Не знаю. – Мелих устало потер лицо. – Да и какая теперь разница-то? В открытом поле мы их атаковать не можем: сотрут.

– Без самоуничижения, Мелих, – скривил губы Аким, впервые подавая голос и, как обычно, цедя каждое слово сквозь зубы. – Да, они в бою хороши, но не бессмертны. Кровь у них такая же густая и почти такая же красная, как у нас. И меч верское мясо рубит ничуть не хуже, чем человечье...

– ...если до него добраться, – буркнул Валецко.

– Так или иначе, наш шанс – окопаться, – сказал Мелих. – Пересидеть. Переждать.

– Думаешь, версы будут ждать вместе с нами? Да и чего ждать-то?

Мелих посмотрел на Ханисса.

– У тебя найдется еще один надежный человек?

– Смотря для чего.

– Лучше два. Пошлем за помощью в Заполье и на Бычью Заставу.

– А смысл? – фыркнул Аким. – До Заполья почти двое суток пути. Пока соберутся, пока придут – это пять дней в лучшем случае. До Заставы еще дальше. К тому же с тамошним воеводой наш князь на крепких ножах, так что помощи оттуда нам совсем не дождаться. А версы будут здесь самое позднее к завтрашнему утру!

Аким просто высказал то, о чем Мелих думал и сам. Но своего решения он менять не собирался.

– Это лучше, чем ничего, – упрямо вымолвил Мелих. – А если конь добрый, то до Заполья можно и в полтора дня добраться. Продержимся.

– А нам что делать? – спросил Ханисс и снова посмотрел на Валецко. – Ждать и молиться?

– Готовиться, – ответил Мелих. – Потребуются все ваши люди и вы сами. До последнего смерда. Строить засеку и укреплять стены... Что, Аким?

Тот неприятно улыбнулся.

– Мелих, не подумай, что я ставлю грабли в такой важный момент...

Просто хотел узнать: кто и когда назначил тебя командовать? У нас совет равных.

– Его назначил я.

Все, включая запнувшегося Мелиха, повернулись к князю.

– Только что. Слушайте Мелиха, как слушали меня.

Лица Валецко и Ханисса не дрогнули, а на губах Акима заиграла все та же нехорошая усмешка. Мелих кашлянул.

– Присылайте людей к моему дому, я определю им работу.

– И нам, надо полагать? Определишь?

– Аким, прекрати, – буркнул Валецко. – Не время.

Мелих сделал вид, что пропустил слова Акима мимо ушей.

Неожиданно князь застыл на лавке, прислушиваясь, словно гончая, потом быстро поднялся и вышел из залы. Мелих тоже прислушался к звукам из-за перегородки, но ничего подозрительного не услышал. За князем поднялись Валецко и Аким, за Валецко – Ханисс. Мелих потянулся следом, выйдя в плохо освещенную детскую.

– У девочки мокрота в груди, – говорил верс.

– Простыла ночью, – ответил князь. – Это я и без тебя знаю.

– И еще я слышу, как странно бьется ее сердце.

Князь нахмурился.

– Что?

– Она нездорова, князь.

– Ты знаешь, что с ней?

– Полагаю, да.

– Можешь помочь?

Знахарь промолчал.

– Ну? – процедил князь, глядя на верса исподлобья. – Чего молчишь?

– Я постараюсь.

Князь побледнел, но в полумраке детской этого никто увидеть не смог.

– Она может...

– Не исключено. Но я постараюсь этого не допустить.

Князь медленно кивнул, буравя знахаря взглядом.

– Хорошо. Готовь свои порошки и настои. Спасешь ее – узнаешь мою княжескую щедрость. Ты же вроде кудесник? Так в народе говорят. Если же нет... значит, нет. Что будет в этом случае, я еще не решил. Мальчишка пока не ошибался, но это ведь ничего не значит, так, знахарь?

Верс не ответил.

Князь закусил губу. Затем посмотрел на Икклея.

– А ты что скажешь?

Волхв выждал достойную паузу.

– Я никогда не спорил с тем, что верские знахари умелы. – Икклей говорил медленно, тщательно подбирая каждое слово. – Кроме легкой простуды, я не вижу более никаких недугов. Это не значит, что их нет. Как я уже говорил, здоровье девочки – прежде всего.

Малиогг кивнул, оценив честность. Ткнул пальцем в верса.

– Лечи.

Пустошь не всегда была мирным краем, но иное русло ее истории пересохло уже давно, много лет назад, когда Мелиха и в родительских планах не было. Тогдашний князь попался беспокойный и воевал не только всех окрестных соседей, но, бывало, и в глубь степи заходил. В степи его не любили, но уважали. Охотно участвовали в совместных походах. Причина охотливости была проста: целью походов чаще всего избирали тех самых правителей, что в них участвовать отказывались. Но однажды, во время очередного набега, беспокойного князя успокоили – раз и навсегда. И Пустошь зажила тихо и мирно...

Засеку вокруг поселения сровняли, сделали дороги; на щедро удобренной телами земле трава росла сочная и густая, гоняли туда скотину на выпас.

Жаль было заново уродовать пейзаж, однако по приказу Мелиха всех свободных от охраны мужиков согнали на земельные работы – перекопать все вокруг, так что пеший хоть с трудом, но пройдет, а вот конник уже не разгонится. Вбивали затесанные колья во рву перед тыном, за тыном – лучники.

Мелих проверял работы на западной стороне, когда его нашел посыльный: верский знахарь спрашивал, будет ли боярин присутствовать при лечении, как захотел того князь Малиогг?

– Жми назад, – велел Мелих, – передай, что иду.

Парень кивнул и припустил к княжьему дому.

– Сторожней! – запоздало крикнул ему Мелих, но парень оказался молодцом – не попал ни в одну яму, умело перепрыгивая через выставленные под острым углом колья.

Ловок, подумал Мелих. А версы, поди, еще ловчей?

Он свистнул помощнику и отдал еще несколько приказов – чтобы версы уж очень прытко не бегали. А попрыгать – это пожалуйста. Только на колу.

В детской, где он появился некоторое время спустя, были только верс и Анка. Князь отсутствовал, что, учитывая обстоятельства, было неудивительно. Мелих начал прислушиваться еще от двери – слушал и удивлялся, как тихо ведет себя бойкая обычно княжна.

Когда вошел, первое, что увидел, – испуганное личико Анки. Верс находился подле и при появлении Мелиха обернулся, оставив ненадолго наваленную абы как кучу мешочков и глиняных чашек на столе. Пахло в комнате травами и лампадным маслом, ну и самим версом, конечно, – пыльный верский дух шибал в нос еще с порога.

Несмотря на то, что света из окна еще хватало – солнце только-только коснулось горизонта, – верс зажег две лампы, освещавшие оба конца стола.

По глазам Анки Мелих вдруг понял, почему она ведет себя тихо, улыбнулся ей тепло, коснулся горячей щечки.

– Не надо бояться. Все хорошо. – И версу: – Давал уже что? Почему такая горячая?

– Жарко, – коротко ответил тот.

Верс помял деревянной ложкой парящиеся в кипятке темные, похожие на скрюченных подагрой человечков корешки, понюхал и протянул Мелиху широкую чашку.

– Пробуйте. Только девочке оставьте.

– Я и тебе оставлю, – внимательно глядя ему в глаза, проговорил Мелих. – Это чего такое?

В голосе знахаря – всегда спокойном и чуть снисходительном – появился легкий налет усталости:

– Я лучше отвечу на тот вопрос, который вас на самом деле интересует: я занимаюсь травами с детства, я знаю, что делаю, я поднял на ноги очень много людей...

– И версов, поди, тоже?

– И их тоже. Это не яд. Что мне, самому выпить, чтобы вам это доказать?

Мелих ждал этих слов и тут же отдал ему чашку.

– Пей.

Верс с неподвижным лицом принял чашку и втянул в себя жидкость.

– Теперь глотай.

Знахарь сделал глотательное движение. Мелих протянул ему долбленую кружку с водой.

– Запей.

Лицо верса и на этот раз не дрогнуло. Он сделал три глотка и вопросительно посмотрел на Мелиха.

– Теперь девочке, – сказал тот.

– А вы...

– А я тебе верю. Давай девочке.

– Тогда в вашем присутствии больше нет необходимости, – презрительно бросил верс. – Не смею задерживать.

Лицо боярина стало бурым.

– Эту отраву при мне дашь.

– Как хотите. Но потом ей будет нужен покой.

– Потом нам всем будет нужен покой. Завтра тяжелый день. – Мелих подмигнул Анке. – Пей, малявка. Это лекарство.

– Я не болею.

– А это – чтобы и зимой не болела.

– Теперь совсем болеть не буду?

– Долго-долго.

Анка поморщилась и кивнула – длинно и важно, подражая отцу. Верс присел рядом с ней, дал сначала отвара, потом теплой воды. Внимательно следил за ее лицом, не видя, но догадываясь, что Мелих столь же внимательно следит за ним самим.

– Теперь ложись, – велел знахарь.

– Уже спать? – обиженно спросила девочка.

– Можешь просто полежать, – сказал Мелих, – спать необязательно. Знахарь...

– Сейчас. – Верс помог Анке лечь, тщательно укрыл епанчой и только после этого подошел к Мелиху. – Слушаю.

– Еще что давать ей будешь?

– Возможно, позже.

– Когда?

– Когда станет ясно, помогает или нет. Если нет, попробую что-нибудь другое.

– «Что-нибудь» ты на версах своих пробовать будешь. Не забывай, кого лечишь.

– Я помню, – спокойно ответил верс.

Мелих подошел к окну, выглянул в наползающие сумерки. Какая-то молодая девка с выгоревшими на солнце волосами показалась ему знакомой, правда, имени ее он так и не смог припомнить.

– Эй!

Девка остановилась, поставила корзину с тряпками на бедро, подняла голову.

– Зайди-ка, – поманил ее Мелих. – Внизу скажи, Мелих велел. Пусть в детскую проводят. И брось ты свои тряпки!

Верс за спиной перебирал свое хозяйство, расставляя его рядком вдоль подоконника. Затем потушил одну лампу – ту, что стояла ближе к девочке, – и сел на лавку напротив.

Мелих поймал девку в коридоре, кивком отпустил сопровождавшего ее рынду. Бросил нетерпеливо:

– Сказал, брось барахло свое!.. Эту ночь здесь побудешь.

Девка заморгала – быстро-быстро.

– У меня муж некормленый, скоро...

– Закрой рот. Все мужики все равно всю ночь работать будут. Посидишь. – И уже тише, почти на ухо: – Посторожишь. Смотри, чтобы знахарь девочке без меня ничего не давал и сам не пил. Если увидишь – пошлешь кого до моего дома. Знаешь – где?

– Знаю. – Девичьи глаза в темноте стали похожи на две плошки.

Мелих подтолкнул ее в комнату

– Верс, она с тобой тут побудет. Может, помощь какая понадобится.

Знахарь изучающе посмотрел на боязливо жавшуюся к стенке девку, но отвечать и не подумал.

При виде накатывающего на город облака пыли Мелиху стало тоскливо. В облаке проступала темная волна конного войска, расползалась по равнине, пожирая ее пядь за пядью, обхватывая черными клешнями.

Мелих украдкой посмотрел на стоявшего тут же, за тыном, Вэфа, увидел творожную бледность лица и шевелящиеся в молитве губы.

Те, которых Мелих определил лучниками, уже висели на мостках, остальные ждали внизу – тушить пожары, если вдруг полетят зажигательные стрелы; держать ворота.

Мелих тронул Вэфа за плечо.

– Помнишь, о чем мы с тобой говорили? Иди к ним. Как бы с ходу не ударили.

Вэф облизнул губы и заставил себя кивнуть.

Мелих свистнул сторожу, наблюдавшему за приближением версов из высокой будки-курятника.

– Чего там?

– Конники, вродях! – крикнул тот.

– Всё?

– Больше ничего не видно. А конники – на всю степь.

– Значит, только войско. Только войско! – уже громче крикнул он остальным. – Значит, не кочуют. Как-нито договоримся!

Его слова никого не успокоили. Напротив, сомнение на лицах сменилось хладнокровием и решимостью загнанного зверя.

Один из воротных сторожей протянул Вэфу длинную жердь с белым полотнищем, помог отворить тяжелую створку, которую тут же за спиной переговорщика накрепко заперли двумя перекладинами и подперли несколькими бревнами.

Некоторое время Мелих следил за лазающим по ямам Вэфом, затем перевел взгляд на черный муравейник внизу. Авангард версов при

приближении к городу остановился, чтобы дождаться подхода основных сил.

Вэф начал размахивать полотнищем еще издали, из ям. Мелих не знал, что на его счет думают версы. Понимают ли знак перемирия?

– Не молчи, дурак, – прошипел Мелих, – крикни им.

– Эй! – долетел и до тына голос Вэфа. – Поговорить надо! Переговорный я! По-человечьи понимает у вас кто?

Черная волна равнодушно обтекала город, не обращая внимания на переговорного. Когда основная часть конников встала, двое версов спешились и пошли навстречу Вэфу. Тот еще сильней замахал полотнищем, словно от этого движения зависело, будет ли он жить дальше или в этих ямах и останется.

Мелих вцепился ногтями в стесанный край тына. На его глазах версы неторопливо приблизились к Вэфу. Один из них, отвлекая, коротко взмахнул рукой, а второй с высверком ударил снизу и вбок. Тело Вэфа свалилось в яму. Жердь с полотнищем, на мгновение застыв вертикально, упала следом за ним. Не лязгнул металл, не вскрикнул Вэф, ничего. Только конское ржание где-то в глубине верского войска.

Задавив назойливое насекомое, передний край версов зашевелился в приготовлениях. Мелих увидел, как натянулись верские луки, и готов был поклясться, что слышит их скрип, хотя и знал: на таком расстоянии это невозможно.

Рой стрел завис в облачном небе, осыпался градом жал. Внизу, во дворе, убило собаку и посекло пару мужиков, слишком далеко отошедших от тына, но иных потерь верский залп не вызвал.

– Тяни! – пророкотал Мелих. – Стрели-и!

Их залп оказался куда жиже, но урон нанес значительней.

– Стрели!

Сразу же после того, как последняя стрела коснулась земли, между верскими конниками начали просачиваться вооруженные копьями и щитами штурмовики, а те, кто должен был их прикрывать, зачастили из луков. С тына попадало уже несколько мужиков, да и сам Мелих едва не отхватил жало прямо в глаз – еле голову успел убрать.

Однако ползающих по ямам версов стрелять было одно удовольствие – первая атака захлебнулась, нападающие продвинулись едва ли саженей на десять.

«Как-нито продержимся, – зло усмехнулся Мелих, – ежели запольцы не запаскудятся за чужие головы свои подставлять...»

– Мелих!

Он пригнул голову, обернулся. Какой-то парень внизу, на земле, замахал ему рукой.

– Аким зовет! – Новый взмах в сторону домов, откуда Мелиху тоже кто-то подавал знаки.

– Спрячься, дура! – крикнул Мелих парню. – Подстрелят!

Парень поспешно приник к воротам – ему тут же сунули в руки лук и пук стрел, загнали на мостки.

Мелих поднял с земли большой каплевидный щит, застыл в ожидании залпа, но версы между штурмами стреляли беспорядочно.

Прикрываясь щитом, Мелих потрусил к домам. Пока бежал, щит дважды клюнули верские стрелы.

Аким схватил Мелиха за рукав, затащил за угол.

– Где мой молодой?

– Там, где и должен быть. На стенах.

– Последнего забрал, Мелих. Я и так всех отдал.

– Внутри города чего тебе бояться?

– Ты так думаешь? Плохо дело, Мелих. – Всегда спокойный и циничный Аким выглядел как юродивый – беспрестанно улыбался и невпопад кривил губы.

– Сходи на тын да сам погляди.

– Много потеряли?

– Пока нет.

– На западной и южной стенах вообще никого не осталось.

– Как никого? – застыл Мелих. – А люди Ханисса? Валецко? Всех побили?

– Нет. Их просто нет. Все ушли.

– Пьян?

– С вечера ни капли! – крикнул Аким. Потер лицо, пытаясь успокоиться. – Пойдем. По дороге расскажу.

– Куда идти?

– Князя нужно найти.

– А где он?

– Не знаю! Княжна-то умерла, слышал?

Мелих, бегущий за Акимом, споткнулся.

– Как преставилась, – продолжал Аким, не замечая реакции Мелиха, – так и князь пропал...

– А знахарь? Тоже пропал?

– Возможно. Я его не видел. Ханисс и Валецко, как про княжну подтвердилось, бегом к тебе.

– Не было их там.

– Да не к воротам! Домой к тебе. К предсказателю твоему сопливому. Я за ними пошел. Послушать. Знаешь, что малой?

– Ну?

– Смерть всем троим.

– И тебе?

– И мне. Причем, говорит, знак очень ясный, значит, скоро.

– А вы?

– Валецко его чуть на месте не кончил, я еле оттащил. – Аким замедлил шаг. – Очень хочется потолковать с ним.

– Если случай такой представится...

– Ты что же, ему веришь?

– А ты нет? Княжна-то мертва.

– Ага. И знахарь пропал...

Мелих внимательно посмотрел на Акима.

– Что дальше было?

– То, что Валецко оказался умнее, чем мы думали. Не удивлюсь, если вместе с гонцом в Заполье он велел Ханиссу и к версам надежного человечка отправить. – Аким зло усмехнулся. – Чуешь, как?

– Чую.

– Словом, забрали они своих и ушли. И подземный ход за собой завалили.

– Может, и князь с ними?

– Может, и так. – Аким взбежал на крыльцо, толкнул дверь в прохладные сени. – Но поискать все равно надо, а, Мелих?

Тот подтолкнул Акима вперед.

– Где смотрели?

– В своих палатах его нет.

– А княжна где?

– Мертвая-то? У себя, должно быть. Наверху.

– Там и посмотрим.

Княжну действительно оставили в детской, только ставни были закрыты, и лампы уже не горели.

– Здесь посмотри, – почему-то шепотом сказал Мелих, – а я дальше.

Ему нужно было всего лишь зайти в соседние покои. Он застыл на пороге, крикнул, не справившись с голосом:

– Аким!!

Тело князя уже давно не раскачивалось, зацепившись пятками за стену немного ниже подоконника; лицо было совсем черным и разбухшим, язык дохлым червем вывалился изо рта.

– Аким!

Что-то ударило в стену с другой стороны. Мелих попятился, не сводя глаз с князя, вышел в коридор и очумело поплелся в детскую.

– Аким? – Он потянул из ножен меч.

Дверь уныло скрипнула, но до конца не открылась, наткнувшись на какое-то препятствие. Мягкое и тяжелое.

Подойти к окну и распахнуть ставни? Хватит одного удара под лопатку. А здесь целых два длинных шага.

Закрыть дверь? Что знахарю важней – своя жизнь или смерть Мелиха?

– Знахарь, ты здесь? Ответь, это я, Мелих. Я тебя сюда привез.

Ему почудился короткий выдох из дальнего угла.

– Знахарь?

Наблюдая за тем местом, откуда донесся выдох, Мелих осторожно наклонился и пошарил рукой у пола, отыскивая мягкое препятствие. Нащупал ногу – она мелко дрожала, подводя черту агонии, – нащупал задранную рубаху (в рубахе был Аким или нет?), затем пальцы наткнулись на влажную и горячую борозду в спине и инстинктивно отдернулись. В том, что это Аким, Мелих окончательно убедился, нащупав ухо с продетым кольцом.

Он медленно выдохнул, чувствуя, как подступает икота, и поднялся.

Хорошо его видно на светлом фоне дверного проема – сам это понял, а уже после увидел прыгнувшую к нему стальную змею, метившую прямо в лицо. Мелих ударил мечом снизу вверх – сталь звякнула о сталь, – потом развернулся и ударил вбок, но противник оказался ловок – второй удар пришелся в дверь.

Мелькнула мысль бежать – захлопнуть за собой дверь, кликнуть помощь и... никого он не докличется. Все на стенах. Кто не на стенах, тот мертв или сбежал. А верс (если это он) долго тут не просидит, сиганет в окно. Словно для того, чтобы добавить решимости, вспомнилось почерневшее лицо князя, а где-то здесь под епанчой лежит и княжна.

Боярин шагнул вперед и ногой захлопнул за собой дверь, от густой тьмы по шее поползли мурашки. Сразу нападать он не станет, надеялся Мелих. Люди говорят, что версы хорошо видят в темноте, но это все брехня, которую сами версы и распространяют. Или, по крайней мере, не опровергают. Ему, как и Мелиху, нужно будет привыкнуть к полному мраку, а вычислить в нем человека трудней, чем верса. Верса выдает запах, правда, не в этом случае: в детской верс находится давно, и потому отовсюду несет пылью и запустением. Еще могут выдать волосы, но сейчас их не видно. Похоже, умник их чем-то прикрыл. Значит, наравне.

Так они и стояли друг против друга некоторое время. Комната сначала была совершенно черная, но затем в ней проявились угловатые тени; ставни посветлели, стали серыми, щели между створками – осле-

пительными. А пятно у дальней стены шевельнулось. Двинулось полукругом, уверенное в своей невидимости. Мелих не дал повода усомниться в этом и развернулся лишь тогда, когда заметил, что верс (он это был, он! – теперь-то на Мелиха отчетливо дохнуло чердаком) приблизился на расстояние удара. Он пригнулся, пропустив звенящую сталь над собой, набрал инерции в развороте, ударил. Никакого крика, только звук упавшего тела. Верс тут же перекатился, выставил меч. Мелих пнул сапогом по руке, клинок противника глухо треснул о стену. Другой ногой боярин как следует вмазал версу по зубам. Приложился хорошо – даже когда Мелих отступил на пару шагов, чтобы подобрать упавший меч, знахарь, крепко ударившийся головой о пол, не попытался встать. Мелих воспользовался полученным временем, шагнул к окну, распахнул ставни, предусмотрительно не поворачивая лица к свету: был уверен, что верс не сможет этим не воспользоваться, но ошибся.

Тот наконец очухался, отполз к стене, придерживая раненную ногу.

Знахарь, с удовлетворением убедился Мелих. Он самый, паскуда.

С открытием ставней мир изменился. С улицы накатил шум битвы, там была смерть, чей запах стелился по земле, вползал по стертым ступеням, просачивался в окна и между стыками бревен. Или это знахарь так вонял?

Удивленно глядел в пол Аким, левую руку придавив собственным телом, – меча он вытащить так и не успел. Из-под сползшей епанчи выглядывало еще дышащее свежестью личико Анки – словно вот-вот проснется щурок. Но нет. Не проснется. Уж слишком зло глядел знахарь.

– Князя в петлю ты загнал? – спросил Мелих, рассматривая княжеский клинок, отобранный у верса.

– Сам... – Верс чуть пошевелился и поморщился. – Сам залез.

– Брешешь, – процедил Мелих, хотя и допускал, что верс не брешет, что любви Малиогга к дочери вполне могло хватить на такой малодушный конец.

С тына долетел раскатистый вопль.

– Что-то не вытанцовывается пока у твоих земков, – сказал Мелих.

– Станцуется.

– Отравил-таки княжну? Говори, отравил?

Верс снова промолчал.

– Значит, и сам откинешься. Без меня.

Молчание.

– Или дворовую прикончил? Надо же было тебе до противоядия добраться.

– От Skergea нет противоядия.

Храбрец.

– Храбрец, – озвучил Мелих. – И не жалко себя?

– Глупо себя жалеть, когда Divae еще вчера увидел мою смерть. Какая разница, как это произойдет?

– Понял я, – кивнул Мелих, – что с вами он заодно. Вон как Ханисса с Валецко напужал – пыль за ними только-только осела. Ловок, ничего не скажешь. И дружина из вас двоих знатная: один предсказывает смерть, другой ее устраивает.

– Кретин, – кратко изрек верс, – ни черта ты не понимаешь. У мальчика редкий дар.

– Видели мы его дар. А ежели и есть что... грех не попользоваться, а? Чем же вы пацана-то взяли? Он ведь не верс даже.

– Мы дали ему дом, который люди у него отняли.

Мелих кивнул с деланным пониманием.

– Времени у меня маловато – ты прав, скоро ваши прорвутся, но тебе этого уже не увидеть. Сам не сдохнешь, я уложу. Княжна уже преставилась, значит, и тебе недолго осталось. Скажи мне только, какая тебе со всего этого корысть? Ты же знахарь, ты помогать должен всем. Всем, а не только своим земкам.

И снова молчание. Но недолгое.

– Вы – мертвая ветвь! – Каждое слово срывалось с губ верса, словно плевок. – Вас надо уничтожить, пока вы не размножились... Вы как саранча! Захватите и испоганите все вокруг...

– Мертвая, значит? Не знаю, не знаю. Вижу только, что, кроме самих себя, версы на здешних землях терпеть никого не желают...

Знахарь попытался пожать плечами, но движение вышло каким-то судорожным. Он подавился воздухом, дернулся, неестественно выпрямив конечности, однако приступ прошел. На заинтересованный взгляд Мелиха верс ответил своим – наглым и все еще насмешливым, хотя видно было, что это дается ему с трудом.

– Чего смотришь?

Мелих промолчал.

– Может, сам кишки выпустить желаешь?

– Не желаю, – сказал Мелих. – Хочу, чтобы ты помучился так же, как мучилась княжна. Судя по твоей харе, ощущения не из приятных.

– Думаешь, стану умолять о милосердной смерти?

– Была такая мыслишка. А станешь? Я бы послушал.

– Не дождешься.

Приступ повторился, на этот раз конвульсии усилились, и сквозь стиснутые зубы верса вырвался короткий полувздох-полустон. Мелих посмотрел в окно, на движущееся к зениту солнце.

– Знахарь, долго еще ждать?

– Ni'rti bhae!

– Я-то не спешу, – спокойно ответил Мелих, – а вот ты как раз на пути туда.

С тына вновь донесся восторженный вопль – лучники разом вскочили, замахали оружием. В битве что-то менялось.

– Не ладится, – сообщил Мелих версу, который, сидя у стены, мог только прислушиваться. Боярин точно не знал, что там происходит, но хотелось сказать что-то такое, что сбило бы спесь с самодовольной рожи. – Похоже, Ханисс и Валецко, которым твой подручный смерть напророчил, обошли твоих земков сзади и сейчас гоняют по степи.

Он и сам в это не верил: уж больно жалко выглядело против версов даже все войско Пустоши.

Но на знахаря эта новость подействовала. Он вздрогнул, угловато взмахнул левой рукой, которая тут же повисла плетью. Упал на бок, заскреб еще подчинявшейся правой по полу, пытаясь подняться. Мелих опустил глаза.

Он всегда считал себя беспощадным к врагам, но сейчас понял, что зрелищем агонии пресытился. Однако ж и гордость сохранить хотелось. Значит, нужно дождаться, пока верс сам попросит о смерти.

Тот наконец смог принять сидячее положение и смотрел на Мелиха с такой ненавистью, словно уже не мог говорить и взгляд остался для него единственным способом выразить свои чувства.

С улицы кричали все громче. Запах смерти вдруг отступил, начал уползать с подоконника, растворяться. И не один Мелих это почувствовал – из погребка во дворе воровато выглянула какая-то девка, за ней – другие.

Велика гордость у версов.

Мелих оторвался от подоконника, собираясь добить знахаря, но тот подумал, что Мелих уходит, и разлепил побелевшие искусанные губы.

– Меч...

Его взгляд так и не изменился, он даже просил с ненавистью.

Мелих швырнул меч к стене так, чтобы знахарь мог до него дотянуться, выбежал из комнаты, застучал сапогами по ступеням.

На улицах уже обнимались. Мелих поймал первого, кто попался навстречу.

– Что?

– Победа!

– Как? Ханисс? Валецко?

– И помощь с Заполья!

Мелих удивленно заморгал.

– С какого Заполья? Не путаешь?

– Да что я, запольских хоругвей не знаю?!

Мелих рысью припустил к уже распахнутым воротам.

Увидел, как конница мертвой ветви гонит по степи разрозненные группки верских недобитков.

По рытвинам пробирались какие-то люди – многие действительно с запольскими знаками. Но были и свои.

Валецко выкарабкался из ямы, отряхнул штаны и поднял голову, наткнувшись на взгляд Мелиха. Однако ничуть не смутился.

– Жив? Мы уж не чаяли. Кто-то говорил, ты под стенами лег. Найти тебя не могли... Это вот воевода Добонег с Заполья, – представил Валецко седоусого мужика в короткой кольчуге. – Они на помощь в Хладный Стан шли, наш гонец с ними и встренулся.

– Хоть сюда успели, – прохрипел Добонег, ощупав Мелиха цепким взглядом. – Верскую заразу надыть скопом на корню косить.

Валецко закивал в согласии.

– Оно верно. А знахаря-то, Мелих, ты подставного привез. Настоящего запольцы в реке, у порогов, нашли. Дохлее дохлого. Не захотел он, видимо, им помогать, они его и кончили... Что смурной-то? Победа ведь! Как князь, Аким? Живы?

– Князь повесился, – сдерживаясь, ответил Мелих, – после того, как княжна умерла...

– Боги, боги, – коснулся висков Добонег.

– А Акима убил лжезнахарь, – мертво продолжал Мелих, не спуская глаз с Валецко, – когда мы с ним князя искали. Но все это было уже после того, как ты и Ханисс забрали людей и сбежали.

– Ты что-то путаешь, Мелих, – неубедительно улыбнулся Валецко. – Мы через подземный ход пошли, чтобы сзади зайти.

– А ход за собой завалили, чтобы версы не смогли им воспользоваться, так? – процедил тот. – Что касается вашей задумки... Если б не наткнулись вы на запольцев, то были бы сейчас очень далеко.

– И правда! – Добонег с неприязнью посмотрел на скривившегося Валецко. – Что-то слишком скрытно вы сзади заходили...

– Где Ханисс? – произнес Мелих. – Валецко, где Ханисс, я спрашиваю?

– Версов гоняет.

– Искупает вину геройством? Ему же лучше будет, если там его и кончат. Насчет Акима Дива не ошибся. А что насчет тебя?

Мелих отвел руку назад и двинул Валецко в зубы. Так крепко, как только злость позволяла.

Константин Асмолов,
Григорий Панченко

ТЭО ОБ ОТРУБЛЕННОЙ РУКЕ

У Константина Асмолова и Григория Панченко общее хобби: оба увлекаются историей в контексте «оружиеведения, доспеховедения и исторического фехтования». При этом и тот, и другой — кандидаты наук, только первый — исторических, а второй — биологических. Для полноты картины добавим, что Константин много занимается Кореей, а на счету Григория — некоторое количество фантастических рассказов. Из этих компонентов получился весьма нетривиальный сплав... Текст, который печатает «Звездная дорога», — лишь один из фрагментов мозаики под названием «Каато Темное Солнце». С одной стороны, это хорошо знакомая любителям НФ «послеядерная» антиутопия. С другой — древнеяпонский эпос. С третьей — постмодернистское переосмысление классических сюжетов массовой культуры... Будем надеяться, что рано или поздно эта мозаика будет издана целиком.

Рассказывают: шел однажды Каато Темное Солнце, не имея конкретной цели, и увидел в окрестностях трактира «На восьмом перекрестке» старика с длинным мечом, чья поступь показалась ему знакомой. Выйдя из тени, Каато отдал приветствие. Старик же ответил, взяв оружие в позицию Северной Школы. Видя высокую сталь, произнес Каато: «Воистину, держишь ты в руках клинок, которому больше лет, чем исполнилось мне. Странствуя в поисках достойного, я, Каато Темное Солнце, прошу согласия разделить со мной схватку». Ответил старик: «В

шестнадцати городах и в сорока двух поселках знают меня как Нгмадко, прозванного Судьей. О тебе же мне сказали твои мечи». Была эта схватка схваткой достойных, Нгмадко-Судья разрубил своим мечом трактирный стол, но на третьем схождении получил смертельную рану в бок и, опустившись на одно колено, сказал: «Прежде думал я, что один клинок выстоит против двух меньших. Вот, ослабело мое искусство. Стало быть, вовремя взял ты мою жизнь. Не справился бы я и с Шадо С Копной Волос». Спросил тогда Каато, прижав его рану: «Знаю я, почему назвали тебя Судьей. Что за схватка у тебя с Шадо?» Ответил старик, теряя силы и кровь: «Шел я в деревню К-15. Нынче спор там за воду с Джензелом, лордом усадьбы Харш. Слышал я, что нашел лорд Джензел ключ, перекрывающий воду. Пришлось бы мне, возможно, сражаться с ним, если так. Но Шадо С Копной Волос нынче охраняет его жизнь». Еще хотел сказать что-то старик, но умер. Каато же надел под одежду повязку Судьи и, укрепив мечи в потайных ножнах, направился в К-15.

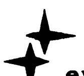
Войдя в деревню, взглянул Каато на общинный парник и увидел: меньше деревня получает воды, чем следует. И, намотав на шею алый платок, вышел к площади, ожидая, что наймет его кто на работу.

У дома, чей купол был когда-то выкрашен красным, окликнула его женщина: «Я – Йен-не, второй говорящий от имени этой деревни. Муж мой ковал мечи и разбирался в механизмах, но унес его жизнь пожиратель полыни восемь недель назад. Одна я живу, и не хватает мне пары рук, чтобы чинить моторы и воспитывать сына. Вижу в тебе человека умелого и хочу нанять».

Ответил Каато: «Не настолько известен я, чтобы говорить о себе. Однако умею то, о чем ты думаешь. Нет у меня пока пристанища, и заплачу я работой за кров». И, сняв с шеи платок, намотал его на воротную планку.

Сказала Йен-не жителям деревни: «Новый работник пришел, разбирающийся в механизмах. Починен скоро будет старый ветряк». Собрались деревенские на площади и стали пить сок прошлогодних фруктов.

На втором часу топот раздался. Въехал в деревню лорд Джензел в сопровождении пятнадцати всадников. Сказал лорд: «Что радуетесь? Ужель будет мне втрое больше, чем ранее отдавали, и Меч, Разрубающий Камень?» Стала Йен-не на пустую бочку и отвечала ему: «Отнюдь. Почтовый топырь весть доставил. Шествует сюда Судья, чтобы споры наши разобрать». Усмехнулся Джензел: «Долга дорога сюда. Нынче много всякого и всяких свирепствует на дорогах, и стаи полулюдей-ренегатов прячутся под песком. Может и не дойти Судья». Поднял он руку, чтобы погасить ропот. И сдернул шлем один из тех, что при-

ехали с ним. Густая копна волос дыбилась над челом его. Стал он перед лордом, заслонив его. И отпрянули деревенские, ибо увидели на его поясе два длинных кинжала, сделанных из зубов пожирателя полыни. Каато, однако, лишь шаг назад сделал. Увидев это, сказал лорд: «Не встречал я прежде этого человека здесь». Сказала Йен-не, став перед Каато: «Путник. Наняла я его, ибо разбирается в механизмах». Усмехнулся лорд и ускакал в сторону своей усадьбы.

Ближе к вечеру показала Йен-не Каато кузницу и мастерскую. Увидел Каато в кузнице недокованный меч и спросил, это ли Меч, Разрубающий Камень. Ответила Йен-не: «Третий год я его кую, и немного уже осталось. Для мужа я ковала его, и не получит его лорд Джензел». Вместе легли они, хотя и не было то зафиксировано в условиях найма, однако ж в середине ночи проснулся Каато и направился к усадьбе.

В то время лорд Джензел сидел под тентом на воздухе и развлекался созерцанием танцев, ибо бой на мечах не доставлял уже ему удовольствия; но одна из танцовщиц оступилась. Потому лорд повернулся к резервуару с водой, что сделан был из стекла, и приказал бросить туда провинившуюся. Говорил, усмехаясь: «Вот, иные гибнут оттого, что слишком мало воды у них, а иные – что слишком много». Многие смеялись, глядя на это, и никто не обратил внимания, как прошел Каато на хозяйственный двор. Между песчаными буерами прячась, вышел он к дальнему корпусу со стенами из ангарной стали и увидел на задах его площадку. Два ряда колючей проволоки окружали ее, и трижды по два охранника посменно стерегли это место. Уклонился Каато от световой преграды и, подкравшись поближе, увидел, что выпирает в центре площадки из земли дугой труба, а на вершине дуги – колесо, с рулевым сходное. Не были охранники для Каато преградой, и дважды успел он провернуть колесо, прежде чем раздался колокол тревоги. А потом ушел невредимый и настолько незамеченный, что даже не убил никого.

До рассвета вернулся Каато домой, лег спать и позже Йен-не проснулся. Проснувшись, взял железную шайку и на край деревни мыться отправился. Сидя в ней, намылил он уже больше половины тела, когда подъехали к нему четверо всадников. Был один из них Шадо С Копной Волос, а имена трех других упоминания не достойны. Один из них, на коне сидя, устремил к горлу Каато стальной гарпун с двумя остриями и сказал: «Не это ли называется "застать врасплох"?» Каато же, погрузив в воду левую руку, смыл с нее пену и, отведя ею гарпун за древко, сказал: «Молод ты еще. Не следует тебе играть с острыми предметами». И мыться продолжил. Правая же рука его так и осталась скрыта пеной.

Тогда спросил Шадо, на оружии руки держа: «Путник, многое здесь тебе в новинку, но ведаешь ли, что случилось этой ночью в усадьбе моего господина?» Ответил Каато: «Ночь эту с женщиной я провел и моюсь с утра, ибо будет днем много работы». Уехали всадники.

Тем днем больше воды пришло в деревню, и обрадовались жители, говоря: «Полный урожай дадут парниковые грядки». Каато же, к вечеру работу закончив и сказав «Пойду прогуляюсь», снова в усадьбу направился.

Меж тем спросил лорд Джензел Шадо С Копной Волос: «Уверен ли, что этот человек – не Судья?» Ответил Шадо: «Не к лицу Судье такой стиль и манеры. Что же до него самого, то опасна дорога в усадьбу. Дважды по восемь твоих воинов стерегут подступы, и четырем бандам разбойников заплачено вперед за повязку Судьи. А если и дойдет он сюда, встречу его я со своими двумя клинками. Если же и меня не хватит, точно будет он после этого боя ранен и ослаблен. И легко будет его с башни застрелить».

Каато же, снова до усадьбы дойдя, бросил в стеклянный резервуар метательный нож. Из древней стали выточен был тот нож, и вылилась вода на землю. Знал теперь все Каато о том, где какая охрана стоит, и, на охраняемую площадку придя, сразил он смену охранников; ключ, водой управляющий, отвинтил и намертво заклинил. Разгневался лорд Джензел, что не может он более ключом управлять, и сказал: «То, что медленно хотел я взять, быстро возьмем». Был назавтра благоприятен ветер, и пришли они в деревню на шести буерах, и ранили многих, и сломали много оборудования. Шадо же захватил Йен-не в заложницы и увез ее в усадьбу, а Меч, Разрубающий Камень, отдал лорду Джензелу, ибо даже с незавершенной проковкой уже оправдывал он свое имя; и не было в округе меча, равного ему.

Каато же в то время в деревне не было, ибо сын Йен-не ушел в пустыню и не вернулся, а, кроме Каато, не было кому его искать. Нашел Каато ребенка, что провалился в воронку, живулей выкопанную. И порадовался, что была то лишь живуля, а не полулюди-ренегаты. Вытащил он мальчика на конце своего пояса и в деревню вернулся. А вернувшись, переложил мечи из тайных ножен в явные и, красный платок вокруг головы повязав, двинулся к усадьбе.

Меж тем стражник, что стоял в усадьбе у подзорной трубы, сказал: «К бою. Движется к нам воин странного вида». Не шесть, но восемь буеров выслал против него лорд Джензел, но лишь один из правящих ими достиг Каато, ибо не было у того недостатка в складных звездах и метательных ножах. Тот же, кто достиг, вновь нацелил на Каато свой стальной гарпун с двумя остроконечиями, но ударом руки перебил Ка-

ато тростниковое древко и, длинный прыжок совершив, вонзил тому воину обломок в горло, прежде чем ноги его коснулись земли по другую сторону буера. Став на землю, сказал: «Воистину, не стоило тебе играть с острыми предметами». Удвоил лорд охрану, но, не обнажая своего оружия, вошел Каато на внутренний двор, сражаясь оружием тех, кто пал в этот день от его руки. Стал он перед главной лестницей, и вышел ему навстречу Шадо С Копной Волос, держа нож у горла Йенне. И сказал Шадо: «Жизнь ее – за схватку». Каато сказал: «Хорошо». Спрыгнул к нему Шадо, и скрестили они свои клинки. Прошло четыре захода, и каждый из них был ранен. Но нельзя еще было определить победителя.

В этот миг один из людей лорда, сражающийся тяжелой лопатой (древнее лезвие которой по ТТХ превосходило средний меч), увидевши, что Каато стоит к нему спиной, ударил, намереваясь снести голову. Но уклонился Каато и от этого удара. Шадо же, развернувшись к тому человеку, тотчас пронзил его обоими мечами и сказал остальным: «Не просил я никого вмешиваться в эту схватку». Каато же отметил: «Много говоришь, сбиваешь дыхание».

Продолжился бой, и на новом заходе выбил Каато один клинок из руки противника и, парировав второй, нанес своим левым мечом такой удар в грудь Шадо, что, пробив ее, застрял меч в железной стене башни. И то была смертельная рана. Видя это, схватил лорд Джензел одной рукой меч, а другой арбалет и, стоя на башне, воскликнул: «Ну, что скажешь, убийца?! Меч, Разрубающий Камень, у меня в руке. Взрывающаяся стрела на тетиве моего арбалета, и алый луч рвется из линзы на нем, выискивая цель. На тридцать шагов длинномерней мой бой, и не уйти тебе. Итак, что скажешь напоследок, убийца? Не это ли называется "застать врасплох"?!» Каато же, следя за его пальцем на спусковом рычажке, ответил: «Воистину, дело не в длине оружия, а в умении им сражаться». И одновременно с первым словом этой фразы шагнул в сторону, стряхнув с себя пятно алого цвета, точно пыль; одновременно со вторым – бросил свой праворучный меч так, что полетел тот дальше, чем метательный нож способен, поразив лорда сразу и большим, и малым остриями.

Взглянув на простершееся у подножья стены тело лорда, Каато «Вышел стрелять – так стреляй, а не болтай» – сказал. Йен-не же, упавший арбалет подхватив, «Прочь все!» – сказала. И разбежались слуги лорда. Шадо же еще жив был. И спросил он, обращаясь к Каато: «Узнал я тебя по мечам, Темное Солнце. Достойно умереть от твоей руки. Но не слышал я, чтоб был ты Судьей. Как?» Ответил Каато, повязку Судьи из-под одежды достав: «Вот повязка Нгмадко-Судьи, и его кровь на

ней. Не пристало убийце покидать этот мир, не выполнив своего дела». Выдернул Шадо из стены и из себя меч Каато и, положив его к ногам Темного Солнца, умер. Йен-не же поднесла ему второй меч и хотела было подать также Разрубающий Камень, но вложил Каато свои мечи в ножны за спиной, сказав: «Ковала для мужа, выкуешь для сына». И покинул Усадьбу Харш. Красный плат он, уходя, оставил в К-15, повязку же Судьи — нет; и фигурирует она еще в одном тэо.

Два года минуло, и сидел как-то Каато на постоялом дворе одного из шестнадцати городов, когда вошел туда юный воин, сказав, что ищет Каато. Услышав это, повернул Темное Солнце голову и спросил зачем. Ответил юноша, что хочет разделить с ним схватку. Каато же окинул взглядом сперва руки его, потом — одежду и, не вставая, сказал: «Не сражаюсь я с тем, чье имя мне неизвестно. Воистину, следует отличать бой от бойни». Ответил юноша, покраснев: «Тогда знай, что я — сын владельца усадьбы Харш. Кровью будет заплачено за то, что ты сделал».

Вышли они во двор, и выломал Каато из ограды, что из металлических труб длиной в три четверти роста была сделана, две трубы и, бросив одну из них юноше, сказал: «Воистину, два клинка — больше, чем один. Судья не сумел доказать мне обратное; ты ли докажешь? На этом будем сражаться. Воистину, не всегда сын отвечает за дела отца». Юноша же, оружие поймав, воскликнул: «Кровью будет заплачено за то, что ты сделал», разумея не поломку ограды. И, перехватив трубу подобно копью, метнул ее в Каато, но уклонился тот от удара и обнажил один из своих клинков, держа его обратным хватом. Юноша же вынул из-под плаща длинный меч с рукояткой для хвата двумя руками, выточенный из роторной лопасти. И подумал Каато: «Хуже смерти для него потеря руки». И, войдя под его широкий удар, срезал юноше голову вместе с правой кистью.

Где купить «Звездную дорогу»?

В Москве – в магазинах «Библио-Глобус» (ул. Мясницкая, 6, ст. м. «Лубянка»), «Молодая гвардия» (ул. Б. Полянка, 8, ст. м. «Полянка»), в Доме книги «Пресня» (ул. Красная Пресня, 14, ст. м. «Краснопресненская»), «Доме книги в Сокольниках» (ул. Русаковская, 27, ст. м. «Сокольники»), в сети «Новый книжный» (ул. Маршала Бирюзова, 17, ст. м. «Октябрьское поле»; ул. Сходненская, 50, ст. м. «Сходненская»; Пролетарский просп., 20, ст. м. «Кантемировская»; ул. Декабристов, 12, ст. м. «Отрадное»; ул. Митинская, 48, микр-н Митино; Комсомольский просп., 28, ст. м. «Фрунзенская»; Солянский пр-д, 1, ст. м. «Китай-город»), а также на книжной ярмарке в спорткомплексе «Олимпийский»;

в Санкт-Петербурге – в сети «Книжный салон» (Невский просп., 94, ст. м. «Маяковская»; центр «О'Кей», ст. м. «Озерки»; Будапештская ул., 71, ст. м. «Купчино»; 6-я линия Васильевского острова, 25, ст. м. «Василеостровская»; Большой просп. Петроградской стороны, 86, ст. м. «Петроградская»), а также на книжной ярмарке в ДК им. Крупской;

в Саратове, Кирове, Ставрополе, Туле – в киосках «Роспечати».

По вопросам приобретения журнала **в других городах** обращайтесь в отделения фирмы «Ода»: Владивосток – «АП ОДА» (т. 4232 23-52-02); Санкт-Петербург – «Нева-Пресс» (т. 812 324-67-40); Ростов-на-Дону – «АП ОДА» (т. 8632 53-19-17); Пермь – «АП ОДА» (т. 3422 105-193); Самара – «АРПИ-Самара» (т. 8462 53-56-97); Краснодар – «Юг-Пресс» (т. 8612 65-19-91); Уфа – «АП ОДА» (т. 3472 52-35-22); Волгоград – «АП ОДА» (т. 8442 33-73-94).

Константин Мзареулов

ЛЕСТНИЦА СМЕРТИ

Повесть бакинского фантаста Константина Мзареулова — это, конечно, самая натуральная «pulp fiction». Слишком уж легко два главных героя расправляются с толпами своих врагов в человеческом и инфернальном обличьях. Слишком уж быстро развивается действие... С другой стороны, на ум приходит сравнение со «Звездными войнами»: когда джедаи начинают отбиваться мечами от автоматных очередей, это преувеличение никого ведь не смущает. Сказка есть сказка... А у произведения К.Мзареулова есть еще такие достоинства, как узнаваемость политико-географических реалий и четко расставленные моральные акценты. В конце концов, военные перевороты устраивать нехорошо, не правда ли?

1. Бой с тенью

Этот сон я видел в раннем детстве. Может быть, он снился мне часто — слишком уж отчетливое сохранилось впечатление.

Помню полную луну, светившую в окно, и сверкающий полумесяц — противоестественное сочетание двух фаз. Я сжимаю руками какое-то оружие, стоя посреди огромного помещения, где по углам расставлены шкафы, полки и столы с разными инструментами. Еще помню, что был парализован страхом и не мог пошевелиться, а на меня надвигалось что-то ужасное, против чего бесполезны огонь или пуля. Оно приближалось медленно, как бы смакуя процесс, однако память не сохранила образ опасности — только бесформенную тень, дрожащую на стене напротив окна.

В следующем эпизоде я вижу себя уже не посреди комнаты, а возле подоконника. На столе рядом со мной стоит длинный деревянный

ящик, разделенный перегородками на множество отделений, и в каждом лежат разноцветные кусочки металла – шарики и кубики, блестящие и покрытые ржавчиной.

Луна льет свет мне в спину, рисуя на стене двойную тень. Одна, поменьше, принадлежит мне, а другая – громадная – не похожа на очертания человеческой фигуры. Я вижу, как моя рука тянется к ящику, но не чувствую движения, словно моим телом управляет кто-то посторонний. И рука тоже не моя: у ребенка не бывает такой большой ладони и такого обилия волос на запястье. Вдобавок я отчетливо помню глубокую царапину на ребре и тыльной стороне ладони. Из ранки сочится кровь, но боли я тоже не чувствую.

Затем эта чужая рука берет из ящика шарик и швыряет в сторону тени. Отскочив от стены, шарик беззвучно подпрыгивает по полу и скрывается в темном углу. Следом в стену летит второй образец, третий... После шестого или седьмого броска тень исчезает, и я понимаю, что опасность рассеялась.

Родители рассказывали, что несколько ночей подряд я кричал во сне и боялся ложиться в кроватку, если в комнате не ночевал кто-нибудь из взрослых. Эти кошмары продолжались, пока не кончилось полнолуние.

Прошли годы, и я забыл детские страхи. Однако ужас внезапно вернулся, когда я учился в Университете. Как-то раз нужно было встретить девушку с технологического факультета, и я зашел за ней в лабораторию металлохимии. Перешагнув порог, я невольно вздрогнул: это место поразительно напоминало комнату из давнего кошмара. Здесь даже были коробки с образцами многих десятков сплавов. Впрочем, мне удалось быстро взять себя в руки: комната была похожа, но это была другая комната. Память сохранила детали сна, и я легко нашел отличия: совсем другая лабораторная мебель, иначе расставлены столы, не та расцветка развешанных на стенах плакатов. Даже окна оказались другой формы.

Я сразу успокоился и снова забыл старые сны. Вернее, полагал, что забыл.

2. Пляж

– Почему они прислали тебя?

– Мы же давно знакомы, – объяснил я. – Премьер посчитал меня удачной кандидатурой.

– Но почему именно ты? – Акбар продолжал совершенно неуместный допрос. – Со мной были знакомы тысячи людей. Сотни из них учи-

лись в Университете одновременно с нами. И тем не менее старик остановил свой выбор на тебе. Я спрашиваю – почему?

– Из этих тысяч мог придти только один. – Я понимал, что такая логика небезупречна, однако ничего лучшего придумать не мог.

Акбар был постоянно настороже, подозревая опасность во всем непонятном. Иначе бы не прожил столько лет, занимаясь своим опасным для самочувствия делом. Редкий революционер живет долго, если вовремя не научился остерегаться. Акбар научился.

Большой опыт по части самосохранения был виден даже по тому, как он выбрал место нашей встречи. Пустой участок побережья, где и в летние месяцы люди появляются редко. По дикому пляжу были разбросаны громадные валуны, а в пяти сотнях шагов от линии прибоя вытянулся длинный холм, с которого можно было контролировать всю долину, зажатую между двумя горами. Я не сомневался, что Акбар поставил своих людей на холме, так что мало найдется профессионалов, способных скрытно подобраться к нам по единственной ведущей от города грунтовой дороге.

Опасность могла грозить разве что со стороны моря, но глубины здесь были мизерными. Даже плоскодонный патрульный катер будет вынужден встать в миле от берега, а для аквалангистов здесь мелковато – охрана заметит их приближение.

Согласно уговору, я прибыл на встречу один, но Акбар привел с собой отряд вооруженных до зубов повстанцев. Рядом с нами стояли четверо, каждый из которых держал под прицелом свой сектор. По фотоснимкам, хранившимся в нашем ведомстве, я узнал двоих. Оба числились в розыске как особо опасные террористы, уложившие совместными усилиями чуть ли не роту карабинеров. Трудно было усомниться, что вокруг сидели в засаде другие, не менее бывалые инсургенты.

Но, несмотря на столь плотное прикрытие, Акбар не был спокоен: мы беседовали, укрывшись, как щитом, тремя тесно лежавшими каменными глыбами. Легендарный командир повстанцев явно не верил мне, что было чревато мгновенной ликвидацией. Поскольку в мои планы совершенно не входило получить в собственный затылок очереди из нескольких стволов, пришлось импровизировать, стараясь не отступать от заготовленной легенды.

– В конце концов, они тоже не были уверены, что ваш штаб пришлет именно тебя, – заворчал я, придав голосу сварливую интонацию. – Мы надеялись увидеть кого-нибудь из умеренных.

Кажется, эта маленькая ложь переломила его настроение. Ухмыляясь, партизанский вожак, носивший смешное звание – бригадный генерал революционной безопасности, заметил:

– Умеренные не умеют торговаться и согласились бы на ваши условия. Хорошо, оставим это... Что предлагает старик?

Небо темнело по-осеннему быстро, уже проглядывали первые звезды, над морем показался край восходящей луны. Тоскливо защемило сердце, и вернулось ощущение фатального бессилия – будто швыряю кусочки металла в бесплотного врага. Стряхнув наваждение, я принялся излагать нашу программу:

– Сигуранца разработала многоступенчатый план примирения, и премьер почти готов согласиться. Если договоримся, то уже на следующей неделе карабинеры прекратят операции против партизанских районов. Потом – обмен пленными, освобождение политических заключенных и выборы с участием всех партий...

Акбар перебил меня:

– Значит, ты действительно связан с Сигуранцей. Доходили такие слухи. Ну, тем лучше... – Он задумался, привычно прощупывая местность быстрым взглядом. – Подчинятся ли генералы карабинеров приказу о прекращении огня? И чем ответят Генштаб и Дефензива?

– Дедушка надеется уладить этот вопрос с вашей помощью. Его тоже беспокоит непокорность военных.

Обдумывая услышанное, Акбар скептически морщился. Наконец он, энергично кивнув, собрался что-то сказать, но в этот момент стоявший в двух шагах от нас бородач, слабо вскрикнув, упал навзничь. Чуть выше виска убитого террориста появилось аккуратное отверстие самого популярного в наших краях калибра. Камни, защитившие нас от немедленной смерти, загораживали обзор, однако я увидел, как падает еще один повстанец. Не стоило долго думать, чтобы сообразить, кто и откуда нас расстреливает. А у меня, как на грех, имелся при себе лишь «Стандарт», незаменимый в ближнем бою, но совершенно бесполезный для перестрелок на больших дистанциях.

Обнаружив, что все его люди перебиты, Акбар сделал неправильные выводы. Как обычно в таких случаях, он принялся размахивать портативным пистолет-пулеметом и вопить: дескать, я его предал и привел карателей, а потому он сейчас положит всех – и коварного наймита Сигуранцы, и козлов-карабинеров.

– Заткнись, ублюдок, – зашипел я, пытаясь дотянуться до бородатого трупа. – Это не карабинеры, и охота идет не на тебя. И вообще, прикрой меня.

Продолжая корчить свирепые гримасы, Акбар выглянул из-за глыбы, выматерился и открыл бешеную пальбу. По его возгласам я понял, что двое или трое противников убиты, а остальные залегли. Пока знатный инсургент отвлекал на себя внимание, я подтянул к себе убитого боро-

дача и отобрал у него тяжелую автоматическую винтовку с оптическим прицелом.

Картина случившегося была в общих чертах понятна. Выстрелов мы не слышали, поскольку снайпер, занявший позицию на ближайшем холме, воспользовался винтовкой с глушителем. Охранявших высоту боевиков Акбара сняли без шума, стало быть, против нас послали мастеров высокого класса. Так элегантно у нас действуют только две организации – Сигуранца и Дефензива. Однако мое ведомство отпадало – значит, мы имеем дело с армейским спецназом.

Отсюда следовал простой вывод. Спасти свои шкуры мы с Акбаром могли одним-единственным способом – сначала выбить снайперов, сколько бы их ни было, а затем прорваться к машине, которую я оставил возле той самой высотки. Задача не из легких, но другого выхода не просматривалось...

Втиснувшись в щель между обломками скалы, я оценил обстановку. Разглядеть меня было непросто: заходящее солнце бросило длинную густую тень на укрывшую нас груду камушков. Зато огонь, охвативший машины, на которых приехали повстанцы, освещал местность, и я видел четверку штурмовиков в броне, устроивших из положения «лежа» вялую перестрелку с Акбаром. Они явно не спешили покончить с нами, и этот факт беспокоил меня даже сильнее, чем два снайпера, чьи силуэты четко прорисовались над гребнем холма на фоне облаков, раскрашенных закатом в оттенки оранжевого.

Продолжая раздумывать по поводу тревожной медлительности штурмовиков, я поймал снайпера перекрестьем прицельного кольца и без задержки выпустил очередь. Смерть напарника заставила второго стрелка занервничать, так что пришлось повозиться, но вскоре и он кувыркнулся вниз по склону, застыв в очень неудобной позе.

Залегшие спецназовцы, словно проснувшись, затрещали из всех стволов, и я отступил за валун, чтобы вставить в винтовку последнюю обойму. При этом я случайно засек краем глаза постороннее движение и, приглядевшись, обнаружил среди волн голову в легководолазном шлеме. Разумеется, я немедленно продырявил новую мишень, но кто знает, сколько еще аквалангистов пытаются атаковать нас с тыла.

Понадобилась буквально пара слов, чтобы объяснить мой замысел ветерану партизанской войны. За годы горной эпопеи он набрал достаточно опыта и понимал такие вещи, что называется, с лету.

Выглянув из-за скалы, я разрядил магазин по крайнему слева штурмовику, который послушно перестал шевелиться. Уцелевшие накрыли сплошным огнем место, откуда я только что стрелял, но мы уже выбежали с другого края каменного щита. Короткими перебежками, при-

гибаясь, мы резко сократили дистанцию и, укрывшись за догорающими партизанскими машинами, посылали пулю за пулей, целясь в узкие зазоры между шлемами и бронежилетами. Затем, когда огонь противника малость притих, мы снова бросились вперед, швырнув гранаты.

Успех был частичным: за спиной у нас выходила из моря цепь боевых пловцов. Пока аквалангисты разбирались в обстановке, пока сбрасывали громоздкое подводное снаряжение, мы успели добежать до холма и скрыться за склоном. Около моей машины маячила одинокая фигура в мундире офицера военной полиции. Увидев нас, последний из нападавших вскинул автомат, однако Акбар выстрелил раньше. На бегу я нажал кнопку брелка, и автомобиль, пискнув, отворил дверцы.

Негромкое урчание мотора заглушило крики опоздавших аквалангистов. После недолгой тряски по колдобинам я выехал на грунтовку. Акбар свирепо поглядел на меня, но промолчал. Конечно, он предпочел бы отправиться в противоположную сторону, на ближайшую горную базу своего соединения, однако единственная приличная дорога вела в город. Пробираться же ночью по голой местности, которую вот-вот оцепит и начнет прочесывать неведомое количество армейщины, – на такое не отважился бы даже этот ветеран революции.

Я гнал машину к Собачьим Воротам, за которыми начинались более цивилизованные места. Если те, кто охотится на меня, догадались оставить посты вдоль трассы, встречи следовало ждать где-нибудь на том участке. Моросившие с утра облака словно нарочно разошлись, и огромный лунный диск предательски освещал нас своим серебристым блеском. Вдобавок после дневного дождя дорожное полотно размокло, отчего колеса мерзко елозили в вязкой жиже.

– Это была Дефензива? – спросил Акбар.

– Больше некому, – процедил я в ответ. – Генералы не хотят примирения. Если война закончится, правительство сократит армию, а партизанские команданте будут претендовать на высокие должности. Дефензиве нужно взять нас живьем, чтобы устроить большое шоу на втором телеканале: вот, мол, приближенный Дедушки вступил в сговор с федаинами...

Курбаши впервые задумался по-настоящему и молчал до тех пор, пока под шипами покрышек не зашуршал асфальт пригородного автобана. Тут он уверенно заявил:

– Наверняка армия уже перекрыла въезды в город. Высади меня здесь – я уйду через кладбище. А потом вызови своих на подмогу.

Времени хватало, поэтому я терпеливо ответил по пунктам. Армия не умеет намертво закрывать въезды – это делают только карабинеры и полиция, которые военному ведомству подчиняться не станут. Даже

если столичная комендатура попытается разбросать посты на главных магистралях, я всегда смогу просочиться переулками. А вот на открытой местности воздушная разведка легко обнаружит и одинокого пешехода, и двух вооруженных пассажиров легкового броневичка. Поэтому самое разумное сейчас – проникнуть в город и затеряться среди бетонных коробок. Только после этого можно будет воспользоваться рацией: на пустыре нас мгновенно запеленгуют и накроют с вертолетов.

Скептически скривившись, Акбар заметил:

– Думаешь, если ты работаешь на Сигуранцу, то военные постесняются пристрелить тебя на многолюдной улице?

Он так и не понял: я вовсе не работал на Сигуранцу. Я работал в Сигуранце. Однако в словах моего спутника был резон: военные не станут стесняться, они просто не знают такого слова. Впрочем, сейчас у нас имелись другие хлопоты.

– Будем решать проблемы по мере их появления, – бодро сказал я.

– Придется, – с мрачным видом согласился Акбар. – Впереди солдаты.

Луна освещала шоссе до самых Собачьих Ворот, так что были видны стоявшие у обочины джипы с пулеметами и безоткатными пушками. Перед машинами, перегородив проезд, шеренгой выстроились автоматчики. Приспустив дверные стекла, мы выставили наружу стволы. В последний момент солдаты бросились врассыпную, поливаемые потоками свинца с обоих бортов. По корпусу простучали пули, на лобовом стекле появились вмятины, но пробоин не было.

– Парочку я срезал наверняка! – азартно сказал Акбар, затем добавил уважительно: – Слушай, у тебя не машина, а танк!

Я усмехнулся. Еще немного – и «танк» промчался через Собачьи Ворота – узкий горный проход, где резко сближаются крутые склоны. Впереди виднелись огни столицы, распластавшейся по берегам бухты, где плескались мазут и нечистоты. Что поделаешь, это наша родина...

3. Alma Mater

Таиться уже не имело смысла, и я решил воспользоваться рацией. Полковника на месте не оказалось, из динамика раздался возбужденный голос старшего помощника:

– Майор, у нас проблемы. Растворись в городе. В центр не суйся.

Он даже не спросил, чем завершилась моя вылазка на пляж... Нуну, похоже, происходит что-то серьезное.

– Что случилось? Объясни толком.

– Десантная бригада блокировала Старый Город и теперь окружает резиденцию правительства. Мы успели стянуть карабинеров, но не хватает бронетехники и...

Его голос утонул в помехах: заработали армейские глушилки.

– Майор... – Акбар ухитрился произнести мое звание издевательски. – Через час десантура скинет вашего старикашку! Какого черта я пошел на эти переговоры – только влип в неприятности...

– Не в первый же раз, – напомнил я партизанскому курбаши. – И наверняка не в последний. А наши министерства взять непросто. Старая каменная кладка в метр толщиной, да и карабинеры будут драться как звери, потому что терпеть не могут этих пижонов в тельняшках. Еще посмотрим, кто кого.

Сманеврировав по окружной дороге, я въехал в массив одноэтажных домиков рабочего пригорода. После непродолжительного блуждания по лабиринтам кривых переулков мы напрочь оторвались от следовавшего за нами «хвоста» и, благополучно избежав армейских постов, вынырнули из трущоб. Здесь начинались сравнительно респектабельные кварталы, застроенные крупноблочными домами средней этажности. По грязным, плохо освещенным улицам струился автомобильный поток, скверы и тротуары были полны гуляющих обывателей.

Обычно по жизни городского центра бывает нелегко заметить, что в стране тлеет гражданская война. Главные проспекты столицы всегда заполнены шикарными тачками, по бульварам слоняются толпы бездельников, горит реклама, бурлят кабаки. Сегодня все было как всегда, но с одним маленьким отличием: я не видел полицейских. Для знающего человека факт архитревожный: эти шакалы имеют привычку прятаться в свои норы, когда намечаются бурные события.

– Крысы первыми покидают тонущий корабль, – прокомментировал Акбар, словно читая мои мысли. – Будет весело.

Я не успел ответить. Откуда-то появился джип со значком парашюта на дверце. Прочитав номер моей машины, сидевший рядом с солдатом-водителем офицер переменился в лице и поднес к губам микрофон рации. Высунувшись в окно, Акбар изрешетил десантников, но где-то на соседней улице завыли, приближаясь, сирены.

Поплутав по темным переулкам, я заглушил мотор и достал из бардачка две большие картонные коробки с патронами, которые годились и для моего «Стандарта», и для пистолет-пулемета, висевшего под бурнусом Акбара. Жизнь приучила меня всегда иметь под рукой боеприпасы единого образца.

Бросив машину, мы долго пробирались через плохо освещенные безлюдные места, распугивая бродячих собак. Потом, устроившись за

колючими кустами, набили патронами обоймы, опустошенные по пути от пляжа до города. С заряженным оружием на душе стало чуть спокойнее.

– Теперь можем пожить, как белые люди, – преувеличенно бодро провозгласил курбаши. – Было бы с кем.

Пропустив мимо ушей последовавшую за этим чрезмерную дозу несколько однообразного партизанского юмора, я осведомился:

– Что советуешь делать?

– Под открытым небом нас рано или поздно найдут и поимеют, – здраво рассудил инсургент. – Самое разумное – отсидеться на конспиративной квартире или в другом надежном месте, пока будем разбираться в обстановке. У тебя есть поблизости явка?

– А у тебя?

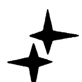
Ни я, ни он не собирались выдавать свои тайные убежища, но кто-то должен был рискнуть. Завязавшийся спор протекал под аккомпанемент отдаленных звуков – со всех сторон гудели сирены облавы, и еще откуда-то доносилась еле слышная музыка.

– Кажется, в универе гуляют, – подняв бровь, сказал Акбар. – Студенческий бал, а? Хорошая идея...

В пояснениях я не нуждался – идея была понятна без лишних слов. Стараясь не производить неуместного шума, мы рванули к парку, окружавшему монументальные корпуса Университета. По дороге нас едва не заметил армейский патруль, охранявший внешнюю ограду университетского городка. Оставив на газоне ворох трупов, облаченных в пятнистую униформу, мы перемахнули через невысокий каменный забор и поспешили к главному зданию. Само собой, я не упустил возможности пополнить свой небогатый арсенал. В этом мире гораздо лучше чувствуешь себя, когда под плащом спрятан короткоствольный автомат, а по карманам рассованы запасные магазины.

Музыка гремела в восточном крыле гуманитарного корпуса, в окнах двух нижних этажей горел свет и трепыхались тени. Очевидно, молодежь оттягивалась в обоих спортзалах и большой столовой. Наверняка там бесятся несколько сот беззаботных юнцов – трудно будет не затеряться в такой толпе.

Теперь мы шли, не таясь, изображая солидных джентльменов, устроивших променад после плотного ужина. По пути то и дело попадались обосновавшиеся в зарослях парочки – разнополые и не очень. Некоторые пугались, увидев рядом незнакомцев, другие не обращали внимания, а самые нервные спьяну осыпали нас проклятиями и угрозами. Один парнишка атлетической внешности даже порывался вступить в драку, но быстро успокоился при виде нацеленных ему в лоб стволов.

Так почти без приключений мы оказались на площадке перед главным входом. Здесь плотно – колесо к колесу – стояли автомобили всех мыслимых марок, а динамики гремели просто оглушительно. В вестибюле опять-таки устроились озабоченные парочки, которых наше появление не больно-то смутило.

– Не беспокойтесь, молодые люди, – сказал я на всякий случай. – Мы с коллегой не намерены вам мешать.

Молодые люди недоуменно глянули в нашу сторону: дескать, зря эти старички полагают, будто способны помешать. Они уже собирались вновь впиться друг в друга, когда любознательный Акбар осведомился, по какому поводу организован сабантуй.

– Вы не знаете?! – вскричала девица в наполовину стянутой майке. – Сегодня – ночь Тринадцатого Полнолуния.

Понимающе переглянувшись, мы не без труда подавили скептические усмешки и отправились в студенческое кафе. Как и следовало ожидать, заведение работало. Среди густых облаков табачного дыма было видно несколько десятков пар, томно кружившихся под источаемые динамиками медленные ритмы. Набивая пакет пирожками, блинчиками и бутербродами, я невольно возвращался мыслями к старой глупой легенде. Последняя смерть случилась, кажется, вскоре после того, как мы с Акбаром благополучно покинули этот эпицентр мировой науки. Да, действительно, с тех пор минула ровно чертова дюжина лет.

Лично я никогда не верил байкам о регулярном пробуждении демонов-людоедов, но в эту ночь чувствовал себя очень неуютно. Даже не знаю, что было причиной моей нервозности – может быть, происходившие в городе события, а может, ярко светивший сквозь клочья туч серебристый диск, усеянный темными пятнами.

А потом стало вовсе не до суеверий. Схватив меня за плечо, Акбар ткнул свободной рукой в сторону окна. Скосив взгляд, я сразу понял, что именно его встревожило: из остановившихся во дворе машин высаживались отряды штурмовиков. Курбаши молча показал пальцем вверх, и снова слова оказались лишними. Расталкивая студентов, мы ускоренным шагом прошли коридор и оказались в волейбольном зале, где под бешеную музыку подпрыгивали сотни три юнцов.

– Неужели я тоже был таким? – пробормотал Акбар, пробираясь в дальний угол. – Страшно подумать.

– Ты был гораздо хуже, – успокоил я спутника. – Но не переживай: с тех пор тебе удалось сильно деградировать.

– Сам ты сволочь!

Обмениваясь подобными любезностями, мы достигли незаметной дверцы пожарного выхода. В это время с противоположной стороны в

зал ворвались десантники – их было не меньше взвода, – но мы уже выскользнули из оглушительно грохотавшей музыкальной шкатулки. Лестница вела в обе стороны, однако в подвале нам явно нечего было делать, поэтому мы, не сговариваясь, двинулись вверх.

На втором этаже тоже было шумно, то есть задерживаться здесь не стоило. Элементарная логика подсказывала: в первую очередь преследователи примутся искать нас среди веселящегося молодняка, потому что любой нормальный человек постарался бы раствориться в шумной толпе. Десантура наверняка закупорит все входы-выходы и начнет проверять каждого, кто находится в зале. Именно поэтому пустые в ночное время верхние ярусы универа выглядели куда привлекательнее.

Студенты – народ ленивый и примитивный. Зачем тащиться лишний пролет вверх по лестнице, если можно заняться любовью, укрывшись за ближайшим углом коридора? Все, кто не дрыгался под грохот тяжелоатлетических рок-групп, расползлись по нижним этажам, так что уже на четвертом никого не оказалось.

Если не обращать внимания на доносившийся снизу суррогат музыки, огромное здание казалось вымершим. Длинные пустые коридоры превращали этаж в подобие шахматной доски, где каждая клетка была аудиторией или служебным помещением. Освещение не работало – горели только плафоны над лестницами, и весь этот лабиринт переходов был окутан вязким раздражающим сумраком.

Первым делом я высадил дверь какой-то кафедры и поднял трубку телефона. Мембрана ответила глухой тишиной: очевидно, мятежники сообразили захватить узлы связи. Мобильники и пейджеры тоже не работали.

В лекционном зале исторического факультета со стен сурово глядели бородатые короли и пышные дамы, висевшие вперемешку с батальными сценками. Мы уютно расположились позади кафедры и разложили на газете прихваченную из кафе снедь.

– Видела бы меня сейчас жена, – пробормотал набитым ртом Акбар. – Вот был бы скандал...

– Да уж, партизанскому командиру не подобает жрать без скатерти, тарелок и салфеток, – согласился я. – Между прочим, я не знал, что ты женат.

– Это было давно, – насупился курбаши. – И не совсем официально...

В этот момент стало удивительно тихо. Я даже не сразу сообразил, что случилось, но потом понял: на нижних этажах выключили музыку. Сейчас десантники начнут выводить публику небольшими группами, а в дверях чины Дефензивы будут сверять лица возмущенных студентов с

нашими фотографиями. Похоже, мысли Акбара и на этот раз мало отличались от моих, потому что он сказал:

– Им хватит работы на час.

Я пожал плечами, поскольку вовсе не был уверен в благополучной развязке. Казалось бы, причин для чрезмерного беспокойства не было, однако нервы мои совсем расшалились. Луна заливала аудиторию дрожащим серебряным светом, так что любой вошедший превращался в беспомощную мишень. Однако этот диск в тёмном небе вызывал слишком неприятные ассоциации. Вдобавок на стене подрагивала тень, которую рисовал лунный свет, проходивший через ветки огромного дерева, и это трепетание возвращало болезненную память о призраке из детского кошмара. Вдобавок эта ночь – Тринадцатое Полнолуние...

Моего невольного спутника подобные опасения, похоже, не посещали. А если даже и посещали, то никак не отразились на его аппетите. Я махнул рукой на суеверия, и мы быстро прикончили сухой паек, после чего Акбар предложил обдумать дальнейшие наши действия.

От самого эффектного варианта (пользуясь тем, что десантники втянулись в здание, выпрыгнуть из окна, положить оставшихся во дворе штурмовиков, захватить броневик и прорвать оцепление) пришлось отказаться. Я прямо сказал, что возраст не позволяет мне сигать с такой высоты и вообще задумка – совершенно идиотская. Допустим даже, сумеем завладеть машиной, что само по себе весьма сомнительно. А дальше-то что? Куда ехать? Для начала следовало уяснить расклад сил и обстановку в городе.

Проще всего было бы воспользоваться рацией, однако помехи не ослабевали. Поэтому мы решили действовать по-простому: найти работающий телефон и позвонить в Сигуранцу или прямо в резиденцию премьера.

Мы уже собрались в путь, когда качавшаяся на стене тень от заслонявшей пол-окна акации подозрительно изменилась, стала похожей на силуэт человека. Снова вернулось ощущение из старого кошмара – полнолуние, смертоносный след на штукатурке... Впрочем, я быстро сообразил, что потусторонние силы тут не при чем, а тень отбрасывает вскарабкавшийся на дерево солдат.

– Незамеченными не уйдем, – загорелся азартом Акбар. – Эта птичка со своей ветки видит всю комнату как на ладони.

– Не долго птичке комнатой любоваться, – прошипел я, извлекая из-под плаща трофейный автомат.

К грохоту выстрелов добавился звон разбитых стекол. Нашпигованные пулями десантники, которых оказалось несколько, не успев понять, кто их атаковал, полетели вниз, но наши длинные очереди учинили в

практически пустом здании адский шум. Не дожидаясь, пока нагрянут привлеченные этими звуками гости, мы дружно метнулись к двери и запетляли по коридору.

От преследователей удалось увернуться. В темноте было слышно, как грохочут чужие подошвы. Судя по топоту и выкрикам, штурмовики оцепили весь сектор, где мы недавно подкреплялись, и теперь требовали, чтобы кто-то выходил без оружия и с поднятыми руками. Пока они маялись дурью, Акбар и я прокрались через весь этаж в противоположный угол огромного здания и очутились возле лестничного блока. Повстанец показал пальцем вверх, и я кивнул в знак согласия. Впрочем, подняться не удалось, потому что по ступенькам затопало множество ног. Мы проворно метнулись в находившийся поблизости туалет, который оказался женским.

Когда спустившиеся с верхних этажей солдаты убежали в сторону, откуда доносился шум, я осторожно выглянул в коридор. Прямо напротив дамского сортира, буквально в нескольких шагах, зашевелился во мраке чей-то силуэт. Стоявший у меня за спиной курбаши лишь чудом удержался от судорожного нажатия на гашетку. К счастью, удалось вовремя сообразить, *что* именно мы видим. Шепотом проклиная прежнего ректора, который приказал расставить на каждом углу эти зеркала («Студенты должны иметь все возможности для поддержания опрятного внешнего вида», – любил повторять старый идиот), мы наконец-то продолжили восхождение по лестнице. Миновав два этажа, я резко остановился, осененный неожиданной мыслью, и тихонько сказал:

– Здесь на шестом недавно оборудовали компьютерный зал. Там должны быть электронная почта и Интернет.

– Пошли, – согласился Акбар. – Связь нам сейчас была бы кстати. Пусть даже внебрачная.

Как ни странно, ближайшая к лестнице аудитория имела номер 521, то есть мы находились не на шестом этаже, а на пятом. Очевидно, сбились со счета. Не слишком обеспокоенные, обмениваясь колкостями по поводу незнания арифметики, мы поднялись еще на один пролет, но снова вышли к той же самой 521-й аудитории.

И тогда мне стало по-настоящему страшно.

4. Ступени кошмара

Испуганные звери убегают, не разбирая дороги. Испуганные люди обычно делают глупости. Могут даже закрыть глаза и застыть на месте, покорно ожидая развязки. В отличие от большинства, мы с Акба-

ром, испугавшись, делаемся еще опаснее и готовы огнем проложить дорогу в то место, которое кажется более подходящим для пребывания. Именно *кажется*, хотя в действительности таковым вовсе и не является.

В тот момент моя логика сработала невероятным образом: раз какая-то чертовщина не пускает меня на шестой этаж – значит, я должен туда попасть любой ценой. Выставив перед собой удлиненный глушителем ствол пистолета, я бросился вверх, прыгая через две-три ступеньки. Избыток адреналина прибавил сил, окончательно лишив рассудительности. Наверное, я пробежал этажей шесть, то есть должен был оказаться на чердаке, но продолжал забираться все выше и выше. Наконец, запыхавшись, я сбавил темп, осторожно поставил ногу на верхнюю ступеньку очередного лестничного марша и, переведя дыхание, шагнул к проему коридора.

К моему ужасу из темноты послышалось бормотание Акбара, который призывал Аллаха защитить его и спасти от злых чар.

– Ты что же, шакал полосатый? На месте оставался? – шепотом спросил я, заранее догадываясь, каким окажется ответ.

– Споткнулся и не мог за тобой угнаться, – покаянно сознался бригадный генерал. – А потом понял, что нет смысла... Жутко было видеть, как ты раз за разом пробегаешь мимо. Твои шаги поднимались на следующий пролет, потом опять начинали звучать снизу, ты появлялся с четвертого этажа, не замечая меня, и снова исчезал наверху...

– Колдовство, – сказал я, толком не понимая, что означает это слово. – Или что-то хуже.

– Хуже только смерть, – выдохнул Акбар. – Хотя как знать.

Неожиданно со стороны нижних этажей послышался женский вопль. Мы немедленно отпрянули, затерявшись во мраке неосвещенного коридора, а по лестнице промчались полураздетые девицы. В слабом свете, проникавшем сквозь окошко, я разглядел, что гнавшиеся за студентками десантники веселятся, предвкушая дармовое развлечение. Кавалькада скрылась наверху, потом снизу выскочил отставший от компании солдатик. Когда он мелькнул в дверном проеме, я машинально выстрелил ему в голову и, естественно, попал.

Благодаря глушителю мой выстрел не наделал много шума, но, к сожалению, упавший десантник ухитрился нажать на спуск, и его автомат прогрохотал короткой очередью. Вверху и внизу немедленно завопили. Кто-то отдал второму взводу приказ прочесать весь этаж, на котором стреляли.

– Остодербенила мне эта десантура, – вздохнул я. – Конечно, колдовство тоже не сахар, но солдатня – полный абзац.

— Весь ваш режим — дерьмо, — принялся брюзжать Акбар. — На хрена я поперся за тобой в эту мышеловку! В городе было бы легче затеряться среди всех этих улиц, дворов, подворотен...

— Ты удивительно вовремя вспомнил о такой альтернативе, — одобрительно заметил я. — А еще можно было уйти в джунгли. К утру мы бы добрались до Гнилого леса — хрен бы кто нашел нас в тех болотах.

Продолжая нести подобный бред, мы пробирались по зачарованному этажу, стараясь передвигаться без лишних звуков. При этом я все время помнил, что при малейшей оказии нужно набить патронами магазины. Запасной коробки надолго не хватит, если без толку поливать десантуру очередями неопределенной длины.

А еще следовало разобраться в городской обстановке и найти способ связаться со своими. Жаль только, *свои* у меня и Акбара разные...

И обязательно нужно было понять, какая сила вздумала с нами шутить. Хотя мы старательно болтали о ерунде, мысли наши работали именно в этом направлении. Иначе трудно объяснить, почему курбаши вдруг оборвал поток трепа и буркнул:

— Тринадцатое Полнолуние, заколдованная лестница...

— Заткнись, — зашипел я. — Кто-то совсем рядом... Вернее, что-то.

Из темноты послышались новые звуки — совсем с другой стороны. Медленно и противно поскрипывала дверь, издалека доносился шепот, словно сразу несколько голосов разговаривали на незнакомом языке. Это не могли быть штурмовики, это вообще не могли быть люди, потому что ни человеческая гортань, ни даже звериная глотка не способны издавать подобные звуки.

Я не видел Акбара (моего спутника скрывал мрак), но чувствовал, как напряжен курбаши. Кажется, он читал молитву. Точно я этого не помню: сам был сбит с толку и напуган, будто вернулись детские страхи, изводившие меня всякий раз, когда луна в небе становилась идеальным серебряным кружком, слегка запачканным серыми пятнами.

Скрипнула еще одна дверь — уже совсем рядом. Кто-то приближался к нам мягкими, едва слышными шагами. Возможно, приближались сразу два разных существа, поскольку я четко слышал последовательность звуков: стук копыта, потом — скрежет когтей, и снова: стук — скрежет, стук — скрежет.

Судя по этим звукам, неведомая тварь, попеременно ступая то лапой с когтями, то копытом, перемещалась в нашу часть этажа. Внезапно поблизости заговорили сразу несколько человек. Кто-то командирским голосом распорядился, чтобы два отделения поднялись на шестой этаж, и солдаты затопали ботинками по лестнице. «Счастливчики, — позавидовал я. — Они могут на любой этаж». Спустя минуту стало понят-

но, что я поторопился завидовать: вслед за штурмовиками неторопливо отправился настороживший меня монстр.

Стук копыта – скрежет когтей. Шаги доносились от лестницы, постепенно исчезая где-то наверху. Похоже, загадочное создание тоже имело допуск во все части универа.

Снова стало тихо. Вдобавок мы выбрались в место, немного освещенное лунным диском. Здесь мне прямо в лицо оскалилась жуткая пасть – с редкими и тонкими клыками в два дюйма длиной. Я отпрянул, вскидывая автомат, а монстр снова продемонстрировал пасть, разевая челюсти в беззвучном хохоте.

Только теперь я сообразил, что никакого чудовища передо мной нет. Это было всего лишь изображение в зеркале. Именно изображение, а не отражение, ибо кусок покрытого амальгамой стекла игнорировал меня, стоявшего на пути слабеньких световых лучей. Напуганные движением фигуры в зеркале, мы резко обернулись, всматриваясь в полумрак и водя стволами в поисках врага. Однако, как ни напрягали глаза, разглядеть удалось лишь тень, быстро исчезнувшую в темноте. Снова бросив взгляд на зеркало, я увидел, что изображение монстра превратилось в бесформенное полупрозрачное пятно, сквозь которое просвечивали стоявшие возле стены кувшины с пластиковыми цветами.

Теряя способность соображать, мы сделали еще несколько шагов, и на следующем повороте наткнулись на очередное зеркало. В нем тоже пульсировала бесформенная фигура, которая помахала отростком, издав издевательский смешок, после чего видение растаяло, и вокруг снова стало совсем темно.

– Демоны, – прошептал Акбар.

В его голосе мне почудилась смесь убежденности с каким-то подобием облегчения. Вспомнив, что бригадный генерал ведет родословную от знаменитого горного колдуна, я осведомился:

– Это хорошо?

– По крайней мере, теперь проясняется, с чем имеем дело, – буркнул курбаши. – Вот, значит, кто безобразничает в Тринадцатое Полнолуние.

Очередное упоминание этой легенды почему-то заставило меня вздрогнуть. Время от времени в здании Университета находили растерзанные трупы, но полиция так и не смогла разоблачить маньяка-убийцу. Когда нас с Акбаром зачислили на первый курс, кто-то уже подсчитал: преступления происходят только в ночь полнолуния и повторяются через тринадцать месяцев. Поговаривали, будто наш эпицентр мировой науки проклят по причине царящей в его стенах коррупции...

И вот теперь эти сверхъестественные убийцы охотились на нас.

– Понятно, – пробормотал я. – Получается, что нечистая сила преградила нам путь выше пятого этажа. Наверное, чтобы мы не смогли убежать от орудующих здесь демонов.

Акбар долго молчал, затем сказал неуверенно:

– Вовсе не обязательно. Может быть, дорогу перекрыли дружественные духи. Не хотят, чтобы мы шли в опасные места. Сам видел – здешние демоны нас не жрут.

– Может, мы не слишком аппетитны?

– Нет, просто мы предназначены другому демону.

Звучало достаточно безумно. Поразмыслив, я решил: мы все равно не умеем бороться с подобными тварями, а потому должны сражаться с людьми. Проще говоря, надо было найти средства связи или выбраться из заколдованного здания. Причем сделать это нужно как можно быстрее, пока до нас не добрались штурмовики или демоны.

– В учебных корпусах стоят обычные телефоны, – буркнул я. – Надо в административный пробраться.

Кивнув, курбаши первым двинулся в сторону лестницы. Однако возле ближайшего поворота пришлось остановиться и спрятаться, отыскав самую темную тень этого этажа. Неподалеку беседовали несколько людей. Вернее, не людей, а офицеров десантуры.

– На хрен они нужны, – сказал один. – Их всего двое.

– Два профессионала такого класса всегда опасны. – Во втором голосе звучала злоба. – Сколько наших положили! За одно это нужно выловить их и...

Ему пренебрежительно ответили:

– Ничего эта парочка не изменит. Вокзалы, аэропорты, телецентр – у нас. В морском порту держится флотский спецназ, но с ними скоро покончат. А полиция и армия решили не вмешиваться.

– Не забывай про...

Скептик не успел закончить свое возражение, которое сильно меня заинтересовало. Его фразу прервал жуткий вопль, звучавший откуда-то сверху. Привлеченные этими звуками, десантники шумно побежали по лестнице.

Мы с Акбаром чуть было не вздохнули с облегчением, но тут из темноты прозвучал чей-то тяжелый вздох и громко клацнули громадные зубы. И снова – странные шаги. На этот раз чередовались три звука: стук копыта, шлепанье влажной ступни и визг когтей. То ли по соседству расположились три породы демонов, то ли один монстр, но с ногами трех разных модификаций. В общем, твари, сколько бы их ни было, неторопливо поднялись по ступенькам вслед за мятежной десантурой. Мысленно я пожелал демонам приятного аппетита.

Оцепенение не отпускало долго.

Мне и прежде приходилось заглядывать в пасть смерти. Ощущения были не из приятных, но такого страха я не испытывал ни разу. Даже на старых нефтепромыслах, когда маньяки из Фронта национального освобождения подловили меня на встрече с агентом и вокруг заполыхала квадратная миля пропитанного мазутом песка...

Снова кряхтенье и сдавленный смех. Чьи-то торопливые шаги простучали, как пулеметная очередь. Не слишком близко – наверное, в соседнем коридоре. Я немного опомнился, лишь услышав шепот курбаши:

– Пошли скорее на свет.

– Да-да, конечно.

Мы выбрались в коридор, залитый лучами, отраженными от лунного диска. На стенах покачивались тени, хотя снаружи не было деревьев, достающих до окон пятого этажа. Впрочем, тени быстро исчезли.

– Мятежники нас боятся, – задумчиво произнес Акбар. – Вероятно, пара оставшихся на свободе профи может как-то помешать этому путчу.

Это я понял без его подсказок и чуть не сломал башку, пытаясь сообразить, о чем же говорили те офицеры.

– Тебе-то что, – буркнул я, понемногу успокаиваясь. – Вашей банде без разницы, против какого режима воевать.

Он ответил, не скрывая раздражения:

– Мы хотим поскорее закончить войну. Поэтому ваше правительство нас устраивает: с вами можно договориться. А если придут военные, кровопролитие затянется на десятилетия.

– Приятно слышать. – У меня хватило сил засмеяться. – Когда прижмет, даже непримиримые становятся благоразумными. Что предлагаешь?

– Нужна связь, – открыл он Америку. – Раз не действуют обычные и сотовые телефоны – значит, нужны спутниковые. Мы должны любой ценой прорваться в ректорат: там этого добра навалом.

– Если ты не забыл, именно туда мы и шли, – фыркнул я.

Тут возник вопрос, как мы окажемся в старом корпусе, который громоздился на другом конце университетского городка. Первым делом я покосился на окно. Смогут ли демоны с их чарами помешать нам выпрыгнуть? Высоковато, конечно, но тремя метрами ниже колыхались упругие кроны. Спружиним, ухватимся за ветки, сползем по стволам на грунт. И привлеченные шумом штурмовики устроят торжественную встречу с салютом из сотни стволов...

– Интересно, дорога закрыта только наверх? – размышляя вслух, осведомился Акбар. – Может быть, вниз нас пропустят?

– Не исключено... – Вдруг меня осенило: – А чего мы все лестницами, да лестницами? Лифты же есть.

Бригадный генерал инсургентов скорчил гримасу сомнения, и мы отправились искать кабины лифтов. И я, и он успели подзабыть, где находятся эти полезные устройства, и долго плутали по лабиринту, благополучно избегая встречи со штурмовиками и демонами. Наконец кошачьи глаза Акбара обнаружили в темноте светящиеся треугольники стрелок и двоеточие кнопок.

Не забывая оглядываться, чтобы не подкрались враги – материальные и призрачные, – мы подошли к шахте лифта, и курбаши нажал кнопку «Вверх». Я поразился:

– Зачем? Нам надо вниз.

– Из принципа!

Лифт все не появлялся, и Акбар нажал еще раз. Было слышно, как мимо нас проехала кабинка, но остановиться не пожелала. Ожидание становилось бессмысленным и опасным, поэтому я изо всех сил придавил пальцем кнопку, на которой была нарисована стрелка, направленная вниз.

В этот момент снова послышались мягкие шаги. Мы завертели головами и увидели силуэты – в конце коридора, на фоне окна.

– Стоять! Бросить оружие!

Это были всего лишь солдаты. Причем тупые, иначе не подошли бы со стороны освещенного окна.

Руки сами навели оружие, а пальцы сами дернули спусковые крючки. Не успели отзвенеть выброшенные затворами горячие гильзы, как мы с Акбаром уже юркнули в лестничный проем, зиявший рядом с шахтой.

Из коридора слышался топот бежавших за нами штурмовиков, чей-то голос вопил, требуя помощи. Оставаясь в каменной нише, я высунул из-за угла ствол автомата и залил коридор веером бронебойных пуль, а бригадный генерал швырнул одну за другой три гранаты. Судя по воплям, число убитых и раненых заметно возросло, но остальные только озверели и спешили расправиться с норовистой дичью.

Акбар вопросительно показал пальцем вниз. Я отрицательно качнул головой, вытянув палец вверх. Курбаши кивнул, соглашаясь, и мы в очередной раз метнулись в сторону недоступного шестого этажа, громко топая, чтобы подсказать врагам верное направление. При некоторых умственных способностях даже самое извращенное колдовство можно использовать себе во благо.

Десантники борзо устремились по нашим следам и одним махом убежали на шестой этаж. Тем временем мы спокойно стояли на полпу-

ти между четвертым и пятым, а шаги и голоса погони гремели у нас над головами. Отдышавшись, мы начали спускаться. Четвертый этаж, третий, второй. Дорога вниз была открыта.

Между вторым и первым этажами мы едва не наткнулись на пост. Три солдата деловито нюхали белый порошок. Один из них даже заметил нас и, покачиваясь, попытался поднять автоматическую винтовку, но сильно – почти на полсекунды – опоздал. Мой бесшумный пистолет молниеносно расчистил проход.

Теперь можно было более-менее беспрепятственно прогуляться по нижнему этажу до ближайшего окна или служебного выхода, незаметно – или как получится – выбраться из заколдованного здания и просачиваться к ректорату, прячась за деревьями, кустами и псевдоантичными статуями. Мы уже собирались поступить именно таким образом, когда меня осенила безумная идея.

Схватив за рукав готового выглянуть в коридор Акбара, я потащил его еще ниже, в подвал. Курбаши едва не начал отбиваться, однако быстро сообразил, куда я направляюсь, и гримаса недоумения на его бородатой роже сменилась одобрительной миной.

Ниже первого этажа ветвилась обширная сеть подземных тоннелей, соединявших разбросанные по всему парку корпуса. В плохую погоду, да и в обычную тоже, студенты любили переходить из здания в здание именно по этим лабиринтам.

Дверь оказалась незапертой, и два беглеца, оставаясь незамеченными, скользнули в мраморные катакомбы.

5. Призраки подземелья

Здесь было темно. Лишь слабенькие фонарики через каждые полсотни шагов. Вспомнилось, что подземный переход считался мрачным местом даже в обычное время, когда горели мощные газосветные лампы. Ходили слухи про веселых ребят, которые развлекались, насилуя студенток, спешивших на последние лекции вечерней смены. И про студенток, слонявшихся тут поздно вечером в надежде на встречу с бригадой насильников...

Мы старались ступать осторожно, но звуки шагов противоестественно громко резонировали в пустоте перехода. Одно утешало: пока мы слышали только их.

– Послушай, внук колдуна, – сказал я. – Как можно бороться с демонами?

– Бороться? – Он насмешливо присвистнул. – Обороняться, а не бороться.

– Ну и как же?

– Собрать в опасном месте сотню лучших колдунов. Они будут петь и плясать, а демоны испугаются и, быть может, уйдут туда, откуда пришли. Или, наоборот, озвереют пуще прежнего.

– Не подходит, – мрачно резюмировал я. – Нам бы чего попроще и с более надежным результатом.

Акбар сообщил, не скрывая сомнений:

– Я слышал про амулеты и заклинания, отгоняющие злых духов, но для каждого вида нечистой силы надо подобрать особое средство. И еще потусторонние обитатели не любят серебра.

Это я знал и без его объяснений. Видел в каком-то фильме.

Вздохнув, я сделал следующий шаг. На душе было неспокойно. Пережитые шоки, стрессы и прочие «удовольствия» сделали меня нервным. Полагаю, что Акбара – тоже. Я пугался любого шороха, каждого комка тьмы, сгустившегося в углу за подпиравшей потолок колонной. Поравнявшись с очередным зеркалом, я робко заглядывал в него, но всякий раз видел лишь собственное отражение.

– Кажется, нас больше не преследуют, – буркнул бригадный генерал.

Несмотря на полумрак, я видел, что он напряжен, как возвратная пружина, до предела сжатая откатившимся затвором.

– От десантуры, может, и оторвались... – Я кивнул, запоздало сообразив, что в такой темени он вряд ли разглядит это движение. – Но есть и другие враги.

Внезапно откуда-то – я не смог понять, откуда именно – прошелестело заунывно:

– Есть и другие...

Я замер на месте. Прибегнуть к помощи оружия даже не подумал: понимал, что обычные пули демона в лучшем случае пощекочут.

– Что с тобой? – встревожился Акбар. – Что-то увидел?

– Скорее, услышал...

Вздохнув, я стиснул зубы и заставил себя шагать дальше. Примерно в середине пути через тоннель, возле зеркала, над которым подмигивал тусклый плафон, я споткнулся. Под ногами ничего не оказалось, но следующий шаг дался с большим трудом. Я прошел еще немного, но тут что-то коснулось моей шеи. Я заорал, и снова раздался неведомо чей голос:

– Скажи своему спутнику, чтобы убрал нож. Это оружие понадобится вам чуть позже.

Ясно было, что Акбар не слышит этих слов. То ли демон решил общаться лишь со мной, то ли бесплотный голос был моим неврозом.

– Акбар, что за нож у тебя? – спросил я.

– Откуда ты знаешь про нож? – вскинулся курбаши. – Ты не можешь его видеть.

«Ты – демон?» – спросил я мысленно. Невидимка ответил: «Можешь называть меня так».

– С тобой кто-то разговаривает? – сообразил внук колдуна. – Почему я не слышу?

«Он надоел мне», – признался демон. Я взмолился:

– Погоди, не оставляй меня! Объясни, что здесь происходит.

«С чего ты взял, будто я намерен тебе помогать?»

– А разве нет?

Акбар органически не мог молчать. Он с испуганным любопытством наблюдал, как я разговариваю, обращаясь к темной пустоте тоннеля. Не выдержав, курбаши разразился словесным поносом:

– Ты видишь демона, а я – нет. Вероятно, он явился именно к тебе. Если он совсем рядом и до сих пор не напал, это означает, что дух дружелюбен. Возможно, это призрак кого-то из твоих родственников.

– Красиво поешь...– Я вздохнул. – Одна беда: я его не вижу.

«А теперь заткнись, – посоветовал невидимка. – За тобой гонятся сразу две своры кровожадных тварей – материальных и потусторонних».

– Знаю, – прервал я телепатическую лекцию. – Чего хотят призраки?

«Призраки тоже бывают придурками. В прошлом веке среди привидений распространилось глупое суеверие. Дескать, если сожрать внутренности живого – получаешь право вернуться в материальный мир. Причем, согласно легенде, сделать это можно лишь в Ночь Амнистии, которую вы называете Тринадцатым Полнолунием, когда демоны получают возможность влиять на таких, как ты. И вот уже вторую сотню лет эти выродки тянут жребий, чтобы совершить ритуальное жертвоприношение. Тот, кто выиграл твои потроха, ждет возле ректората».

Хихикая, он добавил, что подобные трапезы не принесут демонам избавления. Духи, поведал призрак, покинут эту часть материального мира, если предназначенный в жертву смертный сумеет сразить демона-охотника. Гибель даже одного призрака распахнет врата, сквозь которые провалятся в адскую бездну все, кто этого заслуживает.

– Легко сказать, – хмыкнул я. – Знать бы, как это сделать. Не подскажешь?

«Не имею права, иначе мне не позволят здесь остаться... – Его го-

лос изменился, сделавшись недовольным. – Да ты и сам знаешь, как нужно...»

Само собой, я ничего не понял из столь туманных объяснений, поэтому потребовал:

– Покажись!

«Не стоит тебе видеть меня».

– Ты что-то замышляешь против нас?

«Придумай что-нибудь поостроумнее. Если бы я хотел...»

По мраморной облицовке тоннеля поползли три глубокие царапины, словно кот-переросток скреб по стенке гигантскими когтями. А потом я внезапно почувствовал, что мой невидимый собеседник исчез. Уж не знаю, в самом ли деле он желал нам добра или зачем-то прикидывался другом. Вреда не причинил – и ладно. Редкий случай. Особенно для последних суток.

6. Предсказанная схватка

– Если даже он врал, то правдоподобно, – глубокомысленно изрек Акбар. – Насколько я знаком с этими делами...

Я огрызнулся:

– Хреновато ты с ними знаком...– Подумав, добавил (и голос мой, боюсь, звучал жалобно): – Лучше бы ты знал, чем их можно убить.

– Серебром, – быстро ответил бригадный генерал инсургентов. – Только, вспоминаю, дед рассказывал... Вроде бы в старых книгах упоминается какой-то сплав, который действует еще вернее.

– Но секрет его, конечно же, утрачен еще до нашей эры?

– Кажется...– Акбар потупился. – Ну, двинулись?

Охраны возле лестницы не было. Мятежники не ждали нас в этом корпусе, однако солдаты слонялись по этажам. Нам пришлось потрудиться, чтобы избежать нежелательных встреч. Первым делом мы убежали в глухое крыло, где размещался один из самых старых факультетов – Технологический. Потом поднялись по лестнице и оказались возле ректората.

В тот момент, когда Акбар заканчивал взламывать замок, послышался явственный вздох. Предательский холодок пробежал по спине, отозвавшись дрожью в коленях. Взяв себя в руки, мы вошли в канцелярию и при свете луны быстро отыскали аппарат спутниковой связи.

Сначала я переговорил со своими коллегами из Сигуранцы, затем Акбар, удалившись в угол, долго секретничал с партизанским штабом. Обстановка вроде бы прояснилась. Час назад десантура полезла в ата-

ку на правительственный комплекс и была отброшена с немалыми потерями. Армейский комендант столицы заявил, что не намерен участвовать в братоубийстве – поэтому пехота на штурм дворца не пойдет. Объявил о нейтралитете и главком авиации.

– Через полчаса за нами пришлют вертолет, – сообщил я, когда Акбар закончил болтать. – Надо будет посигналить.

– Если до этого призраки не сожрут, – проворчал бригадный генерал. – В общем, наши готовы поддержать Дедушку против Дефензивы. Но требуют взамен несколько мест в правительстве.

– Удачно прошли наши переговоры. – Я фыркнул. – Надо было не на пляже встречаться, а сразу сюда ехать... Говоришь, от демонов помогает серебро?

На эту штуку я обратил внимание, едва мы вошли. Массивная серебряная цепь и прицепленный к ней медальон из того же металла – неизменный атрибут парадного мундира ректора. Побрякушка красовалась на самом видном месте, под стеклянной витриной.

Размолотив стекло прикладом, я намотал цепь на ладонь. Удобно получилось – сгодится и в качестве кистеня, и в качестве кастета.

На третий этаж мы поднялись без осложнений. Изредка в темноте слышались голоса штурмовиков, но солдаты нас не заметили. Акбар уже ступил на очередной лестничный марш, как в тот же миг откуда-то сверху на него упал расчлененный труп в бронежилете. Каска вместе с изуродованной головой скатилась по ступенькам, подпрыгивая, как мяч.

Мы вздрогнули, но не замедлили шага. Вроде привыкли.

Равнодушно перешагнув через оторванную голову с торчавшими лохмотьями артерий, Акбар продолжил подъем. Но попасть на шестой этаж не удалось и в этом здании: ступени были завалены обломками мебели. Чертыхаясь, мы поплелись по коридору к следующей лестнице. На первом же углу нам попался еще один труп, чуть дальше валялся другой. Оба были от души растерзаны, словно убийца учился на мясника и сдавал экзамен по скоростной разделке туши.

– Поспешим, – нервно потребовал Акбар, от волнения забыв, что следует разговаривать шепотом. – Это заведение надоело мне еще в годы учебы. Не желаю оставаться здесь!

Мы торопливо подбежали к лестнице. Путь казался открытым – ни завалов, ни охраны. То есть часовой-то был здесь выставлен, только от него мало что осталось, если не брать в зачет красную жидкость, в которой плавали куски антрекота и филе.

Затаив дыхание, я пригнулся, готовясь прыгнуть через лужу, чтобы бегом ринуться вверх. Мышцы уже готовы были бросить тело вперед,

когда за углом послышались шаги и раздался стальной голос. Голос был знакомым – на пятом этаже соседнего корпуса владелец этого хриплого баритона рычал: дескать, нельзя выпускать живыми двух профи такого класса...

– Руки вверх! – рявкнул десантник. – Сопротивление бесполезно.

Похоже, он был прав. Краем глаза я увидел, что на нас смотрят несколько стволов. Глупо стоять в луже крови под прицелом, попавшись на финишной прямой...

Внезапно один из солдат издал леденящий вопль. Мои ноги словно подкосились, когда я увидел, как темная фигура расчленяет штурмовиков. Акбар мелко дрожал, но выхватил свой знаменитый кинжал. Его искривленная форма что-то мне напомнила, но что именно – я понять не успел.

Нападение было молниеносным. Через считанные секунды на полу истекали кровью несколько десантников, а их командир яростно отмахивался автоматом, наивно надеясь защититься от наседавшего призрака. Дух настырно тянулся когтями к офицеру и наконец вцепился в него чуть повыше ворота бронежилета.

Что-то сработало в подкорке. Успокоившись, я снова стал расчетливым и опасным. Мне надоело быть дичью и убегать от неведомых врагов.

Раскрутив серебряную цепь, я хлестнул демона. Сплетенные звенья прошли через бесформенную массу насквозь, однако рука почувствовала сопротивление. Демон, чью фигуру лишь условно можно было назвать человекообразной, взвыл и отшвырнул недоеденного десантника. Кровожадный дух рывком развернулся, выдернув из моих рук серебряную цепь и выбросив вперед сразу три конечности. Я полагал, что со мной уже покончено, однако Акбар, подобравшись сзади, полоснул мистическую тварь серебряным кинжалом. Демон, скрючившись, стремительно юркнул в тень.

Акбар поспешил обрадовать:

– Он не убит. Просто потрепан.

– Вернется и сожрет, – предположил я.

– Не факт. – Курбаши покачивал головой. – Дед уверял, будто духи трусливы. Получив отпор, надолго забиваются в какую-нибудь потустороннюю щель.

– Значит, нас сожрет другой демон...– Я махнул рукой. – Гляди-ка, этот приятель еще дышит.

Десантник прохрипел что-то неразборчивое. Он был совсем плох. Кровь обильной струей хлестала из разорванных аорт. Жить ему оставалось немного. Даже не жить, а умирать. В мучениях.

Сочувственно поглядев на бледное лицо, заляпанное красными брызгами, я поинтересовался:

– Хочешь, помогу?

Он слабо кивнул, прекрасно понимая, *что* ему предлагают. Акбар шевельнул автоматом, но я остановил руку бригадного генерала и сказал:

– Сначала ответь. Чего боятся твои командиры?

Пуская губами кровавые пузыри, офицер прохрипел:

– Гвардейская танковая... Нет связи, но их полковник готов двинуться на столицу... уже выслал разведку...

– Спасибо, солдат, – с чувством сказал я и посоветовал: – Закрой глаза.

– Не беспокойся... – Он усмехнулся. – Я привык смотреть в дуло этого... средства взаимопомощи.

Я молча нажал на спуск, и пуля просверлила аккуратную дырочку чуть выше переносицы.

– Гражданские бы нас не поняли, – со вздохом посетовал Акбар.

– У солдат свои представления о помощи, – согласился я. – Что может быть гуманнее, чем избавить от мучений другого солдата?

Отсалютовав останкам врагов, мы вернулись к лестнице. Остановившись на пороге, курбаши вдруг проговорил:

– Что он говорил про танковую гвардию?

– Командир бригады – внучатый племянник премьера и наверняка готов выступить против мятежников, – пояснил я. – Только они отрезаны от связи, поэтому могут опоздать. Пока разведчики просочатся в столицу, пока разнюхают обстановку, пока танки доползут до городских окраин... Но теперь я полечу в гарнизон на вертолете и через полтора часа приведу сюда сотню машин. Одно плохо: там много бронетехники, но мало пехоты.

Знатный герой освободительного движения недоуменно посмотрел на меня и произнес укоризненно:

– Но ведь пехота есть у меня. Если посадим моих ребят на ваши танки – никакая десантура не устоит!

Договорить ему не удалось. Из темноты выдвинулся мрачный сгусток ужаса, и нас пронзил животный страх. Глаза мои не способны были воспринять цвет, форму и размеры этого создания, но и без таких второстепенных деталей не оставалось сомнений: на сей раз смерть пришла за нами.

Ничего не соображая, мы метнулись в ближайшую дверь. Второпях я задел рукой за что-то острое, и резкая боль вернула малую часть рас-

судка. В свете луны я увидел глубокую царапину на ребре и тыльной стороне ладони, из ранки сочилась кровь. Парализованный страхом, я не мог пошевелиться, а на меня надвигалось что-то ужасное, против чего бесполезны огонь или пуля.

Это было слишком знакомо – вернулись кошмарные неврозы, изводившие меня в детстве. Причуды фатума привели нас в ту самую лабораторию металлохимии. Луна опять светила мне в спину, рисуя на стене двойную тень. Одна, поменьше, принадлежала мне, а другая – громадная – ничуть не походила на очертания человеческой фигуры. Призрак медленно приближался, шевеля вытягивающимися отростками.

Все было в точности как в том сновидении. Обстановка лаборатории заметно изменилась со времени моего последнего здесь появления. Мебель и оборудование были расставлены именно в таком порядке, как виделось мне во сне. Полная луна пылала серебром через незашторенное окно, и еще одна, в ранней фазе, сверкала рядом со мной. Впрочем, я быстро понял свою ошибку: это был не полумесяц, а кривой нож в руке Акбара.

– Продадим жизнь как можно дороже! – выкрикнул курбаши.

С изумительной ловкостью он бросился в атаку, сумев увернуться от метнувшихся на перехват щупальцев демона. В последнем броске Акбар воткнул клинок-полумесяц в бок призрака, и тот неуклюже отшатнулся и съежился, словно став меньше ростом.

Сковавший меня страх внезапно разжал леденящие объятия. Рука потянулась к ящику с металлическими образцами. Пусть серебряный кинжал Акбара лишь ранил эту тварь, но дедушка-шаман уверял, будто какой-то сплав может оказаться смертельным. Что ж, попробуем все подряд.

Я извлек первый попавшийся шарик и швырнул в сторону тени. Кусок неизвестного металла пролетел сквозь демона и, отскочив от стены, беззвучно подпрыгнул по полу, чтобы скрыться в темном углу. Следом в стену отправился второй образец, третий... Шестой (или седьмой?) бросок оказался удачным. Тень демона скрючилась, по нервам хлестнул беззвучный вопль, полный страха и страдания. Погибающая тварь боялась меня, и это было до невозможности приятно.

Потом он исчез. Растаял без следа, а вместе с ним рассеялась грозившая нам опасность. У стены, охая, поднялся Акбар и сказал удовлетворенно:

– Ты его достал, майор.

– Это было несложно. – Я лихо отмахнулся и даже изобразил на неподвижном лице подобие улыбки. – Пошли отсюда. У нас есть более важные дела.

Лестница беспрепятственно пропустила нас на шестой этаж, откуда мы выбрались на крышу. Десантура больше не попадалась на глаза. То ли штурмовики разбежались, напуганные буйством духов, то ли провалившиеся в бездну призраки прихватили с собой недобитых нами мятежников.

Вскоре на крышу мягко опустился вертолет с эмблемой Сигуранцы. Прошло немного времени – и гвардейская танковая бригада начала выдвижение к столице, а грузовики и автобусы с разбойничками Акбара спешили к перекрестку автострад, где должны были встретиться две колонны вчерашних врагов.

7. Ночь Амнистии

Победа досталась недешево, но мы за ценой, как водится, не постояли. В ночной стрельбе на улицах застывшей от страха столицы полегли многие. Генералов-мятежников казнили, капитанов отправили на рудники, а меня повысили в звании. Потом правительство и спустившиеся с гор партизаны принялись строить новое государство, однако это – тема отдельного телесериала в стиле хоррор.

Отсчитав тринадцать полнолуний, я снова пришел в Университет и долго бродил по темным коридорам, сжимая в кармане кусочек смертоносного для призраков сплава. Впрочем, я отнюдь не искал встречи с духами-убийцами.

Приятель, который был мне нужен, снова ошивался в тоннеле. Полупрозрачная тень на стене, еще хранившей следы его когтей.

– Ты не ушел вместе с другими, – резюмировал я. – Хочешь сообщить что-нибудь важное?

Тень лениво пошевелилась, словно дружественный дух отрицательно мотнул головой.

– Просто мое время еще не пришло... Ну, бывай.

– Мы еще увидимся?

– Не помню.

Призрак начал таять, но при этом на секунду отразился в зеркале. От возмущения я чуть башку ему не открутил. Подонку повезло, что он успел спрятаться в своем мире духов... Мерзавец мог показаться в прошлую Ночь Амнистии – тогда мне не пришлось бы столько нервничать.

Ведь в зеркале я увидел самого себя – постаревшего и с неприлично разросшимися залысинами над седыми висками. Но зато в парадном мундире фельдмаршала.

Bakanov's choice

Джек Макдевит

ХРАНИТЬ ОБЕЩАНИЯ

Рассказ «Хранить обещания», отобранный известным переводчиком Владимиром Бакановым для очередного выпуска своей рубрики, принадлежит перу фантаста, занявшегося литературой в очень зрелом возрасте: его первый рассказ был опубликован, когда автору уже исполнилось 46 лет. А до этого Джек Макдевит успел послужить в Военном флоте США, поработать шофером такси, учителем литературы, таможенником и психологом-консультантом. Если после такого жизненного пути люди берутся за сочинительство, возможны два варианта: это либо забубенные графоманы с отклонениями в психике, либо писатели, близкие к гениальности. Что касается Макдевита, то здесь вероятнее второе: недаром его романы «Пляж бесконечности», «Древние берега», «Машины бога», повести «Путешественники во времени не умирают», «Добрые намерения» оказывались в номинационных списках премий «Хьюго», «Небьюла», Приза Артура Кларка...

Вчера Эд Айсмингер прислал мне поздравление с Рождеством. На открытке был изображен кадр из столь памятного мне телерепортажа «Рождество на Каллисто»: каменистая равнина, посреди которой стоит наш посадочный модуль; из его иллюминаторов струится уютный желтоватый свет, сзади виднеются острые пики гор, чуть в стороне темне-

---

«Promises to Keep» by Jack McDevitt

ет провал кратера, а в небе горит огромная луна, опоясанная широким кольцом.

В одном из иллюминаторов светятся разноцветные огоньки елочной гирлянды.

Кэти Перт... именно она сумела столь живописно запечатлеть это мгновение. В моем столе, среди счетов и деловых бумаг, лежит кассета с тем самым рождественским репортажем, но я ни разу ее не смотрел. Впрочем, нет – смотрел, но только однажды, когда мы передавали информацию на Землю. Тем не менее я прекрасно помню слова. Слова, которые сочинила Кэти и которые звучным, хорошо поставленным голосом читал Виктор Лэндолфи. (Описание красот неземного мира попало потом даже в школьный учебник по астрономии.)

«СЕНТЯБРЬ», – написал Айсмингер на открытке. Буквы большие, печатные, тщательно обведенные. Этим словом он надеется покорить мир. Иногда, по ночам, когда снег искрится под луной в точности как на Каллисто, я думаю об Эде и его проекте. И мне становится очень страшно.

Качество открытки превосходное – мне даже кажется, что на снегу можно различить следы ног Кэти. Как бы я хотел войти в эту картинку, чтобы вновь поднять бокал с Виктором, чтобы прижать к себе Кэти и никогда больше ее не отпускать, чтобы... чтобы как-нибудь спасти всех нас, встретивших Рождество на Каллисто. Это оказался наш последний праздник, и другого такого никогда уже не случится.

Кэти возилась с репортажем дней пять, извела кучу пленки, пытаясь хоть как-то разнообразить унылый черно-белый пейзаж. Снег, лед, пики гор, кратеры – и над всем этим мертвящее равнодушие космоса. Наконец она попробовала снимать ночью, и вышло, как видите, весьма неплохо. Помнится, Кэти тогда сказала: «Чем меньше света, тем уютнее».

Труднее всего оказалось уговорить Виктора Лэндолфи – нашего тощего долговязого Виктора, интересовавшегося лишь атомными частицами да электромагнитными полями, – прочитать текст: все, что не входило в узкий круг его интересов (например, Кэти с ее репортажами), он считал пустой тратой времени и участвовать в этом, естественно, не собирался. Впрочем, парень он был деликатный, Кэти ничего объяснять не стал, а покрутил ус, пожал плечами и, сказав: «Времени у меня нет. Вон, пусть Сойер прочтет», ткнул пальцем в мою сторону.

Кэти усмехнулась, повернулась к иллюминатору (тому самому, с гирляндой) и стала разглядывать громаду Юпитера, застывшую в угольно-черном небе. Мы уже успели выяснить, что у планеты-гиганта имеется твердое ядро, покрытое океаном жидкого водорода.

— До чего же обидно, — вздохнула она. — Никто этого никогда больше не увидит.

Кэти старалась говорить легко и непринужденно, но взять Виктора на крючок было не так-то просто. Он вздохнул — до чего же, мол, тяжело иметь дело с людьми, абсолютно не разбирающимися в квантовой физике, — и терпеливо произнес:

— Ты и вправду рассчитываешь на успех своего маленького представления? Да, Катрин, конечно, это обидно. И обидно вдвойне — ибо мы можем построить корабли, которые сумеют туда добраться.

— И зачерпнуть немного водорода, — добавила Кэти.

Виктор пожал плечами.

— Ну, возможно, так когда-нибудь и случится.

— Виктор, если Программа будет свернута, так *никогда* не случится. Эта экспедиция — последний шанс. Ты же знаешь, что наши корабли давно устарели, а новых строить не собираются — это решено твердо, и никто пока не хочет передумывать.

Лэндолфи закрыл глаза. Я прекрасно знал его мысли: Кэти Перт — не ученый, а всего лишь бывший тележурналист, и во время полета она только и делала, что спала, читала книги, смотрела фильмы и не выказывала ни малейшего интереса к нашим исследованиям. А мы тем временем успели совершить довольно значительные открытия в области тектоники, планетной климатологии и других наук, с точностью до нескольких миллионов лет установили дату образования Солнечной системы и поняли, наконец, *как* она образовалась! Но Кэти в своих репортажах говорила совсем о другом. Чего, например, стоили кадры, где Марджори Абюшон, нерешительно высунув голову из грузового люка, рассматривает поверхность Ганимеда! (Примерно так же, надо думать, Фернандо Кортес озирал накануне отплытия Атлантический океан.) Солнце ярко освещает флаг на скафандре Мардж, камера понемногу подъезжает ближе, а голос Германа Селмы торжественно возносит хвалу человеку, разрывающему свою пуповину. Текст, естественно, сочинила Кэти.

Сужать представления о неземном до границ человеческого понимания — таков был ее основной подход. А в репортаже, который потом признали лучшим, она и вовсе обошлась без слов: фотография двух человек, мужчины и женщины, стоящих около огромной ледяной скалы на Европе и освещенных сиянием трех лун, произвела сенсацию.

— Кэти, — сказал Лэндолфи, по-прежнему не открывая глаз, — я не хочу тебя обижать, но скажи: тебе-то какая разница? Когда мы вернемся домой, ты напишешь книгу, станешь известной, будешь признана

лучшей журналисткой. А Программа эта... тебе действительно небезразлично, что станет с ней ну, скажем, лет через двадцать?

Он бил в больное место: Кэти ни от кого не скрывала, что, невзирая на то, чем завершится наш полет, намерена получить Пулитцеровскую премию. Более того, она *пыталась* скрыть свое отношение к людям, добровольно подвергшим себя многолетнему заточению ради «собирания камешков», но за три года, проведенных в крошечных скорлупках кораблей, мы достаточно хорошо узнали друг друга.

– Да, – ответила Кэти, – разницы мне действительно никакой. Потому что через двадцать лет Программы просто не будет! – Она испытующе оглядела нас – изучить эффект, произведенный ее словами, – и, увидев саркастическую усмешку Айсмингера, продолжила:

– Наша экспедиция обошлась в кругленькую сумму, а ради чего? Думаете, налогоплательщиков интересует погода на Юпитере? Что мы увидели – камушки да облака газа? Это все игрушки для яйцеголовых!

Катрин говорила бесстрастно и несколько снисходительно, не переставая при этом мило улыбаться. К концу ее речи в глазах Виктора загорелся огонек скрытой ненависти. Я сел и задумался. Таких слов о Вселенной мне слышать еще не доводилось: ее называли «огромной», «чарующей», «бесстрастной» и даже «ужасной». Но *«скучной»* – никогда.

В итоге Виктор все-таки сдался и прочел текст – только чтобы от него наконец отвязались. Кэти была в восторге и три дня возилась с кассетами, не переставая на все лады расхваливать (естественно, не без злого умысла) «чудесный голос диктора». 24-го утром она передала свой репортаж на борт «Зеленой ласточки», а оттуда его ретранслировали в Хьюстон.

– Это станет гвоздем вечерней программы! – гордо заявила Кэти.

Вот так мы встретили в космосе наше третье Рождество. Работа на Каллисто, да и вообще в системе Юпитера была практически завершена. Экипаж, не скрывая радости, готовился в обратный путь, поэтому во второй половине дня все дружно решили отдохнуть. Айсмингер достал карты, мы уселись за стол и начали игру, сопровождая ее неспешными разговорами – в основном, конечно, о том, чем каждому хотелось бы заняться по возвращении на Землю.

Кэти рассказала о своем детстве в Орегоне и о пляже неподалеку от ее родного городка. Закончила она так:

– Как бы мне хотелось опять прогуляться по этому пляжу! Желтый песок, *синее* небо...

И тут Лэндолфи нас удивил: он поднял глаза от дисплея компьютера, надолго задумался и вдруг сказал:

– Знаешь, Кэти, я бы тоже очень хотел прогуляться по пляжу... вместе с тобой.

Виктор, в отличие от беспечных картежников, занимался серьезным делом: он разрабатывал новый двигатель, способный, по его расчетам, доставить корабль от Земли до Юпитера всего за несколько недель. Это служило Лэндолфи чем-то вроде хобби: Виктор все еще надеялся достичь звезд. Но время от времени он поднимал глаза от дисплея и украдкой бросал взгляд на Кэти. А та сегодня была особенно хороша.

Перед ужином мы посмотрели кассету с рождественским репортажем. У Кэти действительно получилось здорово, и когда экран погас, некоторое время еще царила полная тишина. Герман Селма и Эстер Кроули тоже зашли к нам полюбопытствовать. (Кстати, по ходу репортажа создавалось впечатление, что на Каллисто опустился только один корабль; на самом же деле их было два. «Почему?» – спросил я у Кэти. «Понимаешь, – ответила она, – этот мир такой чужой. Один корабль здесь – все равно что Дух Человеческий, а два корабля – просто два корабля».) Мы выпили за Виктора, а потом за Кэти. Как вскоре выяснилось, почти каждый из нас припас к этому вечеру бутылочку. Мы пели и смеялись, потом кто-то включил музыку и начались танцы – фантастические танцы, ибо сила тяжести, не превышавшая сотой доли земной, позволяла выделывать чудеса.

Мардж Абюшон, которая оставалась на орбите, передала нам сверху привет и поздравления, а затем сказала, что, по сведениям из Хьюстона, работа Кэти принята «весьма доброжелательно». В переводе с официального языка это означало, что начальство ни к чему не придралось. Впрочем, нам и так было известно: кто-то на самом верху настолько уверен в Кэти, что все ее материалы прямо из Хьюстона идут в эфир, создавая для зрителей видимость прямой трансляции.

Катрин к этому времени уже выпила немного больше, чем следовало бы, и не скрывала злорадного торжества:

– Наш последний репортаж – самый лучший! Никто и никогда его не переплюнет!

Эту фразу решили считать еще одним тостом. Лэндолфи взял свой бокал и, кивнув Кэти, осушил его до дна.

К сожалению, праздник продолжался недолго: система жизнеобеспечения нашего модуля не рассчитана на такое количество народу. (К слову сказать, даже для основного корабля шестерых будет многовато.) Мы уже собрались расходиться, но напоследок Кэти удивила всех. Она встала, подняла свой бокал и тихо произнесла:

– За Франка Стейница. И за его экипаж.

Франк Стейниц... Когда-то его называли великим человеком. Пятнадцать лет назад он возглавил первую дальнюю экспедицию. Ее задачей было исследование таинственного объекта, который «Вояджер» обнаружил на Япете, спутнике Сатурна. Главная же цель состояла в том, чтобы привлечь к хиреющей на глазах Программе самое пристальное внимание общественности. Экспедиция шла к Сатурну на пяти звездолетах (кстати, тех же самых, которые потом унаследовали мы); полет занял семь лет и завершился практически ничем. Стейниц начал героем, а вернулся неудачником. Газеты поносили астронавтов на все лады – их называли «символами прошлого», «героями вчерашних дней», а кто-то сравнил участников экспедиции с японскими солдатами, затерявшимися на одном из островов в Тихом океане: будучи полностью отрезанными от мира, доблестные самураи вели Вторую мировую войну до начала 70-х годов.

Люди Стейница дорого заплатили за свое безрассудство: долгие годы невесомости ослабили их мышцы и связки; некоторые страдали от сердечных приступов, а нервы практически у всех были ни к черту. В общем, как выразился один бойкий писака, «вот идут наши герои, издали напоминающие команду пенсионеров Национальной хоккейной лиги».

– Прекрасный заключительный тост! – сказал Селма и примиряюще улыбнулся.

Лэндолфи нахмурился:

– Послушай, Кэти, ты устроила Стейницу, да и нам тоже столько допросов, дабы... э-э... выяснить, в здравом ли мы уме, а теперь поднимаешь за него тост. Не слишком ли это лицемерно?

– Ну, ум его на меня особого впечатления не произвел, – ответила Катрин, уходя от скользкой темы, – но то, что он со своими людьми добрался вот в этих скорлупках... – Она ткнула пальцем вверх – туда, где кружились на орбите три наши старенькие «Афины». – ...на честном, как говорится, слове, до самого Сатурна, вполне заслуживает восхищения.

– Черт возьми, – сказал я, невольно поддавшись ее порыву, – а ведь мы летим на тех же самых кораблях!

– Вот именно, – подчеркнула Кэти.

Этой ночью мне не спалось. Я долго лежал, слушая негромкий храп Виктора и приглушенное щелканье реле в пульте управления. Кэти, едва различимая в полутьме, спала в кресле, с головой завернувшись в серое одеяло.

Конечно же, она была права: на эти камни никогда больше не ступит нога человека. Я повернулся на бок и увидел в иллюминаторе очертания хрупкого ледяного мира, озаренного призрачным светом Юпитера. Спокойствие и вечное безмолвие; разве что упадет случайный метеорит, а потом вновь тишина. Мы успели полностью изучить Каллисто всего за двенадцать дней...

И, как и следовало ожидать, ничего особенного не обнаружили. Кто знает, если бы легенды о венерианских лесах и каналах на Марсе оказались правдой, если бы Уэллс, Брэдбери и прочие не ошиблись в своих предсказаниях – возможно, Программа развивалась бы куда успешнее. Господи, какими же мрачными красками всегда рисовали первый контакт с марсианами! Но действительность оказалась куда хуже: человек вообще не полетел на Красную планету, настолько неинтересной была информация от автоматических зондов.

Вместо этого мы устремились к планетам-гигантам, теряя в тесных каютах кораблей здоровье и отдавая полету долгие годы жизни.

А ведь наши звездолеты могли стать куда лучше: например, в компьютере, возле которого спал сейчас Виктор, содержался проект принципиально нового ракетного двигателя. На Земле проводились успешные опыты с искусственной гравитацией – *настоящей* гравитацией, а не тем жалким ее подобием, которое достигалось на наших кораблях при помощи осевого вращения. Да и других разработок хватало: новые радары, новые материалы, новые сплавы. Но создание кораблей второго поколения обошлось бы в многие миллиарды долларов – где гарантия, что деньги не будут выброшены впустую? И что могло послужить стимулом для дальнейшего развития Программы? Разве только Катрин Перт явит миру чудо...

Прямо надо мной горела яркая звездочка, медленно перемещавшаяся с запада на восток, – это двигались по орбите три наших звездолета, состыкованные в единую связку. Как и экспедиция Стейница, мы летели на нескольких кораблях, что обеспечивало большую маневренность и надежность. При аварии одного из них мы вполне могли бы разместиться на двух оставшихся: ресурсы системы жизнеобеспечения это позволяли. Конечно, нам бы пришлось несколько тесновато, но тут уж не до жиру.

Я смотрел на связку, пока она не исчезла за горизонтом, а потом встал и включил гирлянду (Кэти ее погасила). Пусть горит, ведь на Каллисто никогда больше не придет Рождество.

Все наши корабли – «Верность», «Зеленая ласточка» и «Толстой» – были одного типа. «Толстой», которым командовал Виктор, бесследно ис-

чез вместе с экипажем; никто так и не узнал, что же с ними тогда произошло. Разъединив связку, мы развернулись в сторону Юпитера и начали разгон за счет его гравитационного поля. Миновав планету, корабли должны были вновь соединиться и отправиться, наконец, домой. На «Ласточке» нас летело трое: я, Герман Селма (руководитель экспедиции) и Кэти. «Афины» полностью автономны, поэтому они обычно маневрируют раздельно, экономя время и топливо, а затем вновь собираются в единое целое. В идеале связка должна была состоять из шести «Афин» и представлять собой огромное колесо (точнее, тор), но шестой корабль так и не построили, а еще два потерпели аварию во время экспедиции Стейница.

И вот на полпути между Каллисто и Ганимедом мы врезались в облако космической пыли – настолько мелкой, что радары ее не зафиксировали. (Кэти назвала его потом «космической мелью», а Айсмингер сказал, что это, по всей видимости, обломки так и не сформировавшегося спутника Юпитера.) В общем, наши корабли, двигаясь на второй космической скорости, пропахали по этой «мели». Взревели сирены; на пульте зажглось множество красных огоньков.

Поначалу мне казалось, что звездолет разваливается на куски. Герман с треском приложился об стену, а потом его швырнуло через распахнутый люк прямо в тамбур. Кэти я не видел, но слышал ее крик, раздавшийся в другом конце рубки. Мимо иллюминаторов пролетали куски обшивки. Откуда-то из недр корабля донесся глубокий вздох, свет мигнул и погас, но тут же загорелись аварийные лампы. От «Зеленой ласточки» с хрустом отвалилось что-то большое, и сразу же завыло еще несколько сирен. Я сидел, вцепившись в кресло, готовясь услышать последний в своей жизни звук – утробное кряканье ревуна, означающее разгерметизацию.

Меня снова вдавило в подушки, да так, что потемнело в глазах. (Столкновение произошло в очень неудачный момент – когда корабли производили разворот, – и теперь наша «Ласточка» двигалась в направлении, прямо противоположном требуемому.)

Наружный обзор не работал – следовательно, были разбиты все телекамеры.

Голос Кэти:

– Роби, ты жив?

– Вроде да.

– А где Герман?

Я заворочался в кресле, пытаясь обернуться.

– Не вижу... наверное, в тамбуре.

– Ты можешь встать и задраить люк?

Мне показалось, что она не поняла:

– Но ведь там же Герман!

– Если пробьет тамбур или грузовой отсек, ты все равно ничем ему не поможешь. А так мы можем погибнуть все вместе.

Она, безусловно, была права, но задраивать люк мне по-прежнему не хотелось: неприятно как-то... Впрочем, уже то, что он оказался открытым, являлось вопиющим нарушением инструкции.

– Кэти, – ответил я, – этот люк управляется с твоего пульта. Кнопка – в правом верхнем углу.

– В правом верхнем... да их тут полно!

– Ну, на все и нажми.

Я с трудом повернулся и наконец-то смог увидеть Кэти. Она сидела в кресле возле главного пульта управления, а перед ней светилась длинная цепочка красных огоньков: почти все люки были открыты, хотя при аварии они должны автоматически задраиваться.

«Зеленую ласточку» опять тряхнуло – на этот раз удар пришелся в носовую часть. С корпуса сорвался еще один кусок обшивки, а внутри корабля что-то с дребезгом покатилось.

– Роб! – послышался голос Кэти. – По-моему, она не работает...

На ее пульте продолжали гореть красные огни.

Наконец грохот прекратился. Я взглянул на часы – с момента первого столкновения прошло около трех минут.

Мы поспешили в тамбур, на помощь к Герману Селме. Он, неловко раскинув руки, парил в воздухе, окруженный ящиками с образцами минералов: корабль больше не вращался, и гравитация была равна нулю. Кое-как перетащив нашего командора в рубку – бледного, тяжело дышащего, залитого потом, – мы уложили его на диван. Кэти быстро приготовила компресс и приложила его к разукрашенному синяками лбу Германа; Селма застонал, приоткрыл на секунду глаза и, с трудом подняв руку, указал себе на грудь.

– Там... больно... Уф... словно в мясорубке побывал. – Он слегка повернул голову и взглянул на нас. – Что с кораблем?

Я оставил с ним Кэти, а сам наладил электричество, влез в скафандр и выбрался наружу.

Корабль представлял собой жуткое зрелище: все антенны вырваны с корнем, телекамеры разбиты, обшивка испещрена глубокими вмятинами, а около грузового люка зияет большая дыра. Посадочный модуль сорвало с креплений и унесло, от стыковочного узла остались жалкие ошметки, и перебираться из одного корабля в другой стало теперь непросто.

М-да, «Ласточку» неплохо пропесочило. Я вытащил обломки из сопел двигателя, присоединил обратно кабель, затянул крепления и, оглядевшись, заметил неподалеку огоньки – судя по их цвету, это была «Верность». Она медленно удалялась от нас, точнее, мы от нее.

– Кэти, вижу Мака! – сообщил я радостно. – Но, похоже, мы падаем.

Кроме Мак-Гайра, на борту «Верности» находился Айсмингер, а также, по счастью, Мардж Абюшон – наш врач. В моем радиотелефоне послышался голос Германа; командор говорил медленно и с трудом:

– Роб, наше радио не работает... Где «Толстой»? Где Виктор?..

Ганимед находился так близко, что на его поверхности отчетливо различались кратеры. Чуть выше горело холодным светом созвездие Плеяд – где-то рядом с ним должны были виднеться красно-зеленые бортовые огни «Толстого». Но напрасно я, щуря от напряжения глаза, озирался по сторонам. Ничего... Только одинокие Плеяды – «дождливые Плеяды», как называли их в древности.

– Не знаю. Вижу только «Верность», – медленно произнес я наконец.

Я оторвал кусок кабеля и соорудил из него некое подобие антенны, заменил несколько разбитых приборов и направился к двигателю – выяснить, удастся ли затормозить падение. Огромный красноватый диск Юпитера лил мягкий свет на наш изуродованный корабль.

– Иду к двигательной установке. Попробуйте еще раз вызвать «Верность».

– Хорошо, – отозвалась Кэти.

Два сопла были разнесены в щепки; я принес с корабля инструмент и попробовал хоть немного подремонтировать оставшиеся. Дело уже подходило к концу, когда в наушниках вновь послышался голос Кэти:

– Роб, ближняя связь вроде работает.

– Ну, и ладно: дальняя все равно пока ни к чему.

– Ты скоро закончишь?

– А в чем дело?

– Да я вот тут подумала... вдруг это облако опять нас зацепит.

– Ну, спасибо, – с чувством ответил я. – Не было печали...

– Может, тебе все же лучше вернуться?

– Как сделаю, так и вернусь. Что с командором?

– Без сознания, – дрогнувшим голосом произнесла Кэти. – Он и с тобой-то разговаривал в полубреду. Видимо, у него повреждено что-то внутри: он все такой же бледный и кашляет кровью. Роби, нам срочно нужна Мардж!

– Тебе удалось связаться с «Верностью»?

— Пока нет... — Про «Толстого» она ничего не сказала. — Скажи, Роб, а с нами-то что?

Я еще раз оглядел развороченный корпус и вздохнул: по его кормовой части тянулась длинная трещина, исчезавшая в районе дюз. Осторожно подобравшись к двигателю, я посветил фонариком внутрь камеры сгорания. Что-то ярко заблестело; эх, не должно бы там ничего блестеть... Я пригляделся и негромко свистнул: камера была забита прочной стекловидной массой — космическая пыль сплавилась с металлом в единое целое. Увы, двигателю нашей «Ласточки» никогда больше не заработать...

— Что случилось, Роб? — послышался в наушниках встревоженный голос Кэти. — Что-нибудь серьезное?

— Знаешь, — ответил я, — похоже, мы летим к Плутону.

Герман бредил: он принимал меня за Лэндолфи и горячо уверял, что все будет в полном порядке. Его бросало то в жар, то в холод, а пульс прощупывался хуже и хуже. Кэти осторожно укутала командора одеялом, подсунула ему под ноги несколько подушек и сменила нагревшийся компресс.

— Подушки все равно без толку.

Кэти непонимающе взглянула на меня.

— Ах да, невесомость же...

Я молча кивнул.

— Роб...

Ее взгляд скользнул по ящикам с образцами минералов, по наклеенным на них аккуратным ярлычкам: силикаты с Пацифии, сера с Гималии, карбонаты с Каллисто... Наша экспедиция выяснила, что Ио сформировался вне пределов Солнечной системы и что жизнь на Юпитере отсутствует; мы узнали, откуда у планет-гигантов берутся кольца и почему на Земле был ледниковый период. Но Кэти размышляла сейчас о другом: стоит ли научное любопытство ничтожной горстки академиков хоть одной человеческой жизни?

— Роб, — негромко сказала она, — до чего же мы здесь чужие... в этих хрупких скорлупках.

Я ничего не ответил.

— Послушай, — продолжала Кэти, — у меня еще такой вопрос... «Толстой» — исчез?

— Это и есть твой вопрос?

— Нет... Тут, к сожалению, все более или менее ясно: раз «Толстого» не видно на экране радара, значит... значит... — По ее щеке поползла слеза. Кэти глубоко вздохнула и быстро закончила:

– А наш корабль потерял управление. Поместимся ли мы на «Верности» *вшестером*?

– Придется поместиться.

– Я спрашивала не об этом.

– Ну, с едой будет туговато – тем более что у нас практически нет времени, чтобы забрать продовольствие с «Ласточки». Похудеем малость... но, думаю, не умрем.

Кэти замолчала и отвернулась к штурманскому пульту; на ее лицо упал неяркий желтоватый отсвет от приборов. Неловкую тишину, воцарившуюся в рубке, нарушало только прерывистое далекое гудение силовой установки корабля – отныне та могла работать лишь на минимальной мощности.

В наушниках послышался гнусавый голос Мак-Гайра:

– На связи «Верность». Герман, ты в порядке?

Кэти обернулась и взглянула на меня; я молча кивнул.

– Мак, – ответила она, – это Катрин Перт. Герман ранен. Нам срочно нужна Мардж.

– Вас понял. Насколько серьезны ранения?

– Мы не знаем. Судя по всему, у него повреждено что-то внутри; он в шоке и без сознания.

Голос Мак-Гайра вдруг отдалился – видимо, тот разговаривал с кем-то на борту. Примерно через минуту он сообщил:

– Мы идем к вам. Сейчас позову к микрофону Мардж. Что с кораблем?

– Плохо дело – стыковочный узел разбит, и двигатель, по-видимому, тоже.

– А точнее?

– Если включить тягу, корма отвалится.

Мак-Гайр негромко, но злобно выругался.

– Ладно, держитесь. Даю вам Мардж.

Кэти как-то странно посмотрела на меня и сказала:

– Засуетился Мак.

– Конечно: он же теперь главный.

– Слушай, Роб... а почему ты сейчас сказал: «*Думаю*, мы не умрем?»

– Дело в том, – ответил я, – что нам может не хватить воздуха.

«Зеленая ласточка» продолжала удаляться от Земли со все увеличивающейся скоростью. Пройдя на расстоянии 60 тысяч километров от Юпитера, она должна была выйти из орбитальной плоскости Солнечной системы и направиться к созвездию Южного Креста.

Кэти, как могла, ухаживала за Германом. Дыхание командора немного выровнялось, и временами он даже приходил в себя. Мы сидели рядом с ним и большей частью молчали.

– Ну, и что дальше? – спросила вдруг Кэти.

– Если мы не успеем перебраться на «Верность» в течение двух-трех часов, у той просто не хватит топлива на разворот. – Кэти вздрогнула, и я пожал плечами. – Вроде должны успеть.

– Роб, а как же мы перенесем туда Германа?

Вопрос был не из приятных: запихивать тяжело раненого человека в скафандр... Но по-другому не выходило.

– Что ж, придется через открытый космос. Мардж это наверняка не понравится.

– Да и Герману тоже.

– Послушай, – вырвалось у меня, – ты так жаждала высоких страстей. Я уверен, репортаж о нашем маленьком приключении будет иметь бешеный успех.

Лицо Кэти окаменело. Она отвернулась.

На одном из экранов появилась быстро приближающаяся «Верность»; было видно, что ее тоже здорово потрепало. Вообще-то «Афина» довольно невзрачна – толстая, тупорылая, со старомодной выпуклостью посередине, – но сейчас она казалась мне красавицей.

Кэти мрачно глянула на монитор и высморкалась.

– Накрылась твоя Программа, Роб. – Ее глаза потускнели. – Мы уже оставили здесь троих, а все остальные – если ты прав насчет воздуха – вернутся на Землю полными кретинами. Хорошенький сюжет для вечерних новостей, а? – Она бросила еще один взгляд на экран.

– Я надеялась... я так надеялась, что Виктор все-таки построит новый корабль и поставит на него свой двигатель. Увы! Теперь этого не произойдет никогда.

О воздухе я старался не думать. На наших кораблях его состав поддерживался за счет рециркуляции, и на трех-четырех человек мощности системы жизнеобеспечения вполне хватало. Но на шестерых... Нет, лучше пока об этом забыть.

Через несколько секунд от выходного шлюза «Верности» отделилась маленькая фигурка в скафандре с реактивным ранцем и направилась к нам. Это спешила на помощь Мардж Абюшон. В тот же момент из динамика вновь послышался голос Мак-Гайра:

– Роб, мы внимательно осмотрели ваш двигатель и полностью с тобой согласны: использовать его будет затруднительно.

До чего же Мак любил все преуменьшать! Он совершенно не подходил для роли командира, потому что умел только подчиняться, а ес-

ли сталкивался с какой-нибудь достаточно сложной проблемой, то делал вид, что ее вообще не существует. Он никогда не участвовал в спорах, ибо ставил чужое мнение гораздо выше своего. В экспедицию Мак-Гайр попал случайно: один из членов основного экипажа умер, а его дублер, едва услышав про это, «неожиданно» заболел. Мак неплохо разбирался в бортовом оборудовании «Афин», но выполнял свои обязанности без особого рвения. Его единственной мечтой было получить хорошую пенсию и поселиться на маленькой ферме где-нибудь в сельской глуши.

И вот Лэндолфи погиб, Селма тяжело ранен, и Мак-Гайру волей-неволей пришлось нами руководить.

– Значит, так, – продолжал он. – У нас есть всего четыре часа, так что пусть Мардж поторопится. Не давайте ей затевать ничего серьезного – Германа *обязательно* нужно перенести сюда. В общем... ну, вы поняли?

Мак озабоченно глядел с экрана монитора куда-то мимо нас. Волосы его были взъерошены, а губы тряслись. М-да, славный нынче у нас командор.

– Но ведь так мы можем его погубить! – возразила Кэти.

– А *иначе* вы наверняка его погубите, – огрызнулся Мак-Гайр. – И не забудьте прихватить свои вещи: обратно вы уже не вернетесь.

– Как быть с продовольствием? – спросил я.

– Мы не можем пристыковаться, а на другое просто нет времени.

– Мак, – негромко спросила Кэти, – а хватит ли нам воздуха? Всем шестерым?

Тот ответил не сразу. Отвернувшись от экрана, он поговорил о чем-то с Айсмингером и наконец сказал:

– Может, и нет. – И сразу же: – Как себя чувствует Герман?

Вопрос был задан самым нейтральным тоном. Наверное, мне померещилось... но тогда, выходит, Кэти померещилось тоже – она повернулась к экрану и прошипела:

– Ну, и сукин же ты сын!

Не знаю, слышал ли ее Мак-Гайр.

Марджори Абюшон была невысока, стройна, светловолоса – и крайне раздражена. Когда я сказал ей о времени, она воскликнула: «Господи, последний час я только об этом и слышу!» – и, склонившись над Германом, осторожно вытерла с губ командора кровавую пену. Затем Мардж позвала Кэти и достала шприц. Я вышел в коридор и, прикрывая за собой дверь, услышал:

– Судя по всему, повреждено легкое.

Морские традиции почему-то не прижились в космосе. Для моряка корабль – одушевленное существо: инженеры холят его и лелеют, матросы с гордостью произносят его имя, а капитан, бывает, даже уходит с ним на дно. На просторах же Галактики основную роль играет *миссия* корабля – взять хотя бы «Аполлон-11» или «Вояджер». Кэти объясняла это тем, что межпланетные экспедиции пока еще напоминают плавание по океану на деревянных плотах, и посему грандиозность *миссии* затмевает все остальное.

Но я провел на «Зеленой ласточке» три долгих года. Она стала мне домом, ее тонкая оболочка оберегала меня от первозданного хаоса. И теперь, стоя в дверях своей каюты, я испытывал щемящее чувство расставания.

На спинке кровати висела моя рубашка, рядом с дисплеем плавал в воздухе свитер, а из-под стула высовывались задники стоптанных тапочек. К стене были пришпилены две картинки – фотография очень живописного моста в Нью-Гемпшире и карикатура из «Вашингтон пост». (История этой карикатуры такова. Все человечество крайне занимал вопрос: как доблестные герои проводят свое свободное время? Не одолевает ли их космическая скука? И Кэти показала человечеству наш славный экипаж, коротающий долгий путь за игрой в бридж. Через неделю появилась карикатура: четверо астронавтов – мы опознали в них Селму, Лэндолфи, Мардж и Эстер Кроули – сидят за столом с картами в руках, а за ними пристально наблюдает через иллюминатор огромный красный глаз. В соседнем иллюминаторе видно щупальце, и чуть поодаль – летающая тарелка. Герман, характерным жестом поправляя очки, изрекает: «Пасующий надевает скафандр и идет устанавливать контакт».)

Я сунул фотографию в сумку, а карикатуру оставил: вдруг через пару миллионов лет кто-нибудь наткнется на наш корабль – пусть малость посмеется... Перекинув ремень сумки через плечо, я направился обратно в рубку.

Мак-Гайр поинтересовался, как продвигаются наши дела, и я ответил, что неплохо. Через несколько минут он вновь поинтересовался, и я вновь ответил. Этим я и занимался три последующих часа.

Наконец сзади меня неслышно возникла Кэти:

– Роб, мы готовы. Мардж говорит, что если по дороге мы ничего больше ему не сломаем, то все будет в порядке.

Мы осторожно понесли Германа к выходу. Кэти была бледна, неразговорчива и выглядела несколько отрешенной: видимо, и ей последние минуты на «Ласточке» давались нелегко.

Мардж сообщила Мак-Гайру, что мы надеваем на Германа скафандр, и попросила приготовить ножницы – разрезать его, когда доберемся.

– Вообще-то, – сказала она мне, – для таких случаев нужно бы специальное приспособление – вроде большого герметичного мешка. Если, конечно, в космос все-таки продолжат летать...

– Поторапливайтесь! – прервал ее Мак-Гайр.

Пока мы осторожно натягивали скафандр на командора, глаза Кэти несколько раз встретились с моими – казалось, она хочет что-то сказать, но никак не решается. Наконец я приладил шлем и отрегулировал подачу кислорода. Мардж облегченно вздохнула:

– Ну, вроде всё. Понесли...

Мы перетащили Германа в шлюз и, усадив на «космический мотоцикл» (маленькое кресло с реактивным двигателем, которым пользовались при выходе в открытый космос), тщательно зафиксировали ремнями. Свою сумку я тоже привязал к «мотоциклу».

– Я вам пока не нужна? – спросила Кэти. – Может, летите тогда, а я пойду соберу шмотки?

– Давай, – ответила Мардж. – Возьмешь мой реактивный ранец – он снаружи, возле люка.

Кэти вышла из шлюзовой камеры, немного помедлила, обернулась и помахала нам рукой. Затем, странно округлив глаза, она через силу улыбнулась и произнесла короткое, всего из двух слогов, слово. Слово, бесповоротный смысл которого дошел до меня лишь когда мы были уже на полпути к «Верности», а крышка выходного люка давно за нами захлопнулась.

– Про-щай!..

Кэти в упор смотрела на нас с доброго десятка экранов. Темные волосы, обычно перехваченные лентой, сейчас были распущены и свободно лежали на плечах. Похоже, она все-таки плакала, но взгляд ее был тверд и решителен – лишь грудь так и ходила ходуном под серым комбинезоном.

– Перт, какого дьявола ты еще там? Чем ты занимаешься? – угрюмо поинтересовался Мак-Гайр. Он выглядел усталым и больным. Мак сильно растолстел за время полета, его волосы поседели и поредели, а лицо, изборожденное глубокими морщинами, украсилось дополнительным подбородком. На Земле он был гораздо привлекательнее.

– Давай быстрей! – Мак старался говорить спокойно. – У нас почти нет времени!

— Я остаюсь здесь, — ответила Кэти. — Да и все равно уже поздно, я не успею даже надеть скафандр.

Мак-Гайр закрыл усталые, налитые кровью глаза.

— Почему? — негромко спросил он.

Кэти улыбнулась нам со всех экранов и сказала:

— Твой корабль слишком мал для шестерых.

— Черт побери! — Мак сорвался на визг. — Нам пришлось бы просто меньше двигаться и больше спать! — Он помахал рукой перед лицом, словно разгоняя дым. — Кэти, все кончено. Ты не вернешься с нами.

— Я знаю.

Все молчали. У Айсмингера отвисла челюсть.

— Как Герман? — спросила Кэти.

Я ответил:

— Мардж от него не отходит. Говорит, все будет в порядке.

— Хорошо.

На пульте управления зажглось несколько желтых лампочек: до старта оставалось две минуты. Вдруг я испугался: не заденет ли наша реактивная струя «Зеленую ласточку»? Мак-Гайр, видимо, тоже об этом подумал; его пальцы быстро пробежали по клавишам, и на дисплее высветился длинный ряд цифр. Я увидел, как напряглись желваки на скулах Кэти — стиснув зубы, она ждала приговора.

— Все в порядке, — сказал наконец Мак. — Ее не зацепит.

— Кэт... — Айсмингер еле сдерживал рыдания. — Если б я только знал, что ты...

— Да, Эд. — Ее голос был нежным и спокойным, и она улыбалась, хотя из глаз катились слезы.

Где-то далеко внизу загудели топливные насосы.

— Как я хочу, — бесстрастно произнес Айсмингер, не отрывая взгляда от экрана, — хоть чем-нибудь помочь.

Кэти улыбнулась в последний раз и, грациозно повернувшись, ушла в глубину рубки. Теперь она осталась только на одном экране — изящный профиль, мягко подсвеченный огоньками штурманского пульта, далекий и щемяще прекрасный.

— Ты... *можешь* помочь, — сказала она. — Построй двигатель, который изобрел Виктор. И вернись за мной.

На секунду мне показалось, что Мак сейчас отменит старт, но он сидел, сжав кулаки, и все делал правильно — то есть ничего не делал. Я вдруг понял: Мак-Гайр органически не способен вмешиваться в естественный ход событий.

И еще я знал, что женщина, оставшаяся в темной рубке, смертельно испугана тем, что она совершила. Представление прошло великолепно, но ей так и не удалось скрыть ужас в самой глубине глаз. Внезапно и отчетливо я осознал: Кэти хотела спасти не себя, а Программу.

Когда включился двигатель, ее лицо словно окаменело – лишь теперь она окончательно поняла, *что* ей предстоит, – а потом вдруг исчезло.

– Где картинка? – рявкнул Айсмингер.

– Она выключила камеру, – ответил я. – Видимо, не хочет, чтобы мы *сейчас* ее видели.

Эд окинул меня мрачным взглядом и, стиснув кулаки, повернулся к Мак-Гайру.

– Какого черта... неужели вы не могли схватить ее и силком притащить сюда?

– Но мы же не знали, – ответил я. – Разве о таком догадаешься?

И про себя подумал: «А разве нет?»

Когда стартовый импульс закончился, корабли разошлись всего на несколько километров – и в то же время между нами разверзлась пропасть, громадность которой неподвластна человеческому воображению.

– Кэти, Кэти, Кэти, – непрерывно повторял Айсмингер в микрофон. Ответом ему было молчание.

Вдруг ее голос пробился сквозь помехи, и в тот же момент вновь вспыхнули экраны.

– Хорошо, – сказала Кэти. – Великолепно! Проверьте кассету – убедитесь, что все записалось как следует. – Она аккуратно перевязала волосы ленточкой; ее глаза были подведены, а губы тщательно накрашены.

– Роб, – продолжала Кэти, – не забудь особо проработать то место, когда Эд называет меня по имени, – убавь звук до предела, наложи посторонний шум. И никаких комментариев о том, кто виноват! Нам нужна жертва *обстоятельств*, а не оплошности.

– Господи, Кэти... – Я все еще не мог опомниться. – Что ты наделала?!

Она глубоко вздохнула.

– Я уже все вам сказала. Еды мне хватит лет на восемь, а то и больше; воздуха – *хоть залейся*. Вшестером нам пришлось бы куда хуже.

– Кэти! – прямо-таки взвыл Мак-Гайр. – Это же были прикидочные

данные! Да еще с большим запасом! Система жизнеобеспечения вполне могла бы потянуть шестерых. Это была только прикидка...

– Ладно, хватит, – оборвала его Кэти, – теперь это уже неважно. Послушайте! Со мной все будет в порядке: у меня есть что посмотреть, есть что почитать и есть что *написать*. Так как дальней связи крышка – Роб знает, – вам надо вернуться хотя бы за моей книгой. – Она улыбнулась. – Мак, тебе понравится, как я пишу, вот увидишь!

В рубке «Верности» стояла мертвая тишина.

– А ночью, если мне станет совсем одиноко, я поиграю в бридж с компьютером.

Мак-Гайр покачал головой:

– Ты уверена, что все будет в порядке? Пять минут назад ты казалась такой расстроенной.

Кэти опять улыбнулась и подмигнула.

– Мак, – сказал я, – ей наконец-то удалось сняться в кино.

– Не понимаю... – Мак-Гайр развел руками. – Почему? – Он придвинулся ближе к экрану. – Почему ты это сделала?

– Та молодая женщина, – ответила Кэти, – совершила, что называется, поступок высокой доблести. Это далось ей нелегко, и она могла показаться вам испуганной и расстроенной.

«И вызывающе прекрасной», – подумал я. И понял вдруг, *что* значит любить Катрин Перт.

– А эта Кэти, – улыбнулась она, – честно заработала право на отдых – на долгий отдых. Постарайтесь построить корабль; я буду вас ждать. И прилетайте на нем... если сможете. – Катрин помолчала. – Наверное, его назовут в честь Виктора.

Я встречаю на Земле уже пятое Рождество. Немалый срок... Связь с Кэти мы потеряли примерно через неделю. Вначале она хотела починить антенну дальней радиостанции, и я уже начал готовить инструкции, но для этого ей пришлось бы выходить в открытый космос, так что затея была благоразумно отклонена.

А насчет кассеты она оказалась права: весь мир словно поднялся в едином порыве. Люди вновь обратили глаза к небу и настойчиво требуют ускорить Программу. Звездолет Виктора Лэндолфи почти построен: десятка три или четыре стран предложили НАСА свое содействие.

Айсмингер занимается бортовыми компьютерами этого корабля и держит меня в курсе дела. Запуск был намечен на весну, но Эд написал «СЕНТЯБРЬ» – значит, опять встретились какие-то трудности. Значит, Кэти пробудет там еще год.

Специально для нее ведутся постоянные радиопередачи – я тоже вы-

звался в них участвовать и иногда часами говорю в микрофон. Ей рассказывают о новостях политики и достижениях техники, о спорте и развлечениях – и многое, многое другое. Если Кэти слышит нас, то знает: мы идем.

И она знает, что имя нового звездолета – не «Виктор Лэндолфи». Его назвали «Катрин Перт».

Если слышит... Мы не знаем, доходят ли до Кэти все наши послания. А вдруг нет? Сумеет ли человек прожить шесть лет в полной изоляции? Правда, летом ко мне заезжал Айсмингер – уж он-то не сомневается.

– Кэти – крепкая девушка, – не раз повторял Эд. – Выбить ее из колеи просто невозможно. Помнишь, она даже устроила нам под конец небольшое представление?

Актерские способности Кэти – вот это меня и пугает. Я думаю об этом все пять лет. У меня есть копия последнего репортажа (хотя МакГайр и не рекомендовал ее оставлять), которую я смотрел много раз. Смотрел до тех пор, пока мне не стало страшно. Теперь она запрятана глубоко в шкафу, под грудой старых папок.

Там, на коричневой магнитной ленте, две Катрин Перт: перепуганная отважная девушка, чей образ покорил весь мир, и наша обычная Кэти – стройная, гибкая, вечно занятая работой и абсолютно невозмутимая.

И я не знаю, которая из них настоящая.

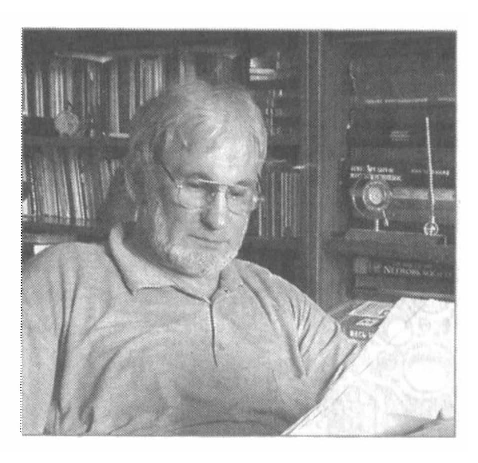
Перевод Алексея Богданова

БРАТЬЯ ПО РАЗУМУ

Геннадий Прашкевич:

«Угнать бы ладью у Харона...»

Геннадий Мартович Прашкевич — прозаик, поэт, переводчик. Родился на Енисее, живет на Оби, с палеонтологами и вулканологами объездил, исходил в маршрутах Сибирь, Урал, Алтай, Сахалин, Камчатку, Курильские острова, плавал по трем океанам, посетил немало зарубежных стран. Столь обширная география странствий не помешала ему стать автором множества научно-фантастических, исторических, психологических книг. Среди них — «Кот на дереве» (1991), «Шкатулка рыцаря» (1996), «Пес Господень» (1998), «Секретный дьяк» (2001), «Разворованное чудо» и «Великий Краббен» (2002). А еще его перу принадлежат биографии знаменитых ученых и знаменитых поэтов, несколько детективных романов о становлении отечественного бизнеса... Резонно предположить, что такой человек должен быть замечательным собеседником, «мастером историй», — и это полностью соответствует действительности. Редакция хотела бы, чтобы читатели «ЗД» побывали на том интеллектуальном карнавале, в который превращается живое общение с писателем.

— Геннадий Мартович, говорят, что писатель, которому за 50, начинает повторяться, что он уже не в состоянии удивить читателя, создать шедевр. Сказано это, конечно, не о вас. Вы умеете и любите удивить. И все-таки прокомментируйте сказанное.

— Возраст — это определенное восприятие жизни и соответствующая реакция на нее. Мудрость не

всегда приходит вместе с возрастом, чаще всего она отстает где-то, но если ты не перестаешь удивляться голосам за окном, свету, теням, женщинам, птицам, книгам друзей, значит, жизнь продолжается и ты еще на что-то способен. Я ведь из того поколения, которое всячески пытались научить ходить строем. Одни, противясь, искали прибежища в алкоголе и гибли, другие бездарно растранжирили свой талант в безуспешных попытках лукавого приспособленчества, но те, кто выжил, юмора не утратили.

Мне повезло. Такой характер. Я всю жизнь занимался тем, чем хотел заниматься. Конечно, это лишало меня некоторых удовольствий, а время от времени власти предержащие отлавливали меня, как снежного человека, но это тоже шло в кайф. Михаил Петрович Михеев и Аркадий Натанович Стругацкий вовремя открыли мне главный секрет творческого человека: работать всегда, в любой ситуации. Тебя бьют, гоняют, не печатают, уничтожают тиражи твоих книг, а ты работай. Если изнасилование неизбежно, сами знаете... Любимый мною Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин не зря жаловался: «Ах, это писательское ремесло! Это не только мука, но целый душевный ад. Капля по капле сочится писательская кровь, прежде нежели попадет под печатный станок. Чего со мною ни делали! И вырезывали, и урезывали, и перетолковывали, и целиком запрещали, и всенародно объявляли, что я – вредный, вредный, вредный...» То же и со мной, но я-то знал: надо работать!

И учиться, само собой.

— Учеба писателя предполагает какие-то особенные формы!

– Разумеется. Учиться надо хорошо. Даже если учишься плохому, учиться надо хорошо.

Выпиваешь рюмочку коньяка с хорошим человеком – непременно чему-нибудь такому научишься. Выпиваешь рюмочку водки с плохим человеком – обязательно еще чему-то научишься. Покойный Сергей Александрович Снегов не уставал повторять: «Гена, выпивайте чаще. Гена, выпивайте с разными людьми. Иначе как вы поймете прихотливый ход их мыслей?»

И действительно. Нет плохих новостей из Сиккима.

Однажды в Переделкино в библиотеке Дома творчества писателей я услышал поэта Августа Мурана – худого смуглого якута с длинными черными волосами. Он кусал ногти, трагически улыбался, невыразимо страдал. Простой якутский поэт по имени Август. Оригинально. Как болгарка, носящая имя Федя.

«Я печатаюсь только во Франции, – сказал он. – Меня не знают в Якутске, и не знают в Москве, зато знают в Париже. Я ввел в мировое искусство совсем новый мотив. Моя миссия: открыть лю-

дям глаза на открытый мною главный скрытый двигатель мирового искусства».

Понятно, я по старинке считал, что таким двигателем является основной инстинкт, но якут по имени Август открыл мне глаза. «Лепра! – сказал он с придыханием. – Все человеческое искусство порождено лепрой. Проказа как состояние духа – вот над чем следует думать. Истинный мир – это мир прокаженных. – Он поднял над собой длинный палец. – А остальное человечество, все эти так называемые здоровые люди, пока избежавшие лепры, – просто больные».

Я был в восторге. Я многому научился у скромного якута по имени Август. Правда, на мою просьбу прочесть стихи он скромно ответил: «Да, я прочитаю. Но это французский текст». – «А может, вы воспользуетесь якутским?» – «Я не пишу на диких наречиях. Я диктую переводчикам с голоса».

Рядом в каморке старого корпуса переругивалась с такой же дряхлой подружкой почти столетняя Анастасия Ивановна Цветаева. Улица Петра Павленко упиралась в дом Бориса Пастернака. Бродил по дорожкам Лев Эммануилович Разгон. Круглые колени моей соседки безмолвно кричали об основном инстинкте. Но человек говорил о лепре, он сделал открытие!

Это и есть писательская учеба.

– Геннадий Мартович, недавно в издательстве «Ин фолио» вышла книга, написанная вами в соавторстве с Евгением Ёлкиным. О чем эта книга? Почему она называется «Берега Ангариды»?

– Евгений Александрович Ёлкин – крупный палеонтолог, заслуженный деятель науки РФ, доктор геолого-минералогических наук, член-корреспондент старейшего в Европе Сенкенбергского научного общества (ФРГ). Занимается он палеозойскими трилобитами, конодонтами. Вместе с ним мы когда-то начинали работать в Институте геологии и геофизики Сибирского отделения АН СССР – с первого года его существования. Но мои пути вели совсем в другую сторону, хотя Господь знает, как заново сводить людей. Вот на столе трилобит, подаренный Женей, – Elrathia kingi, истинная очаровашка. Возраст – полмиллиарда лет. А вы о возрасте...

Ангарида, материк, занимавший в палеозое место нынешней Сибири, был идеальным местом для развития беспозвоночных. Здесь установлены самые крупные из когда-либо существовавших на Земле барьерных рифов. Они в несколько раз превышали объем и протяженность современного гиганта органического происхождения – Большого барьерного рифа Австралии. Развитие жизни в палеозойское время и является содержанием написанной нами книги. Строматолиты, архео-

циаты, трилобиты, брахиоподы, цефалоподы – чуден мир при любой погоде! Конечно, изучать прошлое по окаменелостям – это все равно что восстанавливать жизнь шумевшего когда-то гигантского города по остаткам его многочисленных кладбищ... Но почему нет, если это дает результаты?

– Писатель, создающий научно-популярные книги, должен, казалось бы, тяготеть к научной фантастике, но вы пишете фантастику, скажем так, не всегда «точную». Иногда вы трактуете события несколько вольно для человека, уважающего хорошо организованный мозг. Что для вас фантастика?

– Фантастика – это мир, в котором мы все, возможно, хотели бы жить, но в котором, к счастью или к сожалению, жить никогда не будем, хотя живем в нем с первого до последнего часа.

Собственно, я никогда не писал фантастику как фантастику. В этом мы были солидарны с Борей Штерном, моим покойным другом. То, что я пишу, произрастает из зерен личного опыта. Например, «Реквием по червю» – мое открытие нравов Средиземноморья, «Царь-Ужас» – часть биографии моего отца и его товарищей, «Парадокс Каина» – дыхание Азии, любимой и ужасной, в романе «Апрель жизни» снежный человек правомерен, как все другие действующие лица, в романе «Поворот к Раю» главный герой занимается изучением ОЭ – организованных элементов. И все такое прочее. Живой мир – живые отражения. Когда Сережа Лукьяненко утверждает, что верит в любой из описанных им миров, я улыбаюсь. Я сразу вижу клип «татушек» «Мы продолжаем простые движенья...».

– Ваша оценка нынешнего состояния отечественной фантастики?

– Имен много, событий мало. Я имею в виду значимые события, какими были в свое время книги Стругацких, Савченко, Снегова, Гуревича, Платова, Колупаева, Штерна. Торжество фэнтези можно считать прогрессивным только в том смысле, в каком прогрессивным бывает паралич. Полцарства за коня – понятно, лягушка-царевна тоже вызывает неподдельный интерес, даже Кощею Бессмертному, прячущему яйца на дереве (чтобы не напинали), могу посочувствовать, но бесконечные мечи, но волшебные чебурашки...

– Однажды вы написали: «Я не вижу Бога в пределах своей ограниченной Вселенной...» Что это значит?

– Мне кажется, что, создавая живых существ, Большой старик сразу знал, кто кому пойдет на корм, правда, будучи гуманистом, оставил нам возможность некоего выбора. Из этой вот странной возможности произрастает все мировое искусство. Не советую давать Большому старику со-

ветов, но обходить его запреты необходимо. Искусство – это как раз умение обойти запреты. Почему-то мне кажется, что удачные движения в этом направлении всегда по душе Большому старику. Он отворачивается, но смеется. Я, например, видел, как две студентки-практикантки, вернувшись с сопки Батальонной на острове Итуруп, по-разному отнеслись к предложенному им стакану спирта. Та, что выпила, не получила даже насморка, несмотря на жестокое переохлаждение (они провели без огня под открытым небом всю ночь), а вот вторая (та, что отказалась от спирта) ко всему прочему еще и забеременела.

Так что не надо дразнить Большого старика.

— У каждого автора есть «ближний круг», так или иначе влияющий на его творчество...

– Моя жизнь всегда проходила в научной среде. В этом мне крупно повезло. С самого начала я живу в новосибирском Академгородке – несомненно, одном из самых значительных мировых научных центров. Некоторые мои друзья давно академики, другие – доктора наук. Жена – геофизик, дочь – врач. Внуки тоже интересуются наукой. Правда, такая вот закономерность: чем дальше от Новосибирска, тем почему-то больше друзей-писателей...

— Женщина — надежная спутница жизни...

– Плохих не держим.

— ...и женщина, которую мы любим горячечной плотской любовью...

– А как же без этого?

— ...это одна и та же женщина!

– Без комментариев.

— Что должно больше волновать писателя — некое пространство (миры) или время («столетье на дворе»)?

– Говорят, что душа может существовать отдельно от тела. Не знаю... Угнать бы ладью у Харона... Надо будет переговорить с Женей Лукиным... Вы ведь знаете, наверное, как хорошие девочки должны есть шоколад?

— Как?

– С отвращением.

— И все же?

– А если всерьез, то Пространство и Время неразделимы. Двадцатый век для меня – это и София, и Тбилиси, и Стамбул, и юго-восток Азии, и Питер, и Нью-Йорк, но это одновременно и Оттепель, и Карибский кризис, и любовные истории, и высылка Солженицына, и гонения на фантастику, и друзья. Главное – рассказывая о пережитом, найти верную интонацию. Тогда сюжет становится вторым делом, и слова приходят сами. Георгий Иосифович Гуревич мечтал написать о сорок восьмом годе, о молчащем телефоне, о некоем друге, делающем себе имя на вещах загнанного в угол космополита безродного... Не пришла нужная интонация... Может, теперь об этом расскажу я...

— Фантастический роман «Царь-Ужас» и исторический роман «Секретный дьяк» — очень разные произведения. Но и там, и там речь идет о жизни, о любви, о смерти, о вечных проблемах. Означает ли это, что писатель всегда работает на вечность?

— Писатель — он как троякодышащая рыба. Должен дышать и так, и вот этак, и еще вот так. Писатели — черви, перерабатывающие листву быта, удобряющие вечность. Бессмертен лишь вид, это понятно, любой индивид смертен. Видите, сколь многому я научился у якутского поэта с коренным именем Август? В свое время Виталий Бугров мечтал, что писатели-фантасты станут когда-нибудь как кукушки Мидвича: будут все знать с первого часа рождения. Вот тогда появятся необыкновенные вещи, рассчитанные на вечность. Произнося это, Виталий сильно вздыхал, прикидывая возможности наших фантастов. Ведь все начинают с нуля, а вечность — она и есть вечность. Недавно я закончил повесть «Белый мамонт». Это перевод с неандертальского. Еще одна попытка понять, «из какого сора растут стихи, не ведая стыда». Творят ли искусство жалкие калеки, выбрасываемые из активной жизни обстоятельствами, или истинное искусство создается все-таки исключительно сильными личностями? В некотором смысле над этим все задумываются — и реакционный романтик Бушков, и гуманист без берегов Кир Булычев. Неандертальцы мечтали о совершенном орудии. Они мечтали построить Большое копье для охоты на огромного мамонта. Они хотели иметь много вкусного жира и мяса. И мечта сбылась: они построили Большое копье. Правда, к этому моменту исчез объект — мамонт вымер.

Так часто бывает в истории.

— Ваши планы?

— Пиратский роман. Настоящий северный пиратский роман, для написания которого собраны уже все материалы. В каком-то смысле этот роман примкнет к историко-авантюрным романам «Секретный дьяк», «Тайна полярного князца», «Носорукий». Одновременно работаю над книгой веселых фантастических рассказов и над книгой о многих превосходных вещах «Малый Бедекер по НФ», главы из которой время от времени печатаются в журнале «Если». Это достаточно широкая панорама литературной жизни с 60-х годов прошлого века по наши дни. Разумеется, многое в «Малом Бедекере» связано с отечественной фантастикой, с ее историей, с ее творцами. Люди слишком быстро уходят, еще быстрее забываются...

Да много чего хочу, как говаривал герой одной античеловечной повести.

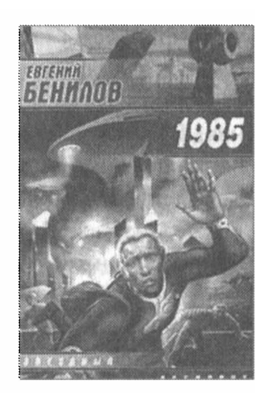
Беседовал
Владимир Ларионов

Рецензии

Сослагательное наклонение

Бенилов Е. 1985: Роман. – М.: АСТ; Донецк: Сталкер, 2003. – 288 с. – (Звездный лабиринт. Библиотека фантастики «Сталкера»). 6000 экз. (о) ISBN 5-17-015485-2

Не многократно воспетый оруэлловский 1984-й, а 1985 год стал для СССР знаковым и рубежным. Именно в этом году была поставлена точка в истории периода, который чуть позже назовут «застоем». В 19 часов 10 марта ушел из жизни генеральный секретарь ЦК КПСС К.У.Черненко, последний советский лидер старой закалки. И все-таки этот год почему-то не воспринимается массовым сознанием как переломный. В отличие от 1914-го, 1917-го или 1941-го, события 1985-го не вызывают ни малейшего желания взглянуть на них сквозь волшебную лупу «А что, если бы...». Слишком очевидно все к тому и шло, слишком намозолили глаза траурные процессии, провожающие в последний путь одного генсека за другим. Не Горбачев, так кто-нибудь другой, не в этот раз, так в следующий... ЦК КПСС, десятилетиями сопротивлявшийся ротации кадров, сам загнал себя в угол. Перед нами тот редкий случай, когда у истории действительно нет «сослагательного наклонения», больно жестко все обусловлено и предрешено.

В этом смысле альтернативно-историческая конструкция Евгения Бенилова, допустившего, что 1985-м Политбюро с перевесом в один голос могло проголосовать за Григория Романова, выглядит довольно шаткой. Только несомненный талант автора заставляет закрыть глаза на множество мелких натяжек и логических нестыковок. Впрочем, эта антиутопия и без того полна фантастических, гротесковых деталей: например, в честь победы Романова каждый новый год в Союзе Евразийских Коммунистических Республик считается 1985-м. Равняясь на классика, Бенилов разобрался со временем более радикально, «остановив мгновение» на государственном уровне: за книгу, изданную «до 1985 года», герой рискует загреметь в лагерь... Да и сам СКЕР, существующий *«во враждебном окружении Соединенных Штатов Океании и Восточно-Азиатской Народной*

Республики» (оруэлловских Океании и Остазии), представляется этаким фантомом, колоссом на глиняных ногах. Франция и Италия, Греция и Афганистан, живущие по законам советской провинции... Трудно представить, что СССР 1985 года был способен на подобную экспансию. То и дело в повествование врываются отрывки из передач о доярках Афинской области, перевыполнивших план марсельских докерах, сицилийских колхозниках... Маловероятно, конечно, – но эти сочные, колоритные детали не кажутся лишними, напротив, добавляют повествованию жизни.

Главный герой, московский математик Эрик, маленький человек, ставший жертвой штатной провокации Комитета политической гигиены, вполне типичен для антиутопии российского образца. В отличие от западных товарищей по несчастью, такой персонаж понимает все недостатки системы, прекрасно видит лицемерие и лживость принципов, на которых она основана, – но не спешит подниматься «на бой кровавый, святой и правый», ибо сознает, что любой бунт бессмыслен, пока система не начнет разваливаться сама. Эрику чудом удается вырваться из подвалов Лефортово, он проходит все круги ада, попадает то к уголовникам, то к подпольным хиппи, ему сказочно, невозможно везет – но он все же обречен и сам ясно это чувствует. Выхода нет, катарсис, который он испытывает, разделавшись с героем своих кошмаров, Человеком В Сером Костюме, – кажущийся, однако в этом и таится обаяние антиутопии, скроенной по оруэлловским меркам. Хотя использовать книгу как лекарство от депрессии я бы все-таки не рекомендовал.

Василий Владимирский

Семь кругов рая

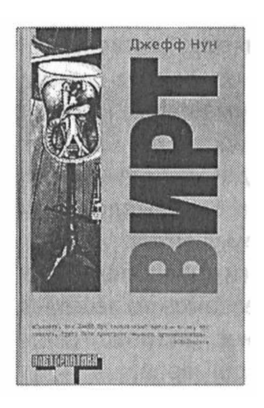
Нун Дж. Вирт: Роман / Пер. с англ. – М.: АСТ, 2003. – 316 с. – (Альтернатива). 5000 экз. (п) ISBN 5-17-015314-7

Событие, о необходимости которого столько говорили отечественные поклонники маргинального киберпанка, наконец свершилось: культовый роман Джеффа Нуна «Вирт» был переведен на русский язык.

Действие романа происходит в недалеком будущем. Вирт – это гремучая смесь наркотической и виртуальной реальности, что-то вроде волшебной страны Питера Пэна, куда убегают не желающие взрослеть дети, в данном случае – инфантильные тинэйджеры. Но эта волшебная страна принадлежит XXI веку со всеми вытекающими отсюда последствиями –

кровью, грязью и спермой. Сбежать в Вирт из ублюдочной «телесной» реальности пригородов Манчестера можно только на короткое время, приняв «перо» определенного цвета. Но и в наркотической виртуальности приходится отчаянно бороться за жизнь и кайф. Вирт дарует волшебное ощущение собственной силы и полноты бытия, но ничего не бывает бесплатно: здесь можно покалечиться, можно погибнуть, можно потерять рассудок и память, можно провалиться в некие глубинные слои этой загадочной вселенной и остаться там навсегда. В любом случае с Виртом нужно быть крайне осторожным, поскольку он способен влиять не только на человеческое сознание, но и на физическую реальность...

Сюжетообразующие элементы романа распадаются на две группы. Первая – это отчаянные поиски главным героем Скрибблом, членом молодежной банды «Тайные Райдеры», своей сестры Дездемоны, с которой он состоит в кровосмесительной связи и которая пропала в одной из запретных зон Вирта. И вторая – бурная деятельность, хорошо знакомая всякому наркоману со стажем: где бы взять и как поэффективнее вмазаться.

В издательской аннотации написано, что Нун *«на собственной шкуре испробовал все грани современного контркультурного искусства»*: был гитаристом в рок-группе, драматургом, художником-авангардистом. Прекрасная школа определенных сторон жизни, однако при чтении романа временами хочется, чтобы этих граней было поменьше. Кроме весьма любопытных идей и сюжетных ходов автор выдает стандартный «контркультурный» набор – наркотики, экстремальная музыка, танцпол, «бунт без причины», гнусные карикатурные копы, – который читателю после двадцати пяти уже скучноват. Этим надо либо жить до старости, каковая при таком образе жизни наступает поразительно быстро, либо переболеть в юности и больше к этому не возвращаться. Нун прекрасно усвоил уроки Дика, Керуака и Берроуза, но, честно говоря, наркотическая романтика, постоянно противопоставляемая в современной прозе якобы тупой и скучной жизни людей, дряни не употребляющих, уже давно перестала потрясать воображение читателя. Кроме того, в книге отчетливо ощущается влияние других современных англоязычных авторов – в частности, Гибсона, Стерлинга и особенно Бэнкса, отдельные эпизоды «Осиной фабрики» которого выглядят приквелами некоторых сцен «Вирта».

Вместе с тем роман в достаточной мере «вкусен», ибо образцами для

подражания выбраны далеко не худшие произведения довольно сильных писателей, да и писательского мастерства у Нуна не отнять, поэтому при желании от причудливой фантазии автора вполне можно получить удовольствие. Эту книгу стоит читать хотя бы ради подобных абзацев: *«У него был дробовик, заряженный и готовый к бою. И собака. Заряженная и готовая к бою. Конец дискуссии».*

Василий Мидянин

Паутина–шмаутина

Шелли М. Паутина: Роман. – СПб.: Амфора, 2002. – 440 с. – (Из книг Макса Фрая). 4000 экз. (п) ISBN 5-94278-314-4

Кое-кто из старожилов русского Интернета еще помнит конкурс «Тенета-98». Тот самый, первое место на котором в номинации «Виртуальная личность» заняла Мэри (она же Перси, она же Мерси) Шелли. Высокое жюри признало тогда ее сетевые проделки самыми впечатляющими. Но «ars longa, vita brevis», искусство вечно, жизнь коротка – особенно жизнь виртуального персонажа. От некогда загадочной «Шелли» нам осталось не так уж много: давным-давно раскрытый псевдоним, которым по старой памяти пользуется создатель виртуала Алексей Андреев, да пара романов – «Паутина» и «2048». Издательство «Амфора», выпустившее первый из них на бумаге, сильно рискует: сделать бы это в первый последефолтный год, на волне популярности сетературных игр, – отбоя бы от покупателей не было. По крайней мере, в интернет-магазинах.

Мнения читателей по поводу книги разделились немедленно и категорически. Одни называют ее типичной сетевой графоманией, другие – лучшим фантастическим романом года. Одни упрекают автора во вторичности, другие объявляют заимствование идей и образов блестящим постмодернистским ходом. Сюжет произведения до боли напоминает нарезку из разнообразных фантастических текстов о Сети – от «Нейроманта» Уильяма Гибсона до «Собирателей осколков» Николая Большакова и Антона Первушина. Второе десятилетие XXI века, безбашенные хакеры в знак невнятного протеста громят информационные базы крупных корпораций под прикрытием целой компании «виртуальных личностей», сотворенных немолодым филологом, уволенным из

Университета. Их бестолково и безрезультатно пытается прижучить местное ФСБ, днем и ночью мечтающее установить тотальный контроль в духе оруэлловского «1984». Да тут еще одна из виртуальных личностей обретает самостоятельность и принимается охмурять своего создателя...

Прочитанная не с монитора, а «с листа», «Паутина» похожа на реестр фантастических идей и ситуаций, связанных с путями развития информационных технологий. По сути, «Мерси Шелли» возвращается к традиции советской научно-технической фантастики 60-х – так могла бы выглядеть современная НФ, если бы поле боя осталось не за «философской фантастикой» в духе братьев Стругацких, а за научно-технической. Формулу создания такого произведения описал великий ерник Борис Штерн: *«Тут же у них произошел чисто технический разговор, разбавленный юмором для большего интереса, – разговор, который обязаны произносить многострадальные герои фантастического жанра в порядке информации читателя, – о заселении планет, о разведке в космосе, о трудностях своей работы»*. Нагромождение ярких, по-своему даже красивых идей и концепций и – минимум работы с характерами, прямолинейный сюжет, усредненный язык научно-популярной статьи... Одни и те же слова и обороты то и дело мелькают в речах и мыслях самых разных героев – независимо от возраста, пола и социального положения: у пожилого «специалиста по худлу» и у хакера, годящегося ему в сыновья, у эпизодического бомжа и у столь же эпизодического психиатра... Попытки придать тому или иному герою индивидуальные черты вызывают чувство неловкости за автора – персонаж по прозвищу Саид, например, через слово бездарно рифмует «узел-шмузел, бунгало-манагало»... Идеи и концепции упакованы в «Паутине» слишком плотно – места для страстей человеческих почти не осталось. Приходится разбавлять слезогонным суррогатом (рассказ «Голос»)...

Анатолий Гусев

Дмитрий Володихин,
Игорь Черный

ЧУДЕСА ВО ПЛОТИ

Русская «заветная» фантастика

«У нас секса нет!» – эта сакраментальная фраза долгое время была одним из устоев нашего общества. Мы – другие, не такие, как окружающий нас капиталистический мир, погрязший в похоти и разврате... Сейчас можно только печально улыбнуться, вспомнив недавнее прошлое.

А между тем «гонения» на эротику, все, так или иначе связанное с сексом, не являются выдумкой коммунистов. Цензура в данном аспекте была исконно присуща русской культуре в целом и литературе в частности. Посмотрите, много ли эротики встретишь в официальных, канонических собраниях сочинений русских классиков? Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Толстой, Достоевский, Чехов, Горький, Шолохов. Всё глыбы, *«матерые человечищи»*. Причем вполне живые и, за редким исключением, незакомплексованные, раскрепощенные люди. Любившие жизнь во всех ее проявлениях. А загляни в их тома – сплошное целомудрие. Так, легкие намеки на «это», не больше. Хотя у того же Пушкина есть и «Царь Никита и его сорок дочерей», и «Тень Баркова»... Но все это почти не публиковалось.

Вообще, определения «потаенный», «заветный» стали верными спутниками сборников, где помещались произведения на волнующую многих тему. Вспомним хотя бы «Русские заветные сказки» знаменитого фольклориста Афанасьева – книгу, явно не предназначенную для детского чтения. Итак, слово сказано. Эротическая литература – чтение,

адресованное взрослой, половозрелой аудитории. А как в данном контексте обстоят дела с фантастикой?

Первоначально никто не считал этот вид литературы «детским». Утопия, сатира, научные гипотезы – вряд ли ребятню можно заинтересовать столь скучными материями. Это уже Жюль Верн во многом поспешествовал переходу фантастики в разряд детского чтива. Да и не он, собственно, а критики и литературоведы последующего времени, мудро нашедшие применение для *«литературы крылатой мечты»*: забавляя, поучать.

Как и положено «взрослой» литературе, фантастика не закрывала глаза на такой важный аспект человеческих отношений, как секс. Эротика пришла в русскую фантастику на рубеже XIX–XX веков, во времена декадентов. Первопроходцем стал «дедушка русского символизма» Валерий Яковлевич Брюсов. В 1907–1908 годах он опубликовал мистический роман «Огненный ангел», написанный на материале истории Германии XVI столетия. В центре повествования находится любовная пара – Рупрехт и Рената. Их странные отношения не поддаются точному определению. Любовь-ненависть, любовь-наваждение, любовь-колдовство. И, естественно, плотская любовь. Брюсов везде изящен и не переступает грань дозволенного (разумеется, по нашим, современным меркам). Это полунамеки, легкая игра теней. Лишь однажды автор отбрасывает все приличия и создает картину буйства обнаженной плоти – в описании шабаша ведьм. Перед нами дикая, безумная оргия. Кажется, что ожили фантасмагорические картины Босха. *«Там видел я перед собою безобразное соединение юноши со старухой, там гнусную забаву старика с ребенком, здесь бесстыдство девушки, отдавшейся волку, или неистовство мужчины, ласкающего волчиху, или чудовищный клубок многих тел, переплетенных в одной ласке, – и дикие вскрики вместе с прерывистым дыханием неслись со всех сторон, возрастая и заглушая звуки инструментов. Скоро весь луг обратился в один оживший Содом...»* В принципе, человеку, знакомому с творчеством писателей XVIII века (того же Вольтера или Парни, не говоря уже о де Саде), данный пассаж не покажется чем-то из ряда вон выходящим. И все же для русской «заветной» фантастики это было только началом.

Примерно в том же духе пишут про секс современники Брюсова. Наряду с декадентскими принципами в фантастику проникают и новые, «революционно-демократические» идеи. Большевик Александр Богданов в романе «Красная звезда» (1908) рисует утопическую картину коммунистического общества. Правда, не на Земле, а на Марсе. Одной из сторон жизни марсиан, заинтересовавшей космического путеше-

ственника, русского социал-демократа Леонида, является принцип «свободной любви», исповедуемый местными жителями. Богданов воспевает полигамию, которая способна *«дать людям и большее богатство личной жизни, и большее разнообразие сочетаний в сфере наследственности»*. Писатель стал провозвестником принципиально нового подхода к проблеме отражения в литературе интимной жизни человека – подхода, возобладавшего в русской фантастике послеоктябрьского периода. Эротика, секс рассматриваются не столько в физиологическом аспекте, сколько в плане социально-моральном.

Именно так решается проблема в антиутопии Евгения Замятина «Мы» (1922). Автор, как и его предшественник Богданов, изображает мир коммунистического будущего. Однако будущее это отнюдь не безоблачно. Регламентация, упорядоченность человеческой жизни доведена до абсурда. У людей даже не осталось имен – одни номера, как у машин. Половые связи нормированы, взяты под контроль государством. И как протест против этого, как прорыв из мира живых механизмов в человеческий мир – бурная, но трагическая любовь Д-503 и I-330. Описание сцен интимной близости дано в стилизованной под язык математики манере. Здесь и интегралы, и геометрические фигуры, и формулы. *«Созрело. И неизбежно, как железо и магнит, с сладкой покорностью точному непреложному закону — я влился в нее. Не было розового талона, не было счета, не было Единого Государства, не было меня. Были только нежно-острые, стиснутые зубы, были широко распахнутые мне золотые глаза — и через них я медленно входил внутрь, все глубже»*.

В совершенно ином, романтически-приподнятом ключе повествовал о чувственной любви Алексей Толстой в одном из самых значительных и ярких произведений русской довоенной фантастики «Аэлита» (1923). Говоря о столкновении двух рас – земной и марсианской, – он утверждал, что именно Любовь – то начало, которое объединяет всех гуманоидов, та сила, которая сметает на своем пути любые имущественные, религиозные и иные предрассудки. Чувство землянина Лося и марсианской принцессы Аэлиты – очень чистое, хрупкое. К финалу книги оно приходит к своему естественному продолжению – плотской близости влюбленных. Сцена эта выглядит очень целомудренной: *«Она не прикрыла наготы, лишь краска смущения взошла ей на щеки. Ее голубоватые плечи, едва развитая грудь, узкие бедра казались Лосю рожденными из света звезд. Лось продолжал стоять на коленях у постели — молчал, потому что слишком велика была радость — глядеть на возлюбленную...»* Эта романтическая приподнятость стала как бы эталоном для советских фантас-

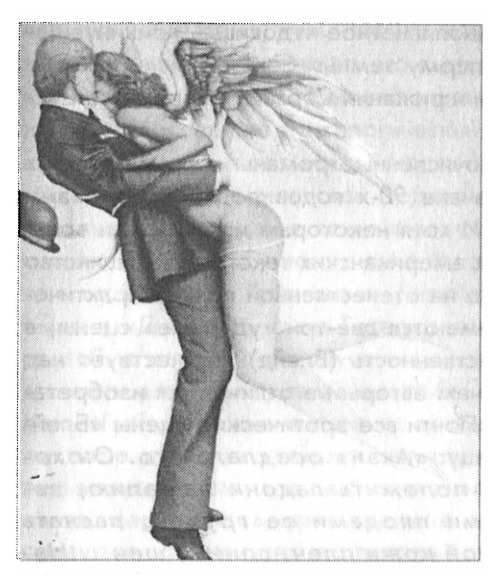
тов, так или иначе писавших об интимных отношениях Мужчины и Женщины в 20–40-х годах прошлого века. Неумолимая завеса падает над постелью в самый «интересный» момент. Все, что дальше, – свято...

Наиболее известные советские фантасты 50–80-х годов оставались холодны к эротике. Это относится и к звездному дуэту АБС, и к Владимиру Михайлову, и к Киру Булычеву, и к Илье Варшавскому, и к Александру Казанцеву, и к Сергею Павлову... Эротику в текстах «золотого века» отечественной НФ приходится выискивать по крупицам. Значительно позже, уже в 90-х, кое-кто из мэтров воспринял эротическую тематику как вполне естественную... но не ранее того.

Казалось бы, у Ивана Ефремова с его поклонением женскому началу эротика просто **обязана быть**. В поздних его романах «Час Быка» и «Лезвие бритвы» возрождаются очень древние элементы восточных религиозных практик, фактически теряющие смысл без телесного приложения сексуальной энергии (например, тантризм). Но и у Ефремова все достаточно целомудренно. Героини «Туманности Андромеды» и «Часа Быка» в лучшем случае проявляют страсть в танце. Вот и всё. В историческом романе «Таис Афинская» начальные страницы обещают: вот-вот произойдет близость афинской гетеры и македонца. Герои располагаются на только что распаханном поле и... *«Прошло немало времени, когда они снова вернулись в окружающий мир... Склонясь над лицом любимой, Птолемей зашептал строчку из любимого стихотворения»*. Между прелюдией и завершающей частью – характерный переход к новому абзацу...

Главная тема Ольги Ларионовой, по ее собственным словам, любовь. Любовь во всех ее проявлениях. И здесь естественно – ожидать эротики. Действительно, самые известные произведения Ларионовой буквально пронизаны эротизмом – например, та же «Соната моря». Но на откровенные сцены писательница не щедра. Она романтизирует любовь, и реалистические подробности могут разрушить этот священный ореол. Иногда Ларионова создает нарочитый контраст. Скажем, в «Сказке королей» главный герой вспоминает о старинных своих «подвигах»: *«...пьян был здорово, да и хозяйка была хороша. И он молча раздел ее, и она то ли рассмотрела его получше, то ли решила поскромничать, только вдруг завела: "Ты у меня первый настоящий..." – "Ну-ну, не завирайся", – сказал он ей»*. Параллельно (совсем в другое время и совсем в другом месте) тот же центральный персонаж сначала чувствует невесомые касания женской руки на своем лице, а потом и сам покрывает лицо героини поцелуями. Вся сцена удивительно целомудренна и вместе с тем насыщена эротической напряженностью. Что же остается Ольге Ларионовой на

тот случай, когда показать интимную близость действительно необходимо? Только одно — передать поединок на ложе метафорически, через иносказания и намеки. Буйство эмоций и очень скромные приключения плоти — таков ларионовский стиль. Ее эротика — это эротика рук и губ, громко совершенных слов и шепотом произнесенных действий.

Худ. Майкл Паркс «Случай с ангелом»

Итак, советская фантастика 50–80-х годов в принципе а-эротична. За исключением, быть может, краткого перестроечного периода, когда установка на избегание (истребление) эроса в литературе, что называется, «поплыла». В чем тут было дело? Многие полагают, что в прямом цензурном запрете. Но корни явления, вероятно, уходят глубже. Воспитание, мировидение требовало «спрятать это»; более того, по сравнению с экспериментаторским буйством 20-х те же 70–80-е стилистически сдержаннее, холоднее; стиль жизни — даже вне идеологии — требовал оградить умственную, душевную и телесную интимность от нескромных взглядов.

Вплоть до середины 90-х отечественная фантастика преодолевала мутную полосу, когда большинство авторов рассуждали так: «"Это" нам разрешили. Но что с ним делать?» После произошло расслоение на рыночное конвейерное производство (где секс просто положен по технологии); литературу людей, которые не мыслят эротику как часть текста; литературу людей, которые не мыслят текст без эротики; литературу самоутверждающихся подростков и маргиналов, несущих фаллос (ну, или вагину — в зависимости от половой принадлежности) в высоко поднятой руке, как факел. Иными словами, к середине 90-х образовался нормальный спектр проявлений эротики в художественных текстах. Далее речь может идти о перекосах, происходящих под влиянием рынка или интеллектуальной моды, о допустимости какого-нибудь откровенного «показа», о возможности (необходимости) восстановления в правах целомудренного подхода к эротическим сценам, о достоинствах одной эстетической системы по сравнению с другой.

Фантасты-«рыночники» проявили себя очень быстро, сразу же после общесоюзного сигнала: «Можно!» Легендарная фигура среди них – некто Вилли Конн. Среди его брошюр выделяется книжечка с характерным названием «Космическая проститутка». Типичная цитата: *«Он кончил с ней так сильно, как никогда ни с кем не кончал до того»*. Он – герой-землянин, она – инопланетное чудовище, прикинувшееся проституткой и добывающее сперму земных богатырей... Заметно проявил себя в рыночной эротописи и рижанин Сергей Иванов с его циклом «Погружение в Огранду».

В этот ряд вписываются и многочисленные романы о приключениях Ричарда Блейда, выходившие в начале 90-х годов под псевдонимами Дж. Лорд, Дж. Лард, Дж. Лэрд. И хотя некоторые из них были вольными переработками оригинальных американских текстов, большинство произведений «Блейдианы» создано на отечественной почве. Практически в каждом из этих сочинений имеются две-три «ударные» сцены, в которых сама воплощенная мужественность (Блейд) торжествует над воплощением женственности. Причем авторы не отличаются изобретательностью и буйством фантазии. Почти все эротические сцены «Блейдианы» скроены по единому образцу: *«Аквия оседлала его. Он хотел прижать женщину к себе, положить ладони на талию, затем наполнить их голубоватыми плодами ее грудей, ласкать темные соски, коснуться нежной кожи плеч, спины, шеи....Наклонившись, Аквия впилась губами в его губы; он чувствовал нежную влажную податливость ее плоти. Поцелуй прервался, она застонала, изнемогая, и вскрикнула»*.

Характерная черта, по которой можно выделить «рыночника» из всех прочих фантастов, прибегающих к эротике, состоит в том, что «рыночник» использует интимные сцены не для развития сюжета, не пытаясь вытащить наружу глубинные психологические слои персонажей, а ради оживляжа. Нужно же как-то взбодрить читателя! Впрочем, «рыночники» – это лишь один лепесток «спектра»...

Елена Хаецкая, для которой любовь – ведущая тема творчества (как и у Ольги Ларионовой), на эротику скупа. Эротические сцены появляются у нее только тогда, когда текст естественным образом подводит к необходимости такой зарисовки. В романе «Анахрон» (написан в соавторстве с В.Беньковским) она одна-единственная, зато – становится сюжетной кульминацией. Соединение двух любящих людей, с необыкновенной бережностью и доверием относящихся друг к другу: *«Он боялся ее спугнуть. Прикасался к ней так бережно, будто она была бабочкой...»* 480 страниц романа подводят читателя к тому, **как это должно быть!**

У Дмитрия Янковского хороша сцена неудавшейся брачной ночи в романе «Побочный эффект». Главный герой нежен, внимателен и буквально из кожи вон лезет, пытаясь вызвать ответную ласку у собственной супруги; однако жена его предпочитает играть в холодность. Тут вроде бы описание всего происходящего достаточно «техногенно», то есть точно сказано, чем, где и в какой последовательности незадачливый муж ласкает суженую. Но вместе с тем ощущения пошлости или, еще того хуже, избыточности описываемого нет, поскольку вся сцена жестко работает на психологический портрет центрального персонажа и вся «техника», соответственно, психологизируется.

Андрей Валентинов свои редкие эротические экзерсисы также использует для создания психологических портретов. Как правило, такие сцены выдержаны у него в духе звериной борьбы, терзания плоти, желания уничтожить противника. Герой (Клеотер в «Сером коршуне», Диомед в «Диомеде, сыне Тидея») совокупляется со своей **законной** супругой, с которой его случайно, вопреки его собственным желаниям и душевным порывам, связала судьба. Вот, например, эпизод из «Диомеда»: *«Губы скользили по телу умело, расчетливо, пальцы знали свое дело, и я вдруг понял, что сейчас, в этот миг, я хочу эту некрасивую, не любящую меня женщину, хочу, чтобы она выла, царапалась, дышала мне в лицо»*. И совершенно иначе описываются встречи этих же героев с теми женщинами, которых они по-настоящему любят и хотят. Здесь перед нами нет цельной картинки, а вращается какой-то причудливый калейдоскоп, из круговерти которого выхватываются крупным планом то стройные ноги, то тонкая талия, то родинка на груди.

За Александром Зоричем закрепилась стойкая репутация мастера «эротической фэнтези». И в цикле романов о мире Сармонтазары, и в дилогии «Карл, герцог» эротика занимает достаточно много места. Что бы ни говорили критики, интимные сцены для Зорича – не самоцель и не элемент оживляжа. И в Сармонтазарском цикле, и в «Карле...», по сути, воссоздается одна и та же эпоха – условное позднее средневековье. И эротика в сочинениях Зорича намеренно стилизована под средневековые гобелены и книжные миниатюры: *«Гибор идет к нему без улыбки. Ее правая рука поддерживает левую грудь, словно лунка корсета, а указательный палец левой трет сосок на правой. Это заставляет мужчин становиться губками. Угольный черный треугольник ее лобка — словно стяг на копье. На том будущем копье, которое отчасти губка»* («Карл, герцог»). Палитра изобразительных средств, используемая Зоричем, многообразна. Ему удается практически не повторяться ни в одном из аналогичных эпи-

зодов. Впрочем, иногда писателю явно изменяет чувство меры и вкуса. И он опускается едва ли не до уровня Конна и «Блейдианы».

Эротика как необходимый элемент антуража присутствует в историко-фантастической эпопее Ольги Елисеевой «Сокол на запястье». Автор обращается к античным временам, когда эротизм был неотъемлемой частью культуры, искусства, религии. Греки преклонялись перед прекрасным и совершенным обнаженным телом, поэтизировали гармонию интимных отношений. Поэтому совершенно органично воспринимаются в тексте Елисеевой эпизоды физической близости персонажей. Зачастую они имеют символико-религиозное значение. Женщина – пашня, мужчина – сеятель: *«Арета, как влажная земля, лежала под ним, а он, как бык в борозде, стоял между ее ног и слабо вздрагивал, заканчивая священную пахоту»*. Елисеева не увлекается живописанием физиологических подробностей акта. По своей манере она близка к тому романтически-приподнятому стилю, который использовал в «Аэлите» Толстой.

Иногда эротика выполняет «смыслонесущую» функцию. Иными словами, она получает в фантастическом произведении стержневую роль. «Золотой век» советской НФ такого не знал, да и знать не мог. В современной российской фантастике такое тоже случается нечасто. Тем более интересны примеры подобного рода.

В романе Вячеслава Рыбакова «Очаг на башне», написанном еще в 1986 году и напечатанном в 1990-м, эротики не столь уж много, но подается она так, что окружающий текст попадает ей в подчинение. Сюжетная ситуация – классический любовный треугольник, притом сама любовь возведена в ранг высшей ценности: истина и творчество стоят рядом, но все-таки чуть пониже, а дружба и вовсе гроша ломаного не стоит. Эротика оказывается самым чутким индикатором того, все ли в порядке с любовью. Пока все так, как надо, страсть не оставляет главных героев. Дух высок – и плоть пылает... Вот совершенно ординарная сцена из быта любящих супругов – сцена между выкуренной сигаретой и убежавшим из кастрюльки бульоном: *«Она смотрела чуть исподлобья, моляще, и чуть приоткрыла губы, словно ждала. Она стояла хрупко, очень прямо... Он осторожно положил ладонь на ее гладкую шею, и сердце скользнуло в горячую бездну; стены, крутясь, сухими картонками отлетели куда-то, Ася едва не упала, запрокидываясь, целуя, сразу загораясь в его руках...»* Но стоило любви сломаться, как эротическая сцена обернулась настоящим кошмаром, от которого не одна читательская рука, наверное, тянулась к сердечным таблеткам... В дальнейшем эротика не играла уже столь серьезной роли в произведениях Рыбакова, но иногда

вспыхивала яркими, манящими цветами – как, например, в романе «Гравилет "Цесаревич"».

Книга Александры Сашневой «Наркоза не будет» круто замешана на трех составляющих – наркотиках, алкоголе и сексе. Секс здесь явно и намеренно а-эротизирован. Круговерть половых связей, естественных и гомосексуальных. Наркотический угар. Из нормальной части человеческой жизни половое удовлетворение превращается в какой-то звериный инстинкт. Персонажи Сашневой занимаются «этим», как четвероногие, в любом месте, когда захочется. *«Она принялась ласкать маленькое бледное тельце, все больше возбуждаясь сама. Лера прижимала девушку к своему жилистому животу и к огромным грудям, настойчиво проникала рукой в пах, раздвигая судорожно сведенные бедра»*. Антиэстетика этой и ей подобных сцен создает ощущение безысходности, подавленности маленькой личности, ее затерянности в бетонных дебрях современного мегаполиса...

В то же время немало современных российских мастеров жанра избегает эротики: Сергей Лукьяненко, Евгений Лукин, Г.Л.Олди, Олег Дивов, Андрей Белянин и др. Например, Евгений Прошкин, доведя изложение до сцены близости, несколькими штрихами очень точно набрасывает психологическое состояние персонажей, а саму близость передает иносказательно и крайне лаконично. В романе «Слой Ноль» Прошкин выстраивает для главных героев весьма некомфортные обстоятельства, заставляя их нервно комкать секс. Во время семейной пьянки, тайком запершись в ванной, да еще пребываючи в непривычно юных телах, особенно не поэкспериментируешь... Александр Громов исключительно редко вводит в повествование эротику. И если он все-таки решается на это (романы «Ватерлиния», «Тысяча и один день»), то придает откровенным сценам оттенок нравственной грязи: центральный персонаж если и не пачкается, то, во всяком случае, не чувствует душевного подъема. Громовская эротика проходит под лозунгом: «Так было надо». А на заднем плане вырисовывается вопрос: да очень ли надо-то?

...Сегодня отечественная фантастика приняла «правила игры», давно установившиеся в фантастике англо-американской. Ни общее состояние культуры, ни неписаная социальная регламентация, ни тем более государственная цензура не сдерживают фантастов, желающих использовать в своих произведениях эротический материал. Но значительный процент мастеров НФ-литературы не испытывает внутренней потребности в этом. А те, кто по разным причинам работает с эротикой, демонстрируют широчайший диапазон результатов – от конвейерных поделок до настоящих литературных вершин. Таким, вероятно, и должно быть нормальное положение дел.

Арбитмания

ПОЕДИНОК КРЫСЫ С МЕЧТОЙ

Происхождение русских фамилий, в основе которых – слова с отрицательно-оценочными значениями (Дураков, Золотухин, Поганкин и т.п.), этимологи объясняют древними языческими верованиями, согласно которым даже всесильных богов можно обмануть: если назвать свое чадо какой-нибудь уничижительной кличкой, то силы добра, глядишь, и помогут убогонькому, а злые силы не станут связываться с этакой дрянью и оставят младенца в покое. Напротив же, если родитель занесется в гордыне своей в гибельные выси и даст ребенку имя с большими претензиями, то каверзам ревнивых богов не будет конца. Этим, кстати, и объясняется гибель «Титаника»: силы небесные, углядев в красивом имени опасный намек на пересмотр итогов незапамятных битв богов с титанами, от души жахнули по кораблю огрызком айсберга... Так о чем это я? Ах да: о названиях фантастических книжных серий, сочинителям которых (и серий, и названий) уроки далекого языческого прошлого явно не пошли впрок.

Для начала, однако, – краткий экскурс в прошлое недавнее. Подобно тому, как в повседневной советской покупательской практике сортов, за ненадобностью, никто не различал (имели место просто «сыр», просто «колбаса», просто «пиво»), в названиях книжных серий царил редкий аскетизм: в «МГ» наличествовала «Библиотека советской фантастики», в «Мире» – «Зарубежная фантастика» (сознательно не упоминаю тут смешанные серии и нумерованные подписные собрания, которые, впрочем, именовались так же безыскусно – типа детлитовской «Библиотеки приключений и научной фантастики»). В те времена читателя можно было не обманывать и не заманивать, благо проблем с распространением тиражей не было никаких. Мудрые редакторы понимали, что для нашего потребителя содержимое книг ку-

да важнее их упаковки, а безликость и неброскость – основа крепкого здоровья и долголетия.

И верно! Первая из вышеназванных серий, как известно, просуществовала четверть века, вторая – и того дольше. Обе тихо угасли, лишь когда слово «советский» перестало быть нейтрально-географическим термином (сделавшись понятием сугубо идеологическим) и когда совсем по-иному начало восприниматься слово «зарубежный»: с распадом Союза Нерушимого минчанин Николай Чадович или, допустим, рижанин Сергей Иванов юридически угодили в один ряд с краковчанином Станиславом Лемом и бангорцем Стивеном Кингом; автомобиль «Запорожец» приобрел высокое звание иномарки, а фантаст Сергей Лукьяненко, перебравшийся из Алма-Аты в Москву, – солидный статус писателя-политэмигранта...

Отмена цензуры и наступление рынка вызвали к жизни, помимо ярких кислотных обложек и нагло-зазывных аннотаций, еще и великое множество новых фантастических серий. На наше счастье, Гомеостатическое Мироздание, покровительствующее Стругацким, сурово пресекало любые попытки примазаться к славе мэтров: серия «Сталкер» в Саратове просуществовала меньше года, «Далекая Радуга» в «АСТ» довольно скоро зависла и была секвестирована, а идеи двух межиздательских серий – «Гадкие лебеди» (фантастика молодых) и «Пикник на обочине» (фантастика провинции) – и вовсе коллапсировали еще на стадии бизнес-проекта.

Силы небесные перво-наперво стирали в порошок серии с амбициозными наименованиями: после второй книжки сгинула «Фантастическая проза» в столичном «Тексте» (издателей сгубило заносчивое словцо «проза»!), серия «Элитарная фантастика» у их коллег схлопнулась, едва раскрывшись. Посягнувшие на какую-то особую новизну «Новая фантастика» (Рига, «Латвийский детский фонд») и «Новая русская фантастика» (Харьков, «Фолио») вскорости накрылись медным тазом – им не помогла даже удаленность от суровых ветров метрополии. Попытки же приватизировать пространство и время тоже вышли боком. Исчезло «Четвертое измерение» («Терра»), оставив нераспроданные залежи книг в обложках. Улетучились «Космические приключения» (Москва, «АРМАДА»). Потерялось на картах «Иноземье» (Екатеринбург, «Тезис»). За претензии же к глобальному, не по чину, охвату пострадали от богов кировоградская «Отечественная фантастика» (изд-во «Онул») и московская «Современная российская фантастика», изделие «Локида» (эта серия умирала долго, мучительно; после «Тени Сатаны» Зеленского-Рясного раненого пришлось пристрелить, чтоб не мучился).

Кстати говоря, игры в поддавки с Темной Стороной успеха тоже не имели: тоскливо мяуча, улепетнул в никуда московский «Black Cat» (изд-во «Джокер» – и даже Глеба Жеглова вместе с Шараповым и Полиграф-Полиграфычем Шариковым на подмогу звать не понадобилось!). Всяческая мистика-эзотерика на титулах и переплетах обернулась для самих серий черным траурным крепом. Нижегородская «Галерея мистики» (изд-во «Деком») не пережила зимы; разбился вдребезги нижегородский же «Хрустальный шар», вытерлись «Числа и руны» (питерская «Лань»), улетело со среднего пальца заветное «Кольцо Мариколя» (питерская «Terra Fantastica»), пропали питерско-саратовские «Меч и посох» (изд-во «Тролль»), потерял силу киевский «МАГ» (фирма «А.С.К. Ltd»). Впрочем, наивные попытки взять в аренду звездное небо или заслужить покровительство богов и мифологических героев пресекались еще более жестко. Погасли «Млечный путь» (Минск, «Арт Дизайн») и питерский «Орион». Истекли мгновения московского «Хроноса» (изд-во «Аргус»). Закатился тульский «Гелиос». Погиб в пасти крокодила столичный «Осирис» (изд-во «Центрполиграф»)...

Боги-наблюдатели не были снисходительны и к тем, кто намеревался превратить книжную серию в музей или ювелирную лавку: блеск «Сокровищницы боевой фантастики и приключений» (Смоленск, «Русич») ослеплял читателя ненамного дольше, чем блеск «Жемчужины авантюрного романа» (Москва, «Змей Горыныч»). Новосибирские «Шедевры фантастики» (изд-во «Тимур») и другие «Шедевры фантастики» (Москва, «Селена») быстро уценились. «Зал славы всемирной фантастики» (Киев, «Альтерпресс») был закрыт на вечный переучет гениев...

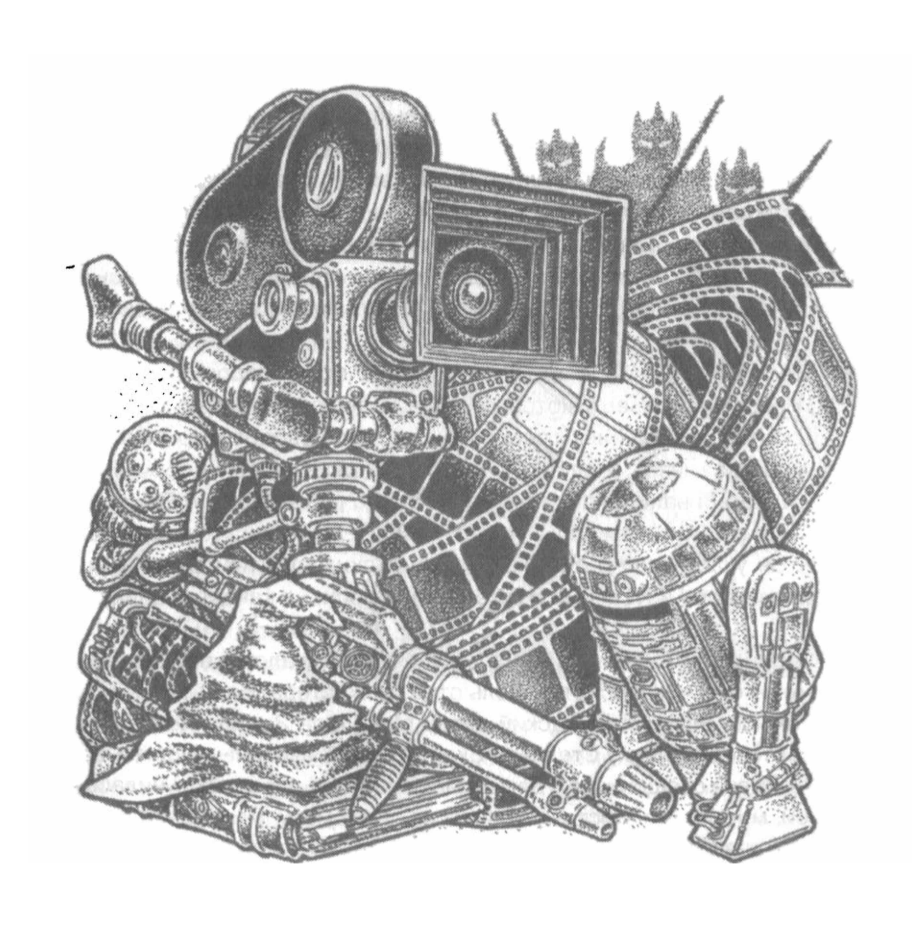
Ладно, все это – в прошлом. А что в будущем? Нетрудно предположить скорый закат серий, в чьих названиях – чересчур много золота. Издательству «АСТ», выпускающему ныне «Золотую библиотеку фантастики» и «Золотую серию фэнтези», следует помнить о незавидных судьбах «Золотой библиотеки fantasy» (Москва, «Культура»), «Золотой полки фантастики» (нижегородский «Флокс») и «Клуба "Золотое перо"» (Москва, «Ретенс ЛТД»).

Зато другие серии «АСТ» не пропадут. Будет и впредь зиять черными провалами окон «Темный город», никуда не денутся «Заклятые миры», будут вечно кашлять «Хроники Вселенной»...

Ну и, разумеется, «Стальная крыса» («ЭКСМО») благополучно переживет всех – в отличие от канувшей «центрполиграфовской» серии «Стальная мечта». Потому что в битве крысы с мечтой всегда побеждает крыса.

Роман Арбитман

ПЛАНЕТА КИНО

Фабриканты грез

Классическая детская сказка Кеннета Грэма «Ветер в ивах» будет превращена в игровую картину режиссером Гильермо дель Торо («Блэйд-2»). Он уже заключил контракт со студией «Disney», которая незадолго до этого купила сценарную разработку двух студентов Университета Южной Калифорнии – Кори Мэй и Майкла Уэндшу. Студенты предложили заменить викторианский дух сказки футуристическим и адаптировать ее на манер анимэ. Эта идея студии понравилась, тем не менее окончательный вариант сценария будет писать сам дель Торо вместе со своим партнером по фильму 1997 года «Мимикрия» Мэтью Роббинсом.

К следующему Рождеству должен выйти на экраны фильм «Расплата» («Paycheck»), который сейчас снимает в Ванкувере режиссер Джон Ву по рассказу Филипа Дика. Как пишут американские газеты, Ву экранизирует Дика в духе картины Альфреда Хичкока «К северу через северо-запад». Бен Аффлек играет инженера, который обнаруживает, что часть его памяти после работы над секретным проектом оказалась стертой. Ему нужно спастись от агентов правительства и восстановить забытое...

Тим Бертон («Марс атакует!») станет продюсером мультфильма «Невеста-мертвец», который снимет дебютант в режиссуре Майк Джонсон. Мультфильм основан на восточноевропейском фольклоре и рассказывает о юноше, неожиданно оказавшемся обрученным с трупом. Сценарий написала Кэролайн Томпсон, работавшая с Бертоном на картине «Эдвард Руки-Ножницы». Кстати, Майка Джонсона тоже выбрали не случайно: он участвовал в съемках бертоновских мультфильмов «Кошмар перед Рождеством» и «Джеймс и гигантский персик» в качестве аниматора.

Завершены съемки фильма «Экзорсист: Начало» – приквела к знаменитому «Экзорсисту». Роль отца Ланкестера Меррина, в которой некогда блеснул шведский актер Макс фон Зюдов, досталась его соотечественнику Стеллану Скарсгарду. В картине рассказывается о первой встрече священника с демоническим злом, которая случилась в годы Второй мировой в Восточной Африке. На смену маленькой девочке, одержимой дьяволом, пришел больной мальчик, которому от увеличения людского безумия и зла становится лучше... Лента выйдет на экраны в июле.

По материалам «3Д-информ».

Своими глазами

Слепой супермен

Сорвиголова (Daredevil). Производство «20th Century Fox» и «New Regency Pictures» (США), 2003. Режиссер и сценарист Марк Стивен Джонсон. В ролях: Бен Аффлек, Дженнифер Гарнер, Майкл Кларк Данкан, Колин Фаррелл. Слоган картины: «Правосудие слепо. Он тоже». 103 мин. В российском прокате – с 12 марта.

Фильм этот в первую очередь хорош своей техникой. Он наглядно демонстрирует, что кинокомикс окончательно сформировался как жанр. Хорошо это или плохо – судить волен каждый. Брожение прекратилось, молодое вино разлито по бутылкам, можно ставить на столик. Большинство предыдущих картин, в основу которых был положен бумажный комикс, – это работы в той или иной степени экспериментальные. Режиссеры пробовали новый для кинематографа материал, разминали его... «Сорвиголова» – уверенное перенесение комикса на экран. Именно таким оно и должно быть. Все здесь устроено именно так, как в бумажном комиксе...

Исполнитель главной роли Бен Аффлек и режиссер фильма Марк Стивен Джонсон – представители поколения, выросшего на комиксах, как говорится, с молоком матери впитавшего их специфический язык и традиции. Для Тима Бертона («Бэтмен», «Бетмэн возвращается») комикс – это миф, достойный иронического обыгрывания. Для Аффлека и Джонсона этот миф жив и не подлежит деконструкции. Для них это детский восторг и полузабытая вера в возможность торжества справедливости. Они просто не могут – не способны! – относиться к нему с иронией. Все на полном серьезе...

Комикс «Сорвиголова: Человек, не знающий страха», придуманный

Стэном Ли и нарисованный Биллом Эвереттом, был выпущен компанией «Марвел» в 1964 году. Это было время политической и социальной нестабильности, неуверенности в завтрашнем дне, страха перед реальностью ядерной войны... Но зато это был «золотой век» комикса как жанра. В эти годы появились такие персонажи, как Фантастическая Четверка, Невероятный увалень Халк, Железный человек, Могучий Тор, а также недавно нашедшие свое кинематографическое воплощение Люди-Х и Человек-паук. Все они в той или иной степени мутанты, по какой-то причине приобретшие сверхчеловеческие качества. Но Сорвиголова выделяется и на этом фоне: это единственный сверхчеловек, обладающий физическим изъяном. Уличный мальчишка из неполной семьи, хулиган и сорванец, в результате несчастного случая он потерял зрение. Однако недостаток главного из человеческих органов чувств оказался с лихвой компенсирован: герой приобрел своеобразное «слуховое зрение», позволяющее по отраженному звуку составить впечатление об окружающих предметах, и невероятно развитое обоняние. Потеря отца, убитого мафией, обозлила мальчика, заставила усиленно тренироваться и в результате сделаться настоящим слепым суперменом. Как и его «коллеги» Бэтмен и Супермен, это герой-перевертыш: днем он адвокат по имени Мэтт Мердок, защищает в суде невиновных, но если правосудие «проваливается», то ночью он надевает облегающий красный костюм и вершит его сам при помощи страшного оружия, в которое превращается его трость. Его слепота – это и символ слепой ярости, и аллегория закрытых глаз Фемиды.

Фильм сделан с огромным пиететом перед бумажным комиксом, с великой любовью к нему и глубоким пониманием его специфики. Создатели картины не просто перенесли на экран сюжет и персонажей рисованной серии – они сделали все, чтобы воспроизвести средствами кинематографа стилистику комикса, его поэтику и сам дух. Реплики героев фильма подчеркнуто коротки. Так же коротки и нарочито условны все сюжетные повороты. Глубиной и психологизмом даже не пахнет. Но ничего другого и не стоит ждать от комикса... Вся смысловая нагрузка ложится на визуальный ряд.

Андрей Щербак-Жуков

Рейтинг «ЗД»: ★★★★

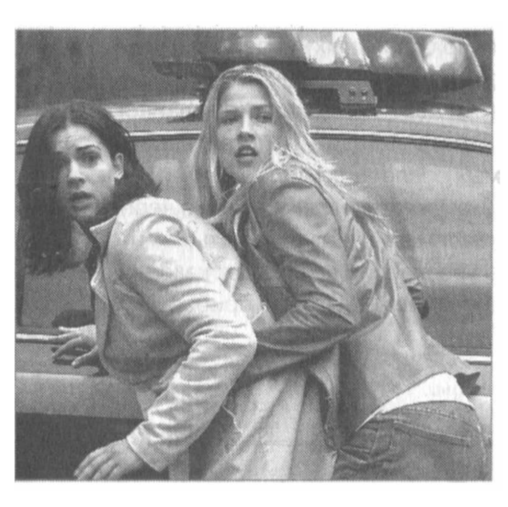
Курносая наносит ответный удар

Пункт назначения-2 (Final Destination-2). Производство «New Line Cinema» (США), 2003. Режиссер Дэвид Эллис, сценарий Джеффри Реддика,

Дж. Макая Грубера и Эрика Бресса. В ролях: Али Лартер, Э. Дж. Кук, Майкл Лэндс. Слоган картины: «У каждого начала есть свой конец». 90 мин. В российском прокате – с 24 апреля.

Редкий случай, когда сиквел не хуже, а даже лучше первого фильма. И дело тут не только в бюджете, который, даже если прикинуть «на глаз», выглядит значительно большим. Дело в сценарии: он более закрученный, более увлекательный, более лихой...

Собственно, сценарий первой картины без каких бы то ни было потерь пересказывается в самом начале второй – в телепередаче: год назад разбился самолет, один из его пассажиров, почувствовав несчастье, успел увести с борта нескольких своих друзей, однако сразу же после этого выжившие один за другим начали погибать при странных обстоятельствах. Объяснение этим событиям только одно: люди нарушили планы смерти, и курносая теперь исправляет допущенные ошибки.

Наиболее интересное здесь – сам сюжетный ход. Он же повторяется и во втором фильме. Здесь предчувствие посещает девушку: она видит жуткую автокатастрофу, в которой должна погибнуть сама и еще несколько людей, чьи машины стоят на светофоре. Девушка перегораживает дорогу и, как в первой картине, срывает планы смерти, а та, в свою очередь, снова бросается их исполнять. Все так же, но вдруг – когда спасенные знакомятся между собой – выясняется, что их судьбы вовсе не повторяют судьбы героев первого фильма, а продолжают их! Все они уже однажды избежали смерти, и повинен в этом был один из ребят с рухнувшего самолета, погибший позже, чем было ему уготовано.

Персонажи картины проявляют изрядную активность в деле противостояния смерти. Во-первых, они находят в сумасшедшем доме единственную выжившую героиню первого фильма. Во-вторых, встречаются с чернокожим работником морга, который, по всеобщему мнению, знает о смерти больше других. Увы, как это бывает часто, тот внятно изъясняться не умеет. На аллегорическом языке прорицателей он

говорит: «Новая жизнь победит смерть», – что, в общем-то, может означать что угодно...

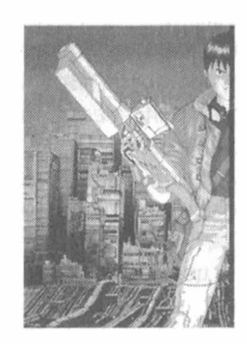
Однако ближе к концу картины ее героям удается расшифровать загадочную формулу; правда, к тому моменту из девяти человек в живых остается только двое. Всех остальных настигает курносая... Причем делает она это все более и более изощренно. Всякий раз в процесс убиения вовлекаются самые неожиданные бытовые предметы. Каждый несчастный случай прихотливо выстраивается как безумная череда неожиданных, по отдельности вполне безобидных событий. Причиной смерти становятся не только взрывы и катастрофы, но и старые макароны, выброшенные самим же персонажем мимо мусорного бака. В общем, каждая новая смерть – это просто песня, это танец, это декоративное полотно...

Двум героям – собственно прозорливой девушке и смелому молодому полицейскому – удается обмануть смерть. Однако переплетение судеб на этом не закончится: один из «неудачно спасенных» перед тем, как окончательно погибнуть, спасет мальчика...

Кажется, из этой вакханалии смерти нет логически обоснованного и подкрепленного сюжетом выхода. Такого выхода – действительно нет. Но есть выход стилистический! На самых последних минутах авторы переводят кино из разряда серьезных ужастиков в категорию черного юмора. И только это позволяет зрителям выйти из зала хоть немного успокоенными. Впрочем, подобное успокоение не мешает какое-то время опасливо оглядываться на уличные машины и бытовые приборы.

Андрей Летаев

Рейтинг «ЗД»: ★★★★

Японские фантастические мультфильмы с каждым годом пользуются все большей популярностью в мире, получают призы на авторитетных кинофестивалях. В ближайших номерах «ЗД» читайте статью

о феномене японской анимэ.

КНИЖНЫЙ КЛУБ «ЗД»

Уважаемые читатели! Журнал «Звездная дорога» приветствует вас в своем «Книжном клубе». Отныне любой россиянин, в каком бы отдаленном уголке страны он ни проживал, может заказать у нас новинки фантастической литературы и получить их по почте наложенным платежом.

Те книги, которые вошли в наше майское предложение, представлены на последующих страницах. Цена указана вместе со стоимостью доставки, то есть именно эту сумму вас попросят заплатить в почтовом отделении. Однако цену **можно уменьшить**! Во-первых, 5-процентная скидка положена нашим подписчикам (для подтверждения вместе с бланком заказа пришлите ксерокопию подписной квитанции). А во-вторых, еще 5 процентов мы дарим тем, кто закажет у журнала не меньше пяти книг. Но будьте внимательны! **Не заказывайте лишнего:** если заказ не будет выкуплен, ваш адрес попадет в «черный список» и пользоваться услугами нашего «Книжного клуба» вы больше не сможете.

Итак, заполняйте бланк заказа, кладите его в конверт и до 15 июня высылайте его нам по адресу: 143400, Московская область, Красногорск-8, а/я 105 (на конверте делайте пометку «Книжный клуб»). Заказы обрабатываются в течение месяца. Приятного чтения!

Книжный клуб «ЗД»
БЛАНК ЗАКАЗА
май 2003

ФИО заказчика

____

____

домашний адрес

____

____

____

e-mail

____

шифр 001 ____экз. на сумму _____руб.
шифр 002 ____экз. на сумму _____руб.
шифр 003 ____экз. на сумму _____руб.
шифр 004 ____экз. на сумму _____руб.
шифр 005 ____экз. на сумму _____руб.
шифр 006 ____экз. на сумму _____руб.
шифр 007 ____экз. на сумму _____руб.
шифр 008 ____экз. на сумму _____руб.
шифр 009 ____экз. на сумму _____руб.
шифр 010 ____экз. на сумму _____руб.
шифр 011 ____экз. на сумму _____руб.
шифр 012 ____экз. на сумму _____руб.
всего _______экз. на сумму _____руб.

ШИФР 001

Елена Хаецкая. ДАМА ТУЛУЗА. М.: АСТ, 2003. — 384 с., пер. — (Заклятые миры). Цена — 100 руб.

Перед нами просто страна, где чудеса – обыденность, демоны – привычные гости, а рыцарские подвиги – работа. Просто мир «меча и магии», увиденный «изнутри». Просто очередной шедевр Елены Хаецкой – завершение Лангедокского цикла.

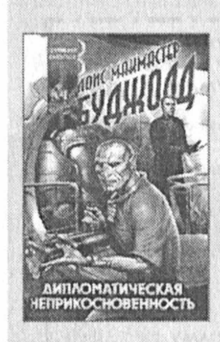
ШИФР 002

Далия Трускиновская. ДАЙТЕ МЕСТО ГНЕВУ БОЖИЮ. М.: АСТ, 2003. — 383 с., пер. — (Звездный лабиринт). Цена — 90 руб.

Как найти управу на сильных мира сего, если суд людской перед ними бесправен, а суда Божьего ждать придется слишком долго?! Наберите адрес сервера WWW.UPRAVA.RU – и на помощь вам придут демоны Справедливости...

ШИФР 003

Лоис Макмастер Буджолд. ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ. М.: АСТ, 2003. — 378 с., пер. — (Координаты чудес). Цена — 100 руб.

На станции Граф арестован торговый караван Комарры, безопасность которого обеспечивал барраярский конвой. Один из барраярцев бесследно исчез, второй якобы попросил политического убежища... Недоразумение? Или – начало войны?

ШИФР 004

Сергей Лукьяненко. ЗВЕЗДЫ — ХОЛОДНЫЕ ИГРУШКИ; ЗВЕЗДНАЯ ТЕНЬ. М.: АСТ, 2003. — 716 с., пер. — (ЗЛ: Коллекция). Цена — 130 руб.

Встреча с иными цивилизациями оказалась обескураживающей: земляне опоздали – Галактика уже поделена между Сильными расами, другим же, более молодым, отведена роль винтиков в структуре межзвездного сообщества...

ШИФР 005

Евгений Харитонов, Андрей Щербак-Жуков. НА ЭКРАНЕ — ЧУДО. М.: НИИ Киноискусства, 2003. — 320 с., обл. Цена — 150 руб.

Эта книга уникальна. В нее вошла полная аннотированная фильмография отечественного сказочного и фантастического кино с 1909-го по 2002 год, а также статьи, публиковавшиеся в периодике. Спешите сделать заказ: тираж ограничен!

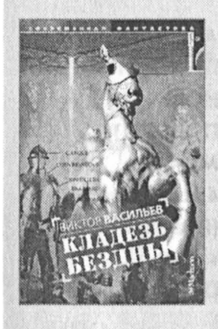
ШИФР 006

Гарри Тартлдав. ОТВЕТНЫЙ УДАР. М.: Махаон, 2003. — 672 с., пер. — (Зеленая Луна). Цена — 110 руб.

Роман, написанный в жанре «альтернативной истории», переносит нас во времена Второй мировой войны. Германия уже напала на СССР. Но ход истории нарушается новой страшной угрозой: на планету Земля нападают космические пришельцы...

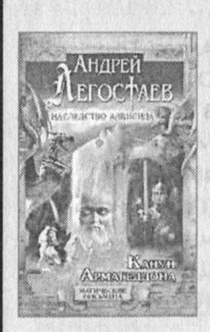
ШИФР 007

Виктор Васильев. КЛАДЕЗЬ БЕЗДНЫ. М.: Махаон, 2003. — 608 с., пер. — (Зеленая Луна). Цена — 105 руб.

В этом произведении элементы фантастического триллера и исторического романа сочетаются с элементами фэнтези. Как бы изменилась история человечества, если бы в эпоху Средневековья в его дела вмешались могущественные внешние силы?

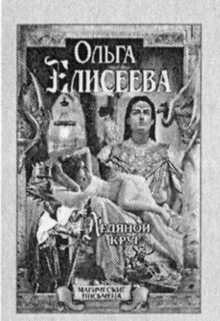
ШИФР 008

Андрей Легостаев. НАСЛЕДСТВО АЛВИСИДА. КАНУН АРМАГЕДДОНА. М.: Вече, 2003. — 368 с., пер. — (Магические письмена). Цена — 100 руб.

Радхаур, граф Маридунский, и его друзья отправляются в опасное путешествие. Они задумали найти сердце бога Алвисида, но не знают, сколь могущественные враги встанут у них на пути... Долгожданное продолжение знаменитого романа — впервые!

ШИФР 009

Ольга Елисеева. ЛЕДЯНОЙ КРУГ. М.: Вече, 2003. — 432 с., пер. — (Магические письмена). Цена — 100 руб.

В бездну веков канули времена, когда на Земле властвовали нелюди и черные колдуны. Но вновь рвется к власти поверженный некогда демон, вновь поднимают головы отродья Мрака. Лучшие из лучших встают у них на пути...

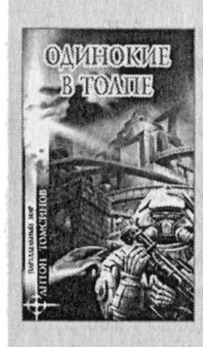
ШИФР 010

Виталий Забирко. ТЕНИ СНА. М.: Вече, 2003. — 480 с., пер. — (Формула победы). Цена — 100 руб.

Кто-то упорно толкает тихий благополучный городок в мрачное Средневековье. Бесследно исчезают новорожденные, ползут слухи о беспощадных ведьмах... Разгадка рядом, но какой неожиданной она оказывается!

ШИФР 011

Антон Томсинов. ОДИНОКИЕ В ТОЛПЕ. М.: Вече, 2003. — 480 с., пер. — (Параллельный мир). Цена — 100 руб.

Планета чудом выжила после ужасной катастрофы. Жизнь ютится под куполами немногочисленных полисов. Однако есть еще люди, хранящие Знание. Это пять сообществ, пять Кланов, враждующих между собой...

ШИФР 012

Ант Скаландис. ПРИЧАСТНЫЕ. НОВЫЙ ПОВОРОТ. М.: Вече, 2003. — 432 с., пер. — (Русский транзит). Цена — 100 руб.

Ясень — Михаил Разгонов — возвращается в Россию и мечтает о тихой жизни. Однако роман, который он пишет, имеет слишком большое значение и для Причастных, и для их недругов. В истории их вечного противостояния намечается новый поворот.

СПРАШИВАЙТЕ «КО» В КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ!

ВСЕ, ЧТО ВЫ ХОТИТЕ ЗНАТЬ О КНИГАХ

книжное обозрение

выходит с 5 мая 1966 года — THE BOOK REVIEW — ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ТОЛЬКО У НАС КАЖДУЮ НЕДЕЛЮ:

Подписной индекс по объединенному каталогу «Пресса России»

50051

для библиотек и индивидуальных подписчиков

83102

для предприятий и организаций

Если вы издаете, продаете или читаете книги, «Книжное обозрение» – ваша газета

- Все о новинках фантастики, детектива и других жанров
- Интервью с самыми интересными писателями
- Репортажи о книжной жизни
- Фрагменты из книг, готовящихся к публикации
- Свежие новости книжного бизнеса

Наш адрес: 129272, Россия, г. Москва, Сущевский вал, 64
Тел./факс (095) 281-62-66 E-mail: bookr@freemail.ru
Отдел рекламы: тел./факс (095) 281-41-06
www.book-review.ru www.knigoboz.ru

В ближайших номерах

«Звездной дороги»

читайте повести и рассказы

Кира Булычева,

Эдуарда Геворкяна,

Леонида Кудрявцева, Льва Вершинина

Подписные индексы журнала –

81935 (каталог «Роспечать»)

или 38429 (Объединенный каталог)

